

ПАРКИ И ДВОРЦЫ БЕРЛИНА И ПОТСДАМА

ПАМЯТНИК
ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Елена Николаевна Грицак Парки и дворцы Берлина и Потсдама

Памятники всемирного наследия

«Е.Н.Грицак Парки и дворцы Берлина и Потсдама»: Вече; Москва; 2006
ISBN 5-9533-1551-1

Аннотация

Берлин – город с удивительной судьбой. Древний, своеобразный, некогда очень красивый, волей судьбы он стал центром самой тяжелой в мировой истории войны. Следы не столь давней трагедии до сих пор остались не только в его архитектуре, но и в душах людей. Многомиллионная по населению, колоссальная по площади, столица Германии наполнена памятниками и в то же время бедна ими, поскольку все исторические здания реконструированы или являются копиями прежних. Тем не менее подлинные дворцовые постройки в городе сохранились, и о них, а также о тех, которые, к сожалению, перестали существовать после Второй мировой войны, рассказывается в данной книге.

Елена Николаевна Грицак Парки и дворцы Берлина и Потсдама

Введение

Устрашающее движение революции способно вызвать в мерном ритме Берлина лишь незначительные помехи. При катаклизмах этот город становится похожим на слона, получившего укол перочинным ножом; он вздрагивает, но продолжает шагать дальше, будто ничего не случилось.

Граф Гарри Кесслер, 1919

Однажды журналист лондонской «Таймс», анализируя политику немецких государств, заметил: «Бесполезно искать глубокий смысл там, где существует лишь педантизм. Столь же напрасным будет доискиваться у немцев ясной цели в том, что является их желанием воплотить какую-то призрачную идею. Если бы их правители были практичными

государственными деятелями, а не педантами и софистами, можно было бы предположить наличие дальних целей. Однако, зная, что они такие, мы видим в их поведении только очередной пример слабости и своенравия, которые принесли немало бед народу». Автор этой несправедливой статьи совершенно прав только в одном – немцы не похожи ни на кого, кроме немцев, и так же и их удивительная столица несхожа с другими европейскими городами.

В отличие от самой Германии Берлин всегда оставался городом, жить в котором было удобно и приятно. Монархи заботились о его безопасности, архитекторы возводили красивые здания, скульпторы и художники придавали эффектный вид прямым широким улицам, промышленники обеспечивали работой миллионы жителей. Тем не менее иное отношение тоже имело место и, несмотря на кратковременность, сильно повлияло на облик Берлина. Трудно поверить, что разумные, бережливые, далеко не богатые немцы иногда безжалостно уничтожали то, что с таким трудом и любовью к родному краю возводили их предки.

Панорама современного Берлина

Даже один раз посетив Берлин, трудно не согласиться со словами Гёте, что «немцы усложняют все себе и другим». В самом деле, слишком часто здесь торжествовала злая воля, заставлявшая город делиться на разные части, объединяться и разделяться вновь затем, чтобы стать колоссальным мегаполисом, где, впрочем, одинаково блаженствовали те, кто зарабатывал миллионы, и те, кто рассчитывал только на благотворительность. Иностранная

интеллигенция порой признается в бессилии понять немецкий образ жизни и так же теряются гости Берлина, впервые оказавшись в городе, слишком непохожем на европейскую столицу. Все, что привычно для каждого городского жителя, здесь становится странным, особенно в свете знаменитого немецкого педантизма. Вопреки утверждению лондонского журналиста, эта похвальная черта характера не создавала, а, напротив, помогала преодолевать беды, которые так и не смогли увести немцев с пути к светлому будущему, теперь переставшему быть призрачной мечтой.

Берлин

Величественный, наделенный сознанием, вечный... Берлин был глубоко уязвлен нацистами. После их стараний живучесть города уже не казалась бесспорной.

Гордон Крейг, 1980-е

Внешне Берлин производит впечатление молодого и очень современного города. Футуристическая архитектура, широкие, никогда не пустующие магистрали, площади, которые трудно охватить взглядом – теперь германская столица выглядит иллюстрацией к фантастическому роману. Тем не менее возраст ее приближается к тысяче лет, хотя свидетельством тому являются только легенды. Несмотря на самые тщательные изыскания, ученые до сих пор не могут назвать имена основателей этого необыкновенного города и даже не знают, откуда происходит его, казалось бы, простое название.

Город Медведя

Захватив внушительную часть Германии, римские легионы так и не смогли утвердиться в северо-восточной ее стороне, отчего та веками оставалась во власти кочевых племен, прежде всего свебов и семнонов. В VIII веке по направлению к западу настойчиво продвигались славяне, которым удалось задержаться на варварской земле вплоть до Крестовых походов. Спустя четыре столетия, бросив клич «Drang nach Osten», германцы мощным натиском отогнали славян за Одер и спокойно зажили в мелких графствах, объединенных в марку под крылом Священной Римской империи. Одним из маркграфов был Альберт Медведь из рода Асканиев, присмотревший себе хорошее местечко у брода через реку Шпрее.

Замок с небольшим поселением появился на пересечении торговых путей, там, где купцам приходилось останавливать караваны и разгружаться, чтобы переправиться через поток, довольно широкий на этом участке. Прежде чем спустить тюки в лодку, каждый торговец платил пошлину графу, а тот жертвовал часть денег на благодеяние жителей Мюлендамма, как поначалу назывался городок близ переправы. Жилище графа защищали толстые стены, глубокие воды Шпрее и Шлоссбрюке (от нем. Schlossbrücke – «замковый мост»), сложенный из бревен, а затем оборудованный разводным механизмом для защиты от нападений извне.

Поселение разрасталось и за несколько веков существования разбилось на два города, раскинувшихся по обеим сторонам реки. Западный берег, вернее, остров между двумя рукавами Шпрее, заселяли рыбаки, назвавшие свой город Кёльн (впоследствии Старый Кёльн). Здешняя церковь была посвящена святому Петру, который защищал всех, кто, как и он в молодости, зарабатывал на жизнь рыбной ловлей. На восточном берегу находился Берлин (впоследствии Старый Берлин) с графским замком, рыночной площадью, купеческими кварталами, рядами нарядных особняков и богатыми прихожанами церкви Святого Николая, покровителя торговцев.

Большинство авторов популярной литературы связывают название германской столицы с великим множеством медведей, раньше и вправду обитавших в окрестных лесах. Научного

подтверждения подобные заявления не получили, поскольку этот представитель лесной братии не мог чувствовать себя вольготно среди болот и заливных лугов. По мнению лингвистов, немецкое слово «Берлин» является производным от древнеславянского «берл», означающего не лохматого зверя, а всего лишь «топь, болото».

Реконструкция средневековой застройки в одном из районов Берлина

Так или иначе, но в эпоху раннего Средневековья оба селения процветали, во многом благодаря выгодному географическому положению, а также миру, достигнутому маркграфами из рода Асканиев. Хороший доход приносила торговля, а продавали здесь все, что давала местная природа и привозили купцы: зерно, древесину, рыбу, русские меха, восточные благовония, пряности. Через берлинские склады проходили все товары, направлявшиеся в приморский Гамбург, благодаря чему крепость на Шпрее превратилась в торговый центр, позже вошедший в знаменитую Ганзейскую лигу.

Союз городов не препятствовал их автономии, но все же борьба за всевозможные вольности – право чеканки монет, суда, защиты евреев – неуклонно вела к сближению, и таковое наступило в 1307 году, когда Кёльн присоединился к Берлину. При Асканиях они развивались как типичные средневековые города. Помимо бюргерства, сформировавшегося из купеческой и ремесленной знати, их население составляли так называемые пришлые люди, то есть евреи, а также те, кто, отбившись от караванов, не захотел покидать этот сказочный край. Жители вольного Берлина пользовались привилегиями, включавшими право формирования гильдий, сбора налогов с заезжих купцов, чеканки собственной монеты, и,

конечно, самоуправления без вмешательства графа. Войти в совет старейшин мог каждый горожанин (нем. *Burger*), но преимущество все-таки имели дворяне.

Мирное развитие Берлина закончилось со смертью Вальдемара Аскания – последнего потомка славного «медвежьего» рода. Оставшись без мудрого и уважаемого правителя, город был втянут в борьбу императора Людвига Баварского с папой римским. Причиной духовных баталий послужил пришедший из Франции антиклерикализм, который нередко принимал яростные формы, подчас доходя до погромов. Достаточно вспомнить убийство и сожжение чернью настоятеля Николая в 1324 году. Равнодушные к духовным идеям воспользовались слабостью марки: отсутствие крепкой власти позволяло безнаказанно грабить странствующих торговцев, нападать на беззащитные деревни, а нередко и на достаточно защищенные города, даже такие большие, как Берлин. Средневековые хроники упоминают о рыцаре-разбойнике Эрике Фальке из Шлосс-Саармунда, который однажды устроил рейд на поселения Шпрее и после грабежа сжег многие из них. Вскоре армию знатных грабителей пополнили феодалы из Померании и мелкопоместные бароны во главе с Иоганном фон Квицовом, донимавшие мирных обывателей набегами своих отрядов. Почти не встречая сопротивления, германские робин гуды сделали опасной любую вылазку за пределы крепостной стены, что не могло не повлиять на торговлю, порой застывавшую на несколько лет.

Тогда вряд ли хотя бы один берлинский бюргер ложился спать без мольбы о сильной руке, которая помогла бы восстановить законность в государстве и заодно избавить город от грабежей. Молитвы были услышаны в 1411 году, когда император назначил наместником марки бургграфа Фридриха Нюрнбергского. Молодой, невероятно деятельный правитель добился от берлинцев снаряжения отрядов, получил провиант и боеприпасы, причем ради благого дела те не пожалели церковных колоколов, снятых и переплавленных на пушечные ядра. Вызвав Иоганна фон Квицова на сражение в открытом поле, он разгромил войско разбойников, а затем направил пушки на их гнезда, сравнив с землей 40 крепостей и множество небольших укрепленных пунктов. Активность бургграфа была замечена и вознаграждена присвоением титула имперского курфюрста (нем. *Kurfurst* – «князь-избиратель»), то есть правителя, наделенного правом избирать императора Священной Римской империи. Таким образом, Фридрих Нюрнбергский стал первым представителем дома Гогенцоллернов, чью родословную продолжил король Пруссии, а завершил кайзер Германии.

К разочарованию горожан, новый господин не вернул Берлину статус, которым город обладал со времен основания. Изначально вольный, он превратился в резиденцию курфюрста. Встревоженные бюргеры попытались освободиться с помощью компенсации, но предложенная ими сумма казалась ничтожной по сравнению с доходами от переправы Мюлендамм. Если судить по долгим судебным разбирательствам, берлинцы добились некоторых послаблений от самого Фридриха и проиграли его преемнику Фридриху по прозвищу Железный Зуб, который, кроме стойкости в суде, показал способность к интригам. Не добившись привилегий законным порядком, он спровоцировал ссору между жителями Берлина, а потом вмешался, не поддерживая ни одну из воюющих группировок. После того как отряды курфюрста захватили некоторые из окрестных ферм в качестве залога, горожане разрешили Фридриху построить крепость в Кельне, на острове между двумя рукавами Шпрее. Строительство завершилось в 1451 году; к тому времени Гогенцоллерны приобрели права на Бранденбургскую марку и отделили свою резиденцию от Берлина. К началу следующего века население обоих городов успело забыть о средневековых вольностях и вынуждено было склонить голову перед чиновниками. Новые администраторы получали специальное образование в школе при кельнской ратуше, а с 1574 года – в гимназии при Сером монастыре, где духовные науки постигали прусские короли, а позже учился будущий рейхсканцлер Отто фон Бисмарк.

Неблагоприятный исход борьбы не возбудил в людях желания бунтовать, и неудивительно, ведь одновременно с уменьшением свободы увеличивалось их

благополучие. Имея столичный статус, город богател, развивался правильно и быстро, поскольку двор курфюрста привлекал банкиров, поставщиков предметов роскоши и прочих специалистов по устройству красивой жизни. Не желая делиться прибылью с чужаками, горожане освоили такие отвергавшиеся ранее ремесла, как сукноделие, вышивание, научились делать шляпы, ювелирные украшения, оружие.

Смерть на поле битвы. Гравюра времен Тридцатилетней войны

Первые Гогенцоллерны любили свою столицу, выражая привязанность если не деньгами, то вниманием. Путем налоговых льгот и жалования земель правители поощряли придворных на участие в ее благоустройстве. В течение XVI века города на Шпрее наполнялись красивыми домами, парками, уютными площадями, мощеными тротуарами; в каждом из них постепенно вводилась и успешно действовала система централизованной подачи воды. При курфюрсте Иоахиме III впервые за государственный счет был выстроен новый дворец в стиле ренессанс. К сожалению, после трех эпидемий чумы и религиозного бунта многое из достигнутого тогда исчезло и вспомнилось нескоро, потому что в начале следующего столетия на Европу обрушилась Тридцатилетняя война. Борьба католиков с протестантами, казалось, вернула Берлин в Средневековье. Крепости на Шпрее вновь стали навещать благородные разбойники, из которых особенно запомнились Валленштейн и Густав Адольф. Голод, раны, болезни привели к значительному сокращению числа горожан: в хрониках тех лет упоминается всего 5–6 тысяч жителей, оставшихся от довоенных 12 тысяч.

Вплоть до XIX века большая часть того, что ныне зовется Германией, по известным причинам не была затронута грандиозным движением европейской истории. Годы замкнутости повлияли на характер населения, ставшего педантично жестким, агрессивным по отношению к другим народам и крайне лояльным к собственной власти. После Тридцатилетней войны государство разбилось на сотни мелких княжеств, усилилась власть князей и окончательно укрепилась привычка к послушанию, возникшая еще в Средневековье. Не случайно один из римских пап того времени назвал Германию «землей покорности» (лат. terra obedientiae). В самом деле, постоянная близость смерти и постоянный страх, о котором так выразительно писали немецкие поэты, заставляли уцелевших повиноваться любому господину, не разбирая, хорош он или плох. Охваченные ужасом люди принимали любые требования князей, отчего покорность стала нормой и даже вошла в традицию.

Перемены к лучшему начались в 1640 году, когда титул великого курфюрста получил Фридрих-Вильгельм. Прекрасно образованный человек, мудрый политик и решительный воин, он быстро собрал армию, мощь которой отбила у грабителей желание совершать набеги. После победы Кёльн и Берлин были объединены, в этот раз навсегда, и значительно расширены. Еще большие надежды вселил разгром шведов в битве при Фербеллине в 1675 году. Победа над исконным врагом посчитали благословением божьим, о чем не преминул высказаться придворный поэт:

Берлин, возрадуйся,
Враг повержен...
Этой победой ты
Освобожден от страха,
Бог да поможет тебе
И пребудет с тобой!

По известным причинам в германской столице осталось очень мало средневековых построек. В отличие от зданий, старые мосты не сохранились вовсе, и гибель их далеко не всегда зависела от злого умысла. Город, сложно пересекаемый рекой, не может обходиться только паромами, поэтому берлинские мосты, так упорно разрушаемые врагами, всегда возрождались. История многих из них, казалось, должна была закончиться в мае 1945 года, но, как и раньше, вместо погибших подлинников возникали копии либо совершенно новые сооружения, которые выглядели так, словно стояли на своих местах веками. Сложенный из красного кирпича Обербаумбрюке (нем. Oberbaumbrücke) украсил Берлин в конце XIX века, но своеобразный вид моста наводит на мысль о готике. Он заменил старую деревянную переправу и, когда открылась первая ветка берлинского метро, здесь расположилась конечная станция на пути в Шарлоттенбург.

После разделения Германии поезда ходить перестали, но постройка на мосту продолжала использоваться, теперь уже в качестве контрольно-пропускного пункта. В настоящее время метро вновь работает, а столетний Обербаумбрюке является достоянием не только столицы, но и всей страны.

«Средневековый» мост Обербаумбрюке

Одно из настоящих творений Средневековья, донныне действующая церковь Мариенкирхе была возведена в 1270 году, реконструирована столетие спустя после пожара, но окончательный вид приобрела лишь в начале XV века, когда ее интерьер украсила фреска с изображением пляски смерти. Расположенная напротив церкви Красная ратуша (нем. Rotes Rathaus) строилась в 1861-1869 годах по плану Германа Фридриха Веземана. Как видно из ренессансного вида строения, архитектор был патриотом и одновременно большим поклонником итальянского зодчества. В здании, возведенном из традиционного для Берлина красного необожженного кирпича, нашли применение элементы бранденбургского строительного искусства, смотревшиеся не хуже мотивов, присущих мастерам Тосканы.

Трехэтажная ратуша увенчана 74-метровой башней, которая придает комплексу значительность и служит его визуальным центром. Атик у подножия имеет не совсем обычную форму, поскольку оживлен аркадой, переходящей в колонны портала. На верхнюю площадку башни можно подняться, одолев 287 ступенек винтовой лестницы. Большой колокол городских часов настроен на низкую ноту «ре», а малый, отбивающий четверть часа, – на высокую «соль». Верхушку ратуши символически охраняют 8 берлинских медведей; трехметровые фигуры животных, олицетворяющих династию Асканиев, сделаны из песчаника и принадлежат резцу знаменитого немецкого ваятеля Вильгельма Вольфа. Стены здания опоясывает террако-товый фриз со сценами из истории города. Каменную летопись столицы Германии дополняет мозаичное окно над искусно выполненным главным порталом, где помещены пластические аллегии труда. Вызывая восхищение изначально, в послевоенные годы здание городского самоуправления стало объектом насмешек, ведь в нем заседал магистрат социалистического Берлина, поэтому, произнося слово «красный», западные немцы имели в виду не цвет, а политику.

Красная ратуша

Фонтан «Нептун» на площади перед Красной ратушей

Прилегающую к ратуше площадь сегодня украшает фонтан «Нептун». Созданный скульптором Бегасом в 1891 году, он был перенесен сюда из Берлинского замка, разрушенного после Второй мировой войны. Нетрудно догадаться, что в качестве основного персонажа скульптурной композиции автор выбрал морского царя. Однако не меньший интерес представляет свита, вернее, женская ее часть. Расставленные по краю фонтана девы из красного гранита, по твердому убеждению местных, составляют уникальную группу берлинок, способных «держат язык за зубами».

В отличие от остальных германцев обитатели Берлина невероятно болтливы. Каждый из них старается запомнить происходящие вокруг события, чтобы при встрече со знакомым поделиться впечатлениями. Молчаливый берлинец – явление крайне редкое. По наблюдениям путешественников, жители германской столицы не умеют общаться, а при разговоре происходит примитивный обмен монологами. Сосредоточенный вид одного из собеседников вовсе говорит о внимании: зачастую не слушая партнера, он обдумывает свою дальнейшую речь, которую начинает, едва визави замолчит. Поток слов здесь принято дополнять оригинальными фразами, антитезами, шутками, анекдотами. Знатоков юмора восхищает привычное для берлинского разговора изобилие продуманных конструкций, подобных описанию мужчины, который «выглядит как старушка, похожая на старичка».

В спорах, где берлинцы проявляют несвойственную северному темпераменту горячность, можно услышать преувеличенные угрозы и эпитеты, что свидетельствует не только о богатом воображении, но и о широком кругозоре: «Сейчас я тебе врежу так, что будешь паяться из-за собственных ребер, как мартышка из клетки». Традиция словесных перепалок культивировалась в Берлине с варварских времен, в эпоху Просвещения поднявшись до уровня настоящего искусства. Тогдашний житель рабоче-крестьянской окраины, ругаясь с соседом, оперировал неожиданными, но удивительно меткими образами: «У тебя не все чашки в буфете». В ученых дебатах чаще использовались философские категории: «Прощаю тебе, ведь ты глуп!».

В рассуждениях о местном остроловии принято выделять такие свойства, как грубость и находчивость. Первое объясняется свободной атмосферой большого города, каждый житель которого, невзирая на статус или положение в обществе, может стать объектом насмешек. Своей находчивостью берлинцы обязаны соревновательному духу, особенно заметному в коммерческой среде, где это явление возникло при великом курфюрсте Фридрихе-Вильгельме. Его правление ознаменовалось открытием судоходного канала между Одером и Шпрее, что заметно активизировало торговлю. При нем значительно возрос уровень текстильного дела, только тогда переросшего в полноценную отрасль промышленности.

Большой канал – водная магистраль в центре Берлина

Резиденция правителя – Берлинский, или Городской, замок – находилась на острове и вместо крепостного рва была окружена водами Шпрее. Курфюрст не скрывался за толстыми стенами: каждое утро ворота крепости широко распахивались, чтобы пропустить пышную свиту на мост, названный Собачьим из-за псов, всегда сопровождавших кавалькаду всадников. Чаще всего такие вылазки совершались ради охоты, благо в ближайшем к замку лесу Тиргартен водились олени. Путь к охотничьим угольям указывала тянувшаяся от моста прямая аллея. Проложенная еще при Асканиях, дорога была широка и всегда расчищена, словом, хороша всем, кроме окружающего вида: простиравшиеся до горизонта пески, камни, редкие пожелтевшие кусты. Такой пейзаж, безусловно, не радовал владыку, который одинаково высоко ценил и удобство, и красоту. Гораздо приятнее конные прогулки проходили после 1647 года, когда Фридрих-Вильгельм приказал уложить на песок вдоль дороги плодородную почву и засадить весь путь от замка до леса молодыми липами. Именно так в Берлине появилась улица Унтер-ден-Линден (нем. *Unter den Linden*) – «бесконечный» бульвар под липами, где сегодня соединяются разные времена и стили, где старинные особняки и ультрасовременные постройки из стеклобетона выглядят свидетелями далекого прошлого и новейшей истории.

Проявляя бережливость во всем, что относилось к дворцовому хозяйству, курфюрст заботился о своих липах. Не полагаясь на слуг, он лично пускал пулю в лоб каждой свинье, замеченной вблизи аллеи. История сохранила курьезный указ, согласно которому егерям надлежало отстреливать свиней, стадами сбегавшихся к деревьям, чтобы полакомиться нежной корой. Потомки «хитрого лиса», как называли Фридриха-Вильгельма европейские монархи, постарались сделать бывший охотничий путь улицей-символом, наделенной монументальностью и сакральной силой по аналогии с властью германских королей. Впоследствии самый знаменитый из Гогенцоллернов, Фридрих II, не упускал случая проследовать по Унтер-ден-Линден, направляясь в Потсдам, где находилась его резиденция и где была расквартирована большая часть прусского войска.

Улица Унтер-ден-Линден. Фотография начала XX века

К началу XVII века население Берлина сильно увеличилось, достигнув 60 тысяч человек. Несмотря на военные потери, столица разрасталась в основном за счет гугенотов, потоком прибывавших из Франции: соблюдая правила Потсдамского эдикта, великий курфюрст позволял иностранным сторонникам Мартина Лютера укрываться от гонений в Германии. Берлин принимал французов дружелюбно, если не сказать с радостью, ведь приток «свежей крови» обеспечил городу значительный рост экономики. Трудно сказать, как складывались их отношения с бюргерами, но изысканные и деятельные чужаки показали свое умение в таких тонких делах, как производство шелка, пошив одежды, ювелирное и парикмахерское искусство. С того времени грубоватый местный диалект начал пополняться легкими французскими фразами, которые придавали изящество беседам в берлинских салонах.

Дворец искусств Софии-Шарлотты

В конце XVII века Берлин стал местом, откуда по Германии распространялась культура. Немалую роль в этом положительном процессе сыграла супруга сына великого курфюрста Фридриха-Вильгельма, красавица София-Шарлотта, которой немцы во многом обязаны своей нынешней цивилизованностью. Происходя из рода Стюартов, она отличалась веселым нравом и, к счастью, не унаследовала упрямства английских королей. Получив всестороннее образование по настоянию отца, Эрнста Августа, герцога Ганноверского, принцесса говорила на двух родных языках, прекрасно владела итальянским и французским, читала на латинском, превосходно музицировала, интересовалась философией, естественными и даже точными науками. Философия являлась семейным увлечением, поскольку ею занимались многие представители рода. Восторженной поклонницей и другом философствующего математика Рене Декарта была сестра герцога, Элизабет, а ее племянница, по примеру матери, находила удовольствие в спорах с молодым Готфридом Вильгельмом Лейбницем, которого вместе с великим коллегой свободно принимали в

царственном семействе.

Став женой наследника курфюрста в 1682 году, София-Шарлотта примкнула к династии, исконно занятой вопросами власти, престолонаследия и примитивного выживания. Бесконечные войны не оставляли ни сил, ни времени для раздумий о престиже государства, в определенной мере зависящем от того, какое внимание правители уделяют культуре. Муж ганноверской принцессы, занявший трон в 1688 году, не только сознавал это упущение, но и постарался его возместить, правда, с помощью показной роскоши. Обретя власть, Фридрих поручил голландскому архитектору Йоганну Арнольду Нерингу украсить Берлин по образцу Парижа.

Берлинский Арсенал (Цейхгауз)

Рельефная скульптура на фасаде Арсенала

В начале следующего столетия город получил первое здание в модном стиле барокко, где сначала размещался Арсенал (нем. Zeughaus), а с недавнего времени находится Немецкий исторический музей. Подобно многим берлинским дворцам, Цейхгауз задумывался в качестве символа политической власти и военной мощи государства. Однако фантазия авторов превратила его в самое красивое сооружение города, настоящий шедевр немецкого барокко, чем успешно пользуются власти современного Берлина: если раньше по внутреннему двору Арсенала чинно шествовали солдаты, то сегодня в нем устраиваются вечера серенад.

В облике бывшего военного склада воплощены принципы двух архитектурных школ, поскольку здание по чертежам голландца Йоганна Арнольда Неринга возводили немцы Мартин Грюнберг и Андреас Шлютер. Благодаря таланту последнего на крыше появилась великолепная пластическая композиция, логично завершившая декор фасада, выполненного Жаном де Бодтом. Среди высоких статуй на кровле особое впечатление производят 22 головы умирающих воинов. Скульптурный спектакль начинается с аллегорических фигур арифметики, геометрии, а также весьма популярных в Германии искусств пиротехники и механики.

Собственный дворец привлек внимание молодого монарха немного раньше, чем город. Перестройкой родового гнезда Гогенцоллернов занимался Шлютер, который обессмертил себя и первого бранденбургского курфюрста Фридриха конной статуей, установленной на

одном из мостов столицы. Впоследствии монумент сменил адрес, украсив своими величественными формами двор загородного замка, преподнесенного правителем Софии-Шарлотте в качестве подарка на именины. При первой владелице он представлял собой не слишком обширный, огороженный стеной участок на берегу Шпрее с летним дворцом и парком. Будучи обыкновенной усадьбой, резиденция королевы называлась Лиценбург, поскольку стояла у деревни Лицов. Только после смерти Софии-Шарлотты, став настоящим дворцовым комплексом, замок получил свое нынешнее название Шарлоттенбург (нем. Charlottenburg).

Неринг приступил к проекту в 1695 году, а на рубеже веков был закончен центральный корпус – небольшая двухэтажная постройка с выступающим овальным залом. Когда курфюрст стал первым прусским королем, свита королевы увеличилась, что навело на мысль о расширении загородного дворца. Перестройку поручили шведскому архитектору Иоганну Фридриху Эозандеру. Вкусы того времени требовали версальского шика, поэтому дворец с одиннадцатью обращенными в парк высокими окнами обрел купол над главным залом и длинный фасад. Лицевая сторона королевского дома казалась длиннее, чем была в действительности, за счет боковых флигелей, где зодчий устроил жилые комнаты. Примыкавшие к правому крылу домик для кавалеров и хозяйственный блок отделялись так же роскошно, как сам дворец.

София-Шарлотта выбрала для своих апартаментов нижние комнаты, где залитые солнцем интерьеры как будто сливались с композицией парка. Цветы под террасой выращивались на восьми клумбах причудливой формы. Обрамлявшие их аллеи смыкались у большого пруда в северной части сада. Вдоль западной и восточной сторон партера тянулись ряды кустарника, который, доходя до цветника, защищал от нескромных взоров парковое убранство: скульптурные вазы, беломраморные статуи, растения, привезенные из дальних стран специально для прусской королевы.

Башня с куполом во дворце Шарлоттенбург

Большая дубовая галерея дворца воплощала в себе лучшие достижения мастеров берлинского барокко. Монарху это великолепное помещение виделось залом для приемов, потому его отделка отличалась особой тщательностью; больше всего постарались резчики, сумевшие покрыть тонкой резьбой практически все вертикальные поверхности. В отличие от барочной галереи декорированные в мягких пастельных тонах Белая и Золотая комнаты стали прекрасными образцами стиля рококо. Если бы королева строго придерживалась традиций, то соседняя комната могла бы называться Китайской, но ее назвали Фарфоровой, поскольку здесь хранилась ценная посуда, преимущественно китайский и японский фарфор.

Немного позже интерьеры дворца дополнились изумительными по изяществу банкетными залами, которые спроектировал и построил придворный зодчий Георг Венцеслаус фон Кнобельсдорф. Королевские покои, располагаясь рядом с приемными, не избежали парадности в отделке, но главным их украшением послужило не золото на стенах, а французская живопись – полотна Антуана Ватто, Николя Лансере и Жана Симеона Шардена. Сегодня в бывших спальнях апартаментов, помимо картин, можно увидеть изысканную коллекцию табакерок и дворцовую утварь, часть которой относится ко временам Софии-Шарлотты.

Первая прусская королева почти не интересовалась зданиями и монументами, уделяя гораздо большее внимание изящным искусствам, в частности литературе, живописи, музыке. Она превратила свою летнюю резиденцию в культурный центр, где избранная публика могла

наслаждаться тем, что вызывало неодобрение лютеранской церкви. В специальном зале летнего дворца почти каждый вечер давал концерты камерный оркестр, в нем проходили первые спектакли знаменитой берлинской оперы, собирались поэты, ученые, в том числе и богословы. Энергичная, остроумная, сведущая в науках королева устраивала диспуты, приглашая самых именитых философов своего времени. В летописях отмечено, что в Шарлоттенбурге красноречивый проповедник Якоб Шпенер яростно спорил со своим коллегой, лидером реформаторской конгрегации Даниелем Яблонски. После чтения книг, подобных «Словарю» Пьера Бейля, возникали дискуссии на такие щекотливые темы, как экуменизм, то есть возможность слияния конфессий.

В 1696 году заботами Софии-Шарлотты в Берлине появилась Академия искусств, которая вначале существовала на средства королевской семьи. Немного позже германская столица пополнилась еще одним полезным учреждением – Академией наук, так необходимой немецким ученым, до того вынужденным работать за границей. Первым ее президентом был назначен старый друг королевы Лейбниц. Вскоре членом Академии стал и другой личный знакомый Софии-Шарлотты, ведущий немецкий астроном Готтфрид Кирх.

Интерьер дворца Шарлоттенбург

Жена правителя не оставляла без внимания культуру страны, даже будучи тяжело больной. В ее предсмертных дневниках трудно найти слова жалоб или сожаления об окончании жизни, напротив, она рассматривала свое положение с научной точки зрения, воспринимая скорую смерть как своеобразный эксперимент: «Ныне я отхожу, чтобы удовлетворить любопытство касательно первопричин вещей, которые Лейбниц так и не смог мне объяснить – познать пространство и бесконечность, бытие и небытие, а для моего монаршего супруга я приготовила погребальную драму, которая, надеюсь, предоставит ему новую возможность продемонстрировать свое величие».

Во времена Фридриха Великого к основному корпусу дворца был присоединен флигель, получивший незатейливое название Нового. Устроенный перед ним парк состоял из двух рядов зеленого партера, эффектно окаймленного липами. Король не любил шумную столицу и еще меньше теплых чувств питал к Городскому замку. Он жил в Шарлоттенбурге

поневоле, ожидая завершения работ в потсдамском дворце Сан-Суси.

Не слишком обширные помещения Нового флигеля предполагалось использовать как летние комнаты короля. При Фридрихе-Вильгельме II их отделали в простой немецкой манере, а затем в смешанном китайско-этрuscoм стиле. На рубеже веков к летним апартаментам были пристроены зимние, убранные по канонам классицизма, тогда только начинавшего входить в европейскую моду.

С восшествием на престол Фридриха-Вильгельма III во флигеле разместилась его супруга королева Луиза, превратившая скромные покои в элегантный женский будуар с великолепной спальней из груши, созданной по рисункам знаменитого архитектора Карла Фридриха Шинкеля. Интересно, что сам король поселился в женских комнатах на первом этаже, там, где провела одинокие годы королева Елизавета-Кристина, нелюбимая супруга Фридриха Великого.

Бельведер Шарлоттенбурга

Загородный дворец прусских монархов часто перестраивался и расширялся, обретая новые корпуса, интерьеры, парковые композиции. Первый этап строительства завершился только в 1788 году, когда придворный зодчий Карл Лангханс возвел Бельведер, до сих пор сохранивший значение центра ландшафтного парка. Сейчас в овальном павильоне этой изящной постройки на высоком берегу Шпрее, с ее тайными комнатами и миниатюрным балкончиком для пары влюбленных, выставлена коллекция фарфора.

Одно из самых крупных изменений произошло в пору правления Фридриха Вильгельма

II, когда после увеличения западного крыла в Шарлоттенбурге появился театр. Построенный Карлом Готхардом Лангхансом, он недолго использовался по назначению, постепенно став местом проведения выставок, а затем и полноценным музеем. Именно здесь берлинская публика восхищалась предметами, привезенными из знаменитой троянской экспедиции Генриха Шлимана, которые положили начало фондам Музея первобытной истории.

С 1840 года некоторые из парадных залов Старого дворца после небольшой перedelки использовались в качестве покоев Фридриха-Вильгельма IV и королевы Елизаветы. После сноса городских дворцов Берлина и Потсдама сюда доставлялись мебель, картины, статуи, которые сегодня представляют особую ценность, поскольку являются частью исторических памятников. Более поздние, чудом уцелевшие королевские резиденции Шёнхаузен и Ораниенбург можно увидеть из окон овального зала дворца, откуда, кроме того, открывается вид на мрачную крепость Шпандау.

Планируя дворцовый парк, владельцы согласились на предложение прибывшего из Парижа зодчего Симеона Годо, известного пристрастием ко всему, что создавалось на его родине. Благодаря участию француза зеленая зона вокруг берлинского дворца приобрела легкомысленный характер барочных садов Версаля, с его дорожками-лабиринтами и фонтанами. Немаловажную роль в создании характерного вида парка сыграли экзотические растения из Большой оранжереи, пристроенной к западному крылу Старого дворца в 1712 году. Предназначенная для сохранения теплолюбивых цитрусовых деревьев в зимнее время, она представляла собой вытянутое одноэтажное здание с красивой отделкой фасада.

Большая оранжерея

Середину роскошной теплицы занимал выступавший с обеих сторон павильон правильной прямоугольной формы. Главным внутренним помещением являлся зал с колоннами в три ряда, которые указывали путь в комнаты боковых флигелей, где стены были украшены пилястрами. Разрушенная во время войны Большая оранжерея, по словам немецких журналистов, «буквально возродилась из пепла». Однако подобный отзыв не совсем правильно отражает события, ведь реставрация в самом деле была очень долгой. К середине 1962 года на потолке среднего салона появилась оригинальная роспись: местный

художник Петер Шуберт, работая в технике имитации, наделил плоский потолок зала живописными элементами, похожими на архитектурные детали.

В летние месяцы дворцовая оранжерея преображалась в приемный зал, где Гогенцоллерны встречали посланников, давали шумные балы, а если возникала необходимость, здесь проводились свадебные церемонии. В настоящее время огромное здание сдается в аренду для разовых выставок или многолюдных мероприятий.

В конце XVIII века европейское общество увлекалось классицизмом. Строгая простота, прямые линии, чистые пространства этого стиля противоречили легкомысленному барокко, черты которого все еще сохранял французский парк Шарлоттенбурга. Следуя веяниям времени, его начали постепенно менять на английский пейзажный сад. На месте открытых аллей появились холмы, «настоящие» озера заменили устаревшие бассейны и клумбы. После масштабных переделок парк стал напоминать заброшенную римскую виллу с беседками, гротами, античной скульптурой и Эрмитажем – отдаленным изящным зданием, обычно служившим для интимных свиданий. Непременной принадлежностью богатых парков того времени были руины, как в классической архитектуре назывались постройки жалкого, нарочито запущенного вида, возводимые с использованием фрагментов римских зданий. Владельцам Шарлоттенбурга не удалось приобщиться к прелести далекого прошлого, поскольку имитация развалин требовала средств, а денег в тот момент им очень не хватало.

Наследник Фридриха Великого посчитал зеленую оправу вокруг Шарлоттенбурга запущенной и весьма устаревшей по стилю. Превращение старого сада в современный ландшафтный парк было поручено зодчему Йоганну Августу Айзербеку, до того работавшему в городке Вёрлитц. Начатое им дело вытеснения барокко продолжил и довел до конца знаменитый мастер Петер Йозеф Ленне, после которого в дворцовом саду не осталось даже напоминания о позолоте и «вульгарных завитушках».

Первые ландшафтные участки представляли собой широкие лужайки с крупными цветочными клумбами и отдельными группами древовидных кустарников. Точный расчет позволил создать целую систему дорожек, пересекавших или резко огибавших кусты, устремленных вдаль, как и каналы, которые направлялись к цветникам от реки. На западной оконечности появился сухой ров, откуда можно было любоваться полями, не выходя за пределы королевского парка. С 1810 года в одном из тихих уголков рядом с декоративными беседками был построен мавзолей – память о прекрасной королеве Луизе, увековеченная в камне ее сыном, Фридрихом-Вильгельмом III.

Последний этап оформления замка относится к творчеству Шинкеля. В 1824 году король поручил своему придворному архитектору соорудить павильон, подобного итальянской вилле Кьятамоне. Впоследствии этот небольшой летний домик получил имя создателя.

Мавзолей королевы Луизы

В бурном XIX веке Берлин достиг колоссальных размеров. Городские кварталы, площади, учреждения и заводы требовали новых территорий, значительная часть которых была заимствована у Шарлоттенбурга. Особенно сильно ландшафтный парк уменьшился с северной стороны, где пролегла железнодорожная линия Берлин-Гамбург вкупе с несколькими столичными улицами. Первый прусский кайзер решил снова упорядочить парк, причем вместе с окрестностями, получившими правильную геометрическую форму.

Сегодняшний Шарлоттенбург – музей мирового уровня, одно из самых посещаемых мест в Германии и лучшая площадка для проведения культурных мероприятий. Во время Второй мировой войны дворец не раз попадал под обстрел, пострадал настолько сильно, что власти, расчищая Берлин от завалов, распорядились взорвать руины.

При катастрофическом положении послевоенной Германии его реставрация казалась делом невозможным, поэтому чиновники решили использовать привычный способ уменьшения затрат при нехватке денег. Однако против сноса резко выступила творческая интеллигенция, прежде всего Маргарет Кюн, тогдашний директор музея Шарлоттенбург. Энергичная, преданная своему делу дама добилась отмены сурового решения весьма неординарным способом: покинув берлинскую квартиру, она переселилась в полуразрушенный дворец, куда пригласила друзей, врагов и прессу.

На следующий день в газетах появилась фотография фрау Маргарет, лежавшей на кровати среди развалин. Откровенность, с которой на фото представлялась ситуация, грозила

политическим скандалом. Вандализма не произошло, власти сдались: здание, более трех веков украшавшее немецкую столицу, было спасено.

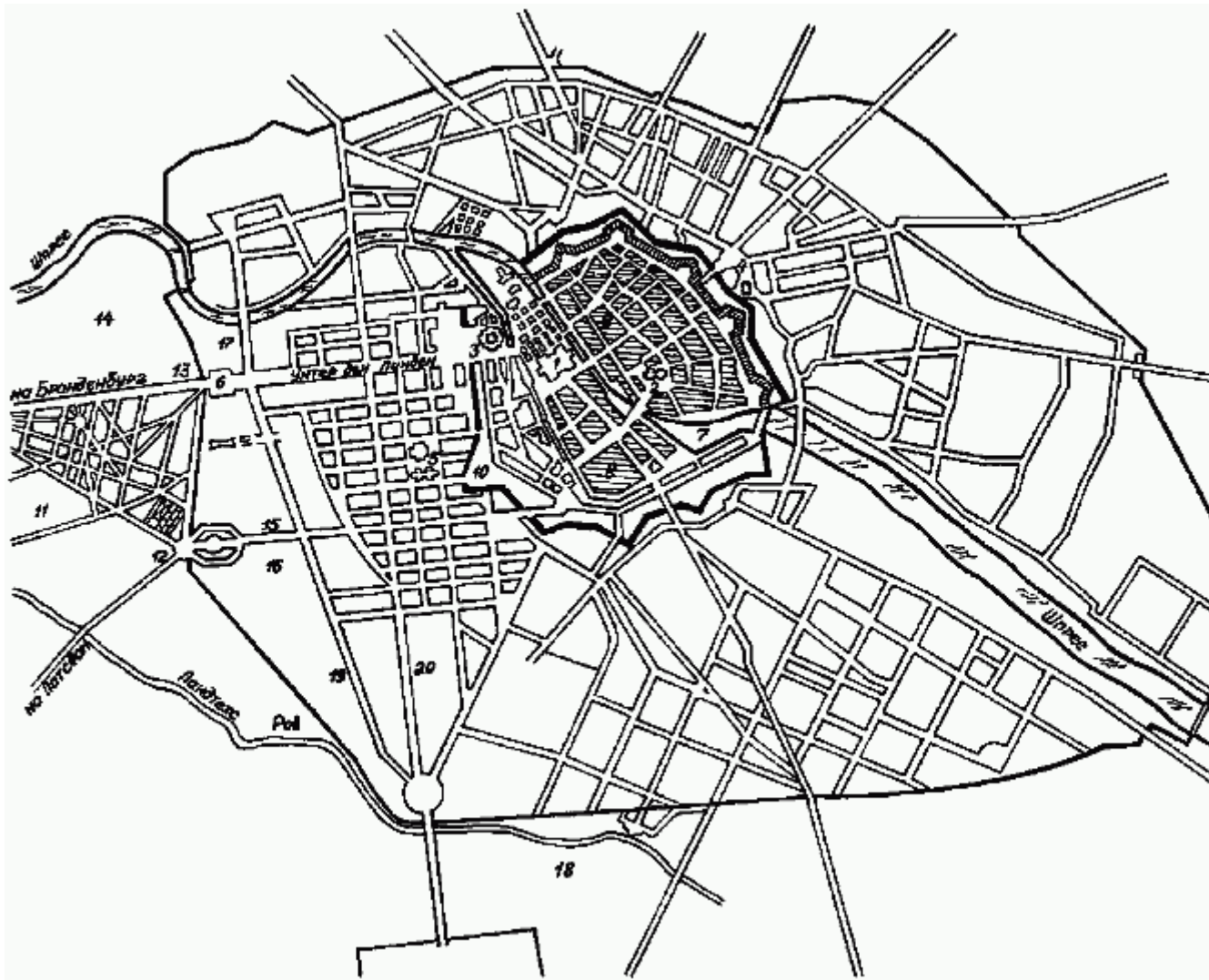
Руководствуясь первоначальным проектом, немецкие реставраторы сумели полностью восстановить партер, и перед главным корпусом вновь появились цветочные клумбы в пышном стиле барокко. В результате последних реставрационных работ, проведенных в начале нового тысячелетия, внутренняя часть парка Шарлоттенбург приобрела вид классического английского сада.

Скульптурная композиция перед парадным входом дворца Шарлоттенбург

Архитектурный пантеон

Подарив супруге летний дворец, король Фридрих I больше ничего не предпринимал для украшения столицы, ибо интересовался только армией, а следовательно, предпочитал вкладывать средства в насущные постройки, например в тренировочные плацы. Тем не менее город процветал и без королевского внимания. В 1709 году к Берлину присоединились города Фридрихсвердер, Фридрихштадт, Доротеенштадт и более значительный Кёльн с великолепным дворцом. Единая столица Пруссии получила название резиденции короля, сохранив его навсегда.

План старого Берлина: 1 – Берлинский замок, 2 – Церковь святого Николая, 3 – Арсенал (Цейхгауз), 4 – Александерплац, 5 – Жандармская площадь, 6 – Парижская площадь, 7 – Мюлендамм, 8 – Старый Кёльн, 9 – Старый Берлин, 10 – Фридрихсвардер, 11 – Южная часть парка Тиргартен, 12 – Потсдамские ворота, 13 – Бранденбургские ворота, 14 – Северная часть парка Тиргартен, 15 – Лейпцигерштрассе, 16 – Фридрихштадт, 17 – Доротеенштадт, 18 – Крейцберг, 19 – Вильгельмштрассе, 20 – Фридрихштрассе;

– средневековые поселения;

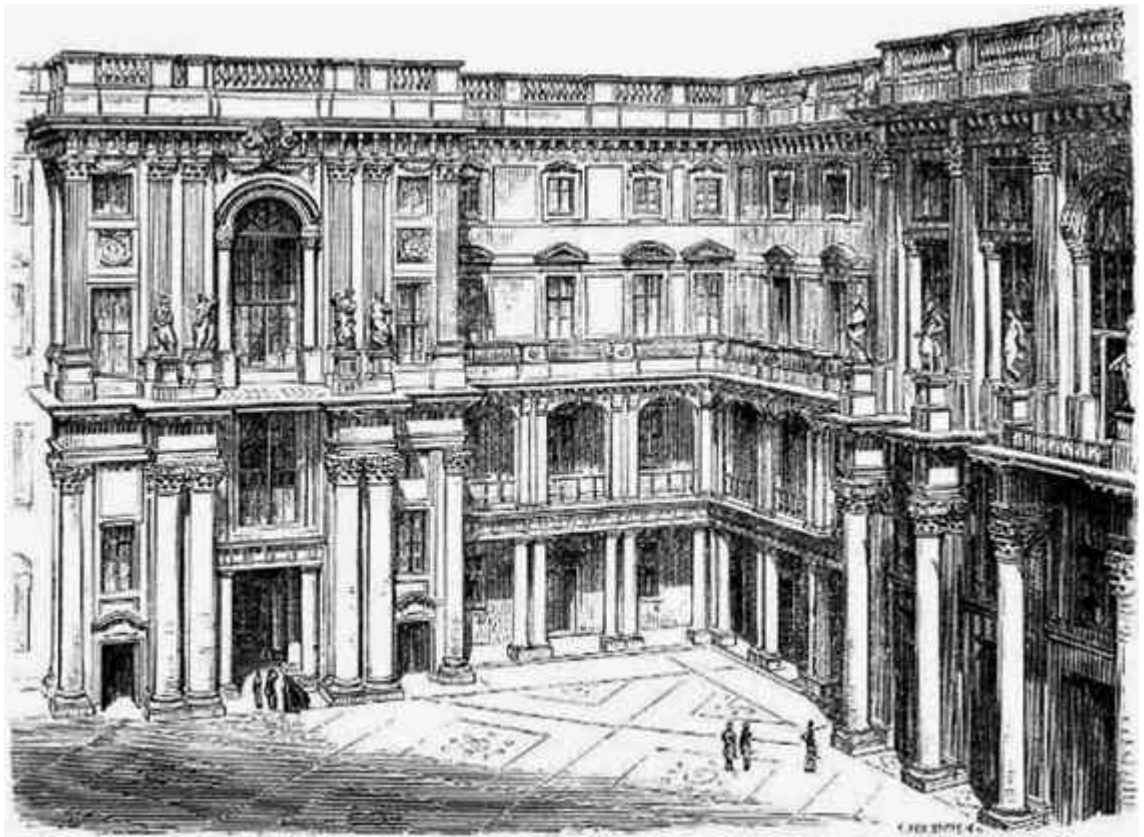

– остатки оборонительных сооружений старого города;

– таможенная стена 1735 года

Следующий правитель, Фридрих-Вильгельм I, украшал и расширял Берлин принудительно, сумев при том возвести около тысячи новых зданий. Соотечественники называли отца Фридриха Великого весьма обидными словами: «скряга», «болван», «варвар». В действительности он не отличался глупостью и был достаточно образован, но многие его достоинства выглядели как пороки, например прямота, доходя до крайности, превращалась в грубость, а экономия зачастую оборачивалась скардностью.

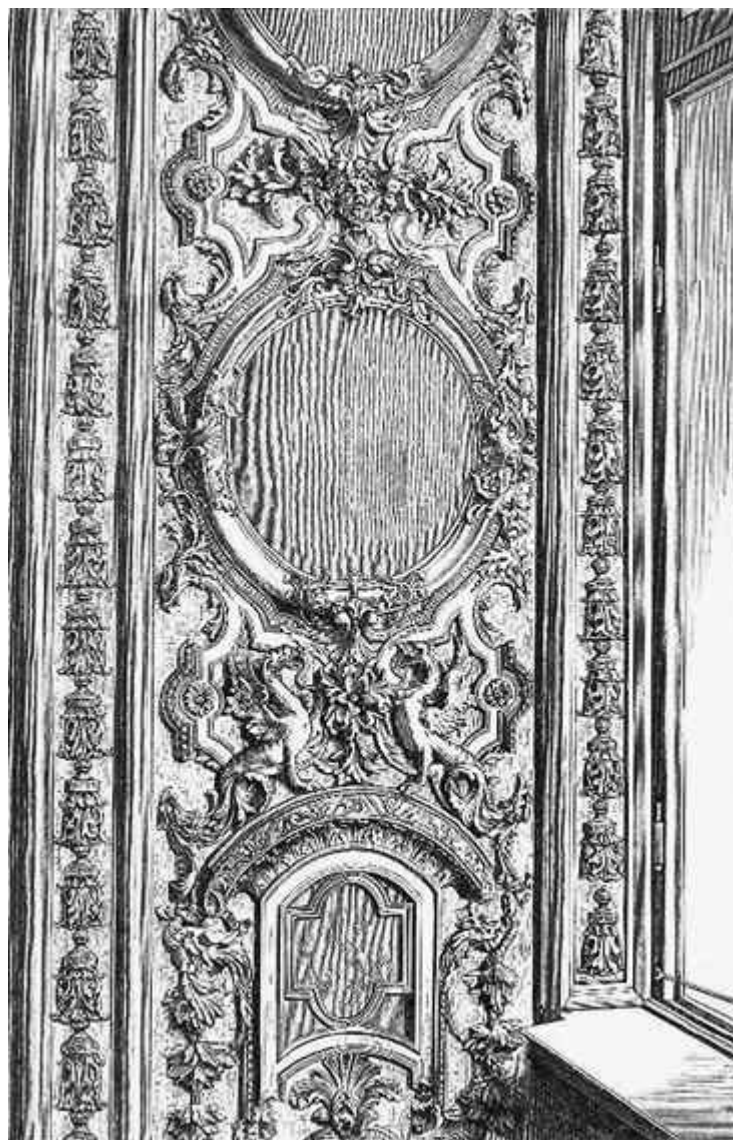

Двор Берлинского замка

Царствование Фридриха-Вильгельма I началось с жестких преобразований, затронувших едва ли не все сферы жизни государства. Король объявил себя военным министром и министром финансов. Осуждая расточительность предшественника, он стремился к экономии, в чем немало преуспел. Жалование служащим уменьшилось примерно в пять раз и во столько же увеличились налоги, которые теперь распространялись в равной мере на всех жителей страны, не исключая обнищавшее простонародье. Золотые монеты поступали в казну неиссякаемым потоком, накапливаясь в бочках, занимавших все больше и больше места в подвалах Берлинского замка. Обладание тысячами таких бочонков представлялось королю залогом государственной мощи. Не ограничиваясь деньгами, Фридрих-Вильгельм приобретал массивные изделия из серебра, в которых, по замечанию современников, «искусство имело меньше значения, нежели материальная ценность».

Возведенный в пределах Берлинского замка дворец короля имел форму четырехугольника, обращенного удлиненным фасадом к парку. Две короткие стороны здания защищались рекой и улицей, одновременно служившей набережной южного рукава Шпрее. Через водный поток был переброшен мост, по-прежнему деревянный, но именовавшийся уже не Собачьим, а Замковым. Его украшали восемь мраморных групп, представлявших Афины Палладу в сценах воспитания греческого воина. Внутренние окна дворца выходили на площадь, вернее, два парадных двора, один из которых был оформлен бронзовой композицией «Святой Георгий, убивающий дракона» работы мастера Кисса.

Оформление стены в одном из коридоров Берлинского замка

Почти все дворцовые постройки относятся к началу XVIII века, хотя отдельные башни сохранили вид, как эпоху курфюрстов, более того, некоторые детали остались от родового замка Гогенцоллернов. Перед главным порталом расположились четыре скульптурные группы, отлитые из бронзы по моделям мастера П. К. Клодта в Санкт-Петербурге и подаренные императором Николаем I прусскому королю. В парадных покоях дворца имелось немало исторических памятников. Особого внимания заслуживал рыцарский зал с тронем, отделанным серебряной чеканкой и драгоценными камнями. Для картинной галереи заказывались произведения современников, в основном полотна батальной тематики. Роскошью убранства отличалась дворцовая капелла с высоким куполом и залом, позволявшим разместить более тысячи человек.

По слухам, в кабинете королевы «стояла золотая мебель, и тот же драгоценный металл уходил на изготовление ручек каминных щипцов, лопаток и кофейников». Однако, если верить историкам, даже королевские покои не миновал царивший по всей стране режим крайней экономии. Второй после золота страстью короля была армия: Фридрих-Вильгельм I копил солдат как монеты, в итоге доведя численность прусского войска до 80 тысяч человек. Удивительно, что при великолепной выучке и оснащении в серьезных походах его армия не участвовала.

К моменту кончины короля в 1740 году население Берлина составляли 100 тысяч человек. Тогдашняя Пруссия активно утверждалась на европейской политической арене, а ее

столица выглядела хотя и большим, но все же провинциальным городом. Сын покойного монарха, Фридрих II, еще при жизни заслуживший прозвище Великий, постарался исправить положение. Ратные подвиги этого государя превратили страну в грозную военную державу, управляющуюся из центра, которым вскоре стал огромный, презентабельный на вид и главное, передовой во многих отношениях Берлин.

Бранденбургские ворота

Появившиеся тогда монументальные здания, оперный театр, Королевская библиотека, красивые жилые дома и множество дворцов в целом представляли собой настоящее собрание шедевров классического зодчества. Подъездным путем являлся широкий проспект Унтерден-Линден, а достойным входом в своеобразный архитектурный пантеон служили Бранденбургские ворота (нем. Brandenburger Tor), законченные в 1793 году, уже после смерти великого короля. Образцом для них послужили пропилеи афинского Акрополя. Украшенные статуями Марса, Минервы и многочисленными аллегорическими фигурами, они возвышались на въезде в город и были призваны олицетворять мощь прусских войск. Идею помпезного сооружения из песчаника осуществил архитектор Карл Готхард Лангханс, но самую эффектную деталь – квадригу с богиней победы Викторией – в 1868 году выполнил знаменитый скульптор, родоначальник немецкого классицизма Готфрид Шадов. Для большего эффекта обе стороны Бранденбургских ворот были дополнены двумя пристройками в виде греческих храмов. Случилось так, что знаменитой колеснице пришлось проскакать по Европе едва ли не галопом: захватив Берлин, Наполеон распорядился снять ее и отправить во Францию, а прусские солдаты, вскоре захватив Париж, постарались вернуть скульптуру на исконное место.

Давний ритуал требует от каждого вновь прибывшего в город пройти или проехать через легендарную арку, но сами берлинцы исполняют эту церемонию гораздо чаще приезжих. В 1930-х годах через Бранденбургские ворота проходил маршрут нацистских факельных шествий, через них старались проехать правители государства, почетные гости столицы, впрочем, с недавних пор в целях сохранения памятника всякое движение транспорта через ворота запрещено.

Колонны Бранденбургских ворот

Вид на город между колоннами Бранденбургских ворот

При Фридрихе Великом деревянный Замокый мост был разобран, а на его месте появился каменный. Существующее ныне сооружение появилось гораздо позже, в 1824 году, и, работая над проектом, архитектор Карл Фридрих Шинкель надеялся на то, что «в будущем мост образует гармоничное целое с прекрасной Унтер-ден-Линден, а посему главной в нем должна быть эстетическая сторона». Пожелание зодчего исполнилось в полной мере. Широкий, прямой, по-берлински оформленный крупной скульптурой, Замокый мост производит неизгладимое впечатление. Выполненные по рисункам Шинкеля чугунные решетки парапета так же традиционно украшены фигурами древнегреческих богов и сопутствующих им существ – морских коней, дельфинов, тритонов.

Скульптурная группа на Замковом мосту

Судьба распорядилась так, что Берлину в короткий отрезок времени довелось испытать славу победителя и унижение побежденного. В XVIII веке завоеватели приходили к его стенам дважды: в 1742 году город на один день захватили австрийцы, а в 1760 году в нем на более длительный срок остались русские. Удивительно стойко выдерживая невзгоды, столица Германии отличалась жизнестойкостью, прежде всего в интеллектуальном плане. Благодаря просветительской деятельности философа-идеалиста Мозеса Мендельсона, она превратилась в центр европейского просвещения. Именно в это время были заложены музыкальная и театральная традиции, что ознаменовалось премьерами драматических спектаклей «Минна фон Барнхельм» и «Гёц фон Берлихинген». Примерно в то же время берлинцы толпами собирались у входа в Оперу – настоящий дворец музыки, где публика рукоплескала прославленной труппе под руководством композитора Карла Генриха Грауна. На подмостках одного из лучших в Европе театров выступали лучшие артисты мира. Кроме Фаринеллы и Пинти, здесь блистала Барбарини, в которую, по слухам, был влюблен Фридрих Великий. Симпатия старого короля доходила до приглашения танцовщицы на ужин, где обычно присутствовали только мужчины.

Берлинская Опера

Придворный театр, позже получивший статус Немецкой государственной оперы, располагался в удивительно красивом здании, к счастью, уцелевшем при штурме Берлина. Недавняя его реконструкция проводилась по-немецки тщательно и весьма осторожно, поэтому в интерьере сохранились все черты первоначальной отделки: лепнина, люстры, канделябры, стилизованная под рококо мебель. В двух залах – Большом и малом, посвященном Аполлону, раньше представляли классику. В годы социализма здесь можно было увидеть и услышать произведения композиторов из социалистических стран, в основном С. Прокофьева. В настоящее время репертуар резко изменился и нынешние берлинцы ходят в Оперу, чтобы послушать музыку Моцарта, его современников и предшественников.

При Фридрихе II небывалым блеском отличались придворные праздники. «Каждое торжество было великолепным зрелищем для людей тщеславных, то есть почти для всех. Все видели его за столом, окруженного тридцатью принцами; он обедал на прекраснейшей в Европе золотой посуде, тогда как тридцать красивых пажей и столько же скороходов в роскошных костюмах приносили большие блюда из массивного золота», – восхищались историки Берлином тех времен. Потомки не напрасно дали своему самому воинственному королю столь почетное прозвище. Прекрасный правитель, образованный, открытый, терпимый ко многим проявлениям, он, в отличие от большинства предшественников, был сказочно богат. К моменту коронации его личные средства составляли миллионы талеров наличными, а также серебряные и золотые предметы из Берлинского замка. Терпимость государя простиралась от свободы вероисповедания до традиционной лояльности к немецкому населению, например, к евреям.

Фридрих очень серьезно готовился ко всем военным кампаниям, словно чувствуя, что каждая из них может оказаться решающей. К окончанию второй Силезской войны «из казначейства было изъято шесть миллионов талеров, со всего государства был сделан поземельный побор в полтора миллиона. Вся серебряная утварь, украшавшая дворец: канделябры, столы, люстры, каминные обрашались в деньги».

К концу похода от королевской наличности почти ничего не осталось, но казна не истощалась во многом благодаря активной деятельности банкирского дома «Эфраим и сыновья». Летом 1746 года прусские солдаты вторглись в Саксонию, начав третью Силезскую (Семилетнюю) войну, по окончании которой берлинский финансист Натан Фейтель Эфраим, согласившись на довольно тяжелые для себя условия, арендовал монетный двор в захваченном Лейпциге и наладил выпуск имперских талеров, как оказалось позже не самого лучшего качества. Чеканка иностранных денег сама по себе не считалась фальшивомонетничеством, правда, если при том соблюдались первоначальные характеристики монет. История знает подобные примеры, но прусский вариант представил не самый лучший их них.

Непомерные требования короля привели к обесцениванию продукции саксонского монетного двора, в связи с чем Фридрих Великий не уставал напоминать своим денежным поставщикам, что их монеты не должны попадать в Пруссию. Впрочем, эти меры не помогли устранить недостатка средств, ведь саксонские деньги не покрывали затрат Семилетней войны. Берлинцы называли монеты эфраимитами, таким образом выражая разочарование прусского населения, явно страдавшего от обесценивания денег. Непопулярность их в народе отразилась в куплетах, которые в свое время можно было услышать на улицах Берлина:

Прекрасны снаружи, ужасны внутри,
Фридрих снаружи, Эфраим внутри.

Вину за монетные махинации, конечно, возложили на евреев, так как арендаторами королевских и многих других монетных дворов являлись в основном представители этой нации. Однако неприязнь соотечественников почти не сказалась на благополучии Эфраимов. При Гогенцоллернах они были в фаворе, а глава предприятия достиг ранга тайного советника. Занимаясь денежным обманом, компания действовала по указке свыше и наверняка опасалась последствий незаконного обогащения. Разоблачение означало бы не только потерю предприятия, но и потерю головы, чего, к счастью, не случилось. В исторической литературе о денежных аферах Фридриха Великого упоминается редко, зато имя банкира Натана Фейтеля Эфраима стало символом «еврейского ростовщичества» и нелестным эпитетом для еврея.

Миниатюрный дворец Кноблаухаус

О том, какую выгоду имел от вышеназванных операций банкирский дом, свидетельствует дворец Эфраима на Постштрассе. Раньше это элегантное сооружение с завитушками рококо на фасаде располагалось вблизи Красной ратуши, то есть в самом престижном районе Берлина. Построенное в 1764 году, через полтора века оно было снесено, поскольку мешало работам по расширению моста Мюлендаммбрюке. Благодаря сохранившимся фрагментам особняк удалось восстановить, хотя и не на прежнем месте. Теперь в доме знаменитого финансиста выставляются графические произведения и предметы, связанные с городской историей. Здесь же на Постштрассе находится Кноблаухаус (нем. Knoblauchhaus) – самое старое здание в районе Николайфиртель. Имена первых владельцев этого миниатюрного дворца неизвестны, но в документах упоминается о жившей в нем с XVIII века семье Кноблаухов, после которых постройка перестала быть жилой и превратилась в музей. Истории обычного бюргерского рода посвящена экспозиция на втором этаже, а выше, в комнатах под средневековой крышей, можно ознакомиться с домашним убранством в стиле бидермейер. Традиция требует устройства в каждом берлинском музее ресторана. В Кноблаухаус таковой имеет интерьер, стилизованный под старину и соответствующую кухню с отменными, но недешевыми блюдами.

В тени вековых дубрав

Во времена правления Фридриха-Вильгельма II и Фридриха-Вильгельма III при значительном росте населения Берлин не увеличивался вширь. По мере надобности многие из старых домов надстраивались до 4 этажей и такой же высоты зданий власти требовали от новых застройщиков. В начале XIX века светская жизнь проходила в пределах квартала Фридрихштадт, который едва достигал размеров города-крепости великого курфюрста, составляя малую часть сегодняшнего мегаполиса. Четверть миллиона обывателей ютились вдоль рукавов Шпрее и в районах, примыкавших к Унтер-ден-Линден. Прогрессивная знать теперь селилась подальше от королевского дворца, предпочитая виллы в зеленой зоне Тиргартен. Богатые буржуа упорно не покидали центр, где было уютно зимой и не слишком комфортно летом. С наступлением тепла семьи коммерсантов переселялись в окрестные деревни, проводя лето так, как в старину это делали королевские особы.

Гостиная богатого берлинского дома. Фотография начала XX века

Очаровательный архитектурный ансамбль на Павлиньем острове (нем. Pfaueninsel) можно представить в качестве примера простой сельской жизни непростых людей. Деревенское существование королей проходило в обширных загородных усадьбах и не мыслилось без молочной фермы в виде готических развалин, павлинов и множества экзотических животных. Обустраивать остров начали в самом конце XVIII века по приказу Фридриха-Вильгельма II, племянника и наследника Фридриха Великого. В оригинальных формах замка увековечен вкус и фантазия подруги короля Вильгельмины Энке, будущей графини Лихтенау. О том, насколько удачным было ее сотрудничество с придворным архитектором Ленне, можно судить по тому, что следующий монарх избрал Павлиний остров местом своей резиденции, причем не летней, а основной. Тотчас по завершении отделки помещений владельцы закупили коллекцию растений и редких животных, в дальнейшем привозимых со всех концов света. В настоящее время местность вокруг дворца является ландшафтным парком.

Страстный любитель охоты курфюрст Иоахим II велел своему придворному зодчему Каспару Тайсу построить охотничий домик в дубраве, каковую еще в 1542 году приглядел на берегу озера Груневальдзее. Появившееся вскоре сооружение в стиле ренессанс являлось настоящим замком, хотя по желанию короля получило название Дом в зеленом лесу (нем. Haus am Grunen Walde), как позже стал именоваться ближайший к нему район. В начале следующего столетия здание перестроили в духе барокко, к сожалению, полностью уничтожив первоначальный декор.

Нынешний охотничий замок Груневальд (нем. Grunewald) – дворцовый комплекс и этнографическо-зоологический музей – удивляет своей пустынной красотой. Сказочной красоты местность, старый, но прекрасно сохранившийся дом почему-то не привлекают внимания туристов, что не слишком печалит служителей уникального музея. Осмотр местных достопримечательностей можно начать уже из вагона поезда: две первые платформы, подземный переход и само здание вокзала отнесены к памятникам старинной архитектуры. В замке хранится коллекция немецкой и голландской живописи XV–XIX веков, которой могли бы позавидовать многие музеи, в частности посетители могут увидеть полотна Лукаса

Кранаха Старшего. В отдельном павильоне помещено собрание охотничьего снаряжения и трофеев.

Название Тиргартен (нем. Tiergarten) означает «зоологический сад», хотя раньше здешнюю полосу леса, раскинувшуюся между двумя рукавами Шпрее, курфюрсты использовали для охоты. При королях большую ее часть занимал парк, который позже рассекла главная транспортная магистраль города – улица 17 Июня, дополненная эффектной площадью Большой Звезды с Триумфальной колонной. Последняя представляла собой художественно оформленный столб, отлитый из трофейных пушек в качестве символа непобедимости прусского оружия. Его создание относится к концу XIX века, когда германцы одержали ряд блестящих побед в войнах с Данией, Австрией и Францией. Прусский король решил отметить эти знаменательные события общим памятником, о котором впоследствии с восторгом отзывалась европейская пресса: «От Бранденбургских ворот почти до Шарлоттенбурга тянется обширнейший парк – всем известный Тиргартен, занимающий площадь в 250 га. Парк этот служит излюбленным местом прогулок берлинского населения и вообще пользуется огромной популярностью у берлинцев, главным образом потому, что не потерял еще характера леса, несмотря на все заботы, прилагаемые к его украшению. Шарлоттенбургское шоссе делит его на две части. На меньшей, северной, находится Королевская площадь с памятником победы, установленным в память войны 1870–1871 годов. Южная протянулась до чрезвычайно красивой Тиргартенской улицы со сплошным рядом прелестных вилл. Открытый 2 сентября, через два года после закладки первого камня, этот памятник победы исполнен по проекту архитектора Штракка ваятелями Гладенбеком и Драке. Он имеет 61,5 м вышины, одна колонна из песчаника достигает 20,4 м. Последняя окружена 3 рядами пушек (20 французских, 20 австрийских, 20 датских) и утверждена на пьедестале, имеющем форму восьмиступенной круглой террасы. Цоколь с надписью „Победоносному воинству – благодарное Отечество“ окружает портик, поддерживаемый 16 колоннами, вышиной 5 м каждая. Четыре горельефа внизу изображают главные моменты трех походов. Портик украшен мозаичными картинами аллегорического содержания, а сам памятник увенчан бронзовой фигурой богини Виктории».

Триумфальная колонна с Золотой Элизабет на вершине

Как видно из статьи, вначале Триумфальная колонна стояла на площади, где вскоре началось строительство Рейхстага. В 1938 году в связи с переустройством городской территории он был перенесен на нынешнее место. Однако в прежнем варианте и на более просторном участке он показался фюреру слишком низким, что решено было исправить устройством на вершине 9-метровой статуи богини победы, которую остроумные берлинцы стали называть Золотой Элизабет. В последние годы 17-метровая фигура со штандартом в правой руке и венком победителя в левой является центром голографических представлений. В остальные дни памятник служит украшением города и по совместительству – смотровой площадкой, ведь внутри колонны имеется крутая лестница, 265 ступеней которой ведут к подножию статуи, откуда виден весь город.

Раньше восточная сторона Тиргартена являлась политическим и деловым центром столицы, и неслучайно именно здесь, на Парижской площади, появился первый в Европе светофор. Посетители южной части парка могли видеть памятники Фридриху-Вильгельму III (тоже работы Драке), королеве Луизе (работы Энке), Иоганну Вольфгангу Гёте (работы Шапера) и различные скульптурные группы. На противоположном от парка берегу Шпрее располагался собственно зоологический сад, ухоженный, прекрасно оборудованный и охотно посещаемый берлинской публикой.

В последние дни Второй мировой войны Тиргартен стал зоной самых жестоких боев, поэтому легко представить, как он выглядел по завершении военных действий. Деревья

парковой зоны использовались как дрова, практически все жилые кварталы были разрушены до основания, и реконструкция их представлялась делом безнадежным. Там, где недавно кипела жизнь, где радовали взор красивые дворцы и уютные площади, раскинулись пустыри, своим унылым видом напоминавшие о недавнем кровопролитии. Восстановление заброшенной местности началось только в 1949 году и сразу с торжественной акции: бургомистр Эрнст Ройтер посадил лимонное деревце, а потом к нему присоединились горожане. Жители многих немецких городов поднесли в подарок берлинцам саженцы, за что имена были занесены на памятный камень главной аллеи.

С разделением германской столицы Тиргартен превратился в приграничную зону. Основная стройка на его территории развернулась после объединения Германии, когда парк и прилегающие к нему постройки оказались в самом центре города. Правда, власти Западного Берлина пытались вернуть район к жизни, не слишком удачно вложив огромные средства в строительство Культурного форума и Дома культуры народов мира. Последнее, похожее на ракушку здание с изогнутой крышей возвели в качестве американского Дворца конгрессов. Спустя 30 лет крыша грандиозного сооружения развалилась, но, вскоре восстановленное, с новой кровлей, оно преобразилось в выставочный комплекс и одновременно концертную площадку, где, кроме прочих мероприятий, проходят показы кинофильмов фольклорной направленности. Именно с этого момента Дворец конгрессов стали именовать Домом культуры народов мира. К 750-летию Берлина в огромном фонтане перед его входом появилась бронзовая статуя работа Генри Мура – нечто среднее между бабочкой и устрицей, за ко-торые муниципалитет заплатил 3,5 миллиона марок. Берлинцы восприняли странную скульптуру с юмором, сразу окрестив здание «беременной устрицей». Сегодня стоящий на берегу Шпрее дом-дворец привлекает своими экзотическими кафе с европейскими, средиземноморскими, индийскими, китайскими блюдами. Летом все учреждения общественного питания переезжают на террасу с видом на реку. Жители германской столицы предпочитают гулять поздно вечером или ночью, когда в городе сияет иллюминация и «ракушка» становится похожей на летающую тарелку.

Набережная в центре Берлина

Поскольку сегодняшний Тиргартен расположен в самом центре Берлина, именно он стал главным центром городского отдыха. Люди приезжают сюда, чтобы полежать у воды или покататься на велосипедах. В теплые дни на широких дорожках парка происходит настоящее вавилонское столпотворение: молодые фрау катят нарядные коляски в окружении старших детей, семейства обгоняют стайки роллеров, рядом гоняют мяч футболисты, неспешно бродят одинокие пенсионеры, причем друг другу представители каждой из этих категорий нисколько не мешают, поскольку придерживаются «своих» площадок. Романтично настроенные парочки спускаются к темной глади озера Нойерзее, где в теплое время года можно покататься на лодке, с наступлением холодов – на коньках и в любой сезон отдохнуть за кружкой пива в кафе, названном в честь прекрасного озера.

Хижины – рабочим, дворцы – всем остальным!

Осенью 1806 года наполеоновские войска вторглись в Германию, практически без труда захватили Берлин и оставались в нем около двух лет. Эти события отразились на состоянии столицы не лучшим образом, однако тотчас после освобождения, разоренная и опустевшая, она обнаружила резкий подъем материальных и, главное, духовных сил. Едва миновали трудные времена, город стал неуклонно увеличиваться не столько по населению, сколько по площади, что наблюдалось впервые за многие века его существования. Стремительный рост вызвала индустриализация, которая в Германии проходила очень активно. Сегодняшние берлинцы гордятся, что именно их город одним из первых сумел рационально использовать паровой двигатель, хотя тогда появление шумной, неприглядной, окутанной клубами едкого пара машины причинило немало беспокойства жителям. Особенно страдали обитатели улиц вблизи Королевской фарфоровой мануфактуры, для которой и был закуплен нещадно чадивший механизм.

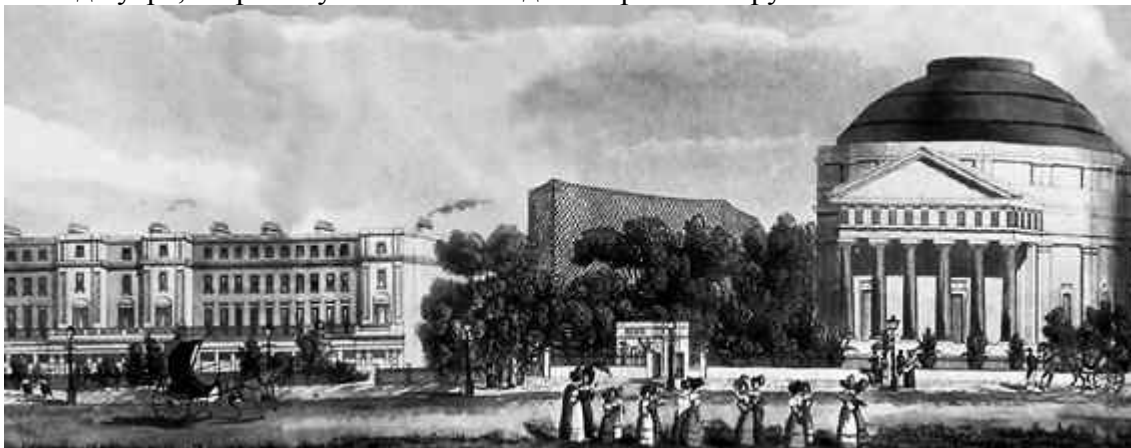
Берлин в районе Шарлоттенбурга. Фотография конца XIX века

Затем почти в самом центре Берлина появился машиностроительный завод с цехом чугунного литья. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что промышленность требует

гораздо больших просторов, и фабриканты обратили взоры на пригороды, к сожалению, северные, наиболее живописные, куда жители столицы прибывали, чтобы поправить здоровье у целебных источников. С того времени на этой стороне столицы природа склонялась перед достижениями технического прогресса. Тенистые дубравы уступили место цехам чугунолитейного завода Августа Борзига, из ворот которого в 1841 году выехал первый в Германии паровоз. «Железное чудовище», как окрестили это устройство журналисты, с немислимой скоростью около 40 км/ч двигалось по железной дороге, соединившей Берлин и Потсдам. Вскоре после того примеру Борзига последовали другие фабриканты, и живописные районы к северу от исторического центра были застроены промышленными гигантами.

Господство тяжелой индустрии не замедлило сказаться на облике города, но главное – резко ухудшило положение необеспеченных горожан. Ужасающую нищету переносили рабочие из кварталов трущоб, окружавших заводы Борзига. Слабая помощь поступила из дворца после публикации «Книги, принадлежащей королю», с помощью которой к монарху взывала благородная дама Беттина фон Арним. Ее последователь Эрнст Дронке был менее счастлив в том же начинании: его труд вызвал гнев короля и судебное разбирательство, после чего автору пришлось провести несколько лет в тюрьме. Если книга Беттины фон Арним напоминала статистический отчет, то сочинение Дронке, помимо сочувствия беднякам и обвинений в адрес сильных мира сего, содержало в себе интересные предложения. С мелкими подробностями описав «отвратительные лачуги, куда загнали бедноту», он похвалил предпринимателей, которые предлагали своим рабочим комнаты в доходных домах. Впоследствии такие здания – многоэтажные постройки с длинными задними дворами – широко распространились под названием «Mietskaserne».

По мере роста города гигантские бараки стали основным типом жилья для обитателей рабочих кварталов Веддинг, Пренцлауэрберг, Крейцберг и Новый Кёльн. В последние годы столетия в них сформировалась особая культура, которую заметил и не замедлил воплотить в живописи Генрих Цилле. Берлинский импрессионист романтично, хотя и без лишней идеализации передал атмосферу дворов Mietskaserne, где по будням сушилось белье, играли дети, обменивались новостями домохозяйки, а в праздники рабочие накрывали общие столы и веселились до утра, стараясь утопить невзгоды в огромных кружках пива.

Берлинское воплощение принципа «живу там, где работаю»: дворцы рядом с заводами. Рисунок конца XIX века

В градостроительстве Берлина начала XX века господствовал принцип «живу там, где работаю». Рабочие, специалисты, а зачастую и сами хозяева предприятий селились поблизости от места службы. Так, на презентабельной площади Хакешермаркт до сих пор находится комплекс зданий, известный под старым названием Хакские дворы. Объединенные галереями, внутренними дворами и фасадом в стиле арт деко, они являлись своеобразным производственно-жилищным комплексом, где располагались цеха, в главном здании обитало начальство, а во флигелях ютились рабочие. После реконструкции

пролетарские квартиры исчезли, как и сам завод; многочисленные помещения заняли кафе, магазины и прочие составляющие респектабельной жизни, похожей на ту, что протекала в кайзеровской Германии.

В разгар технической эры соседство промышленности причиняло слишком много неудобств, и состоятельная буржуазия Берлина стала переселяться из центра в западные районы, чаще выбирая Шарлоттенбург и Шёнеберг. Там, куда раньше выезжали на охоту или пикники, вырастали внушительные дома либо настоящие дворцы, каких особенно много стояло вдоль Ландверского канала на краю Тиргартена. В 1870-х годах обитатели этого паркового района, в частности те, кто жил в колонии садоводов, бродили по лугам, совершая прогулки от ступеней своих домов до деревенских ферм. К сожалению, для многих восхитительное общение с природой прервалось в эпоху Отто фон Бисмарка, когда в Берлине появился аналог Елисейских полей – впечатляющая своими размерами и декором улица Курфюрстендамм. Проложенная по высокой траве, она сменила простую дорогу, соединявшую дворец курфюрста Иоахима II с охотничьей резиденцией в Грюневальде. Новая магистраль связала бывшие пригороды с центром, образовав кварталы, полюбившиеся берлинцам среднего класса, который тогда составляли наемные специалисты, лавочники, служащие крупных заводов. Представителям физического труда оставалось строить здания, мостить улицы, сажать цветы на аллеях, обслуживая своих предприимчивых и более образованных собратьев, которые получили столь комфортные условия жизни благодаря «железным чудищам» Борзига, Сименса, Эгельса, Хальске.

Сегодняшний Шарлоттенбург – район проживания богатых, когда-то лишь западных, а ныне и всех немцев – сияет чистотой, пленяя спокойствием, сверкающими витринами дорогих магазинов и добросердечными лицами обитателей. Иностранные путешественники отмечают, что в нем живут люди, которые нравятся сами себе и любят других. В этом зеленом квартале принято рано ложиться спать и так же рано вставать, хотя далеко не все здесь спешат на работу. Здешние дамы с удовольствием гуляют по улицам с левретками или пуделями и могут часами сидеть в элегантных кафе. В начале прошлого века здесь проживало такое количество эмигрантов из России, что квартал получил прозвище «Шарлоттенград». В разделенном Берлине роскошные особняки этого района выбирали богатые интеллектуалы, кинозвезды и прочие мировые знаменитости.

В последнее время хозяева местных ресторанов жалуются на пустоту заведений, особенно по вечерам, ведь после объединения столицы светская жизнь переместилась в центральные кварталы. Некогда шумные кинотеатры стали закрываться, постепенно в более выгодные районы перебрались владельцы галерей и салонов. О блестящем прошлом Шарлоттенбурга напоминает дворец прусской королевы, детище Отто фон Бисмарка улица Курфюрстендамм, а также похожая на парк площадь Савиньиплац – очаровательный островок зелени на пересечении шумных улиц. Столетие назад аристократки съезжались сюда, чтобы демонстрировать друг другу наряды и выгуливать собачек. Простолюдинам вход на эту уютную площадь был запрещен до тех пор, пока Эрвин Барт, тогдашний директор садов и парков, не объявил ее достоянием всех слоев общества.

Сквер на одной из площадей кайзеровского Берлина. Фотография начала XX века

Народные парки

Стоит только удивляться тому, что своим умением красиво отдыхать жители германской столицы обязаны непосильному труду. Обратная сторона техногенного комфорта заставила берлинцев задуматься о здоровье, ведь именно она повлекла за собой резкое ускорение темпа жизни, долгий рабочий день, проводимый в шумном, грязном цеху, треск и копоть на городских улицах. Раньше по Шпрее ходили караваны судов и баржи с грузами, но со временем значение внутригородского судоходства снизилось, зато на озерах и каналах возникла целая островная страна.

Появление «новой Венеции» на юго-восточной окраине Берлина стоит отнести к деятельности доктора Д. Г. Шрёбера, который в начале XIX века возглавил стоявшую здесь лечебницу для инвалидов детства и калек, утративших части тела на производстве. Сначала, выдвинув идею счастливой жизни для человека труда, он с завидным упорством добивался устройства пансионатов, где рабочие могли бы отдохнуть от шума и пыли заводских цехов, а их дети хотя бы ненадолго покинуть городские трущобы, чтобы видеть солнце, купаться в чистой воде и дышать свежим воздухом. Неожиданно для самого энтузиаста мечта стала реальностью: получив в пользование государственные земли – совсем небольшой участок в предместье столицы – он сумел организовать поселок, получивший название «садик Шрёбера», или «город кукольных домиков».

Парк замка Кёпеник

Сегодняшние берлинцы считают, что без «новой Венеции» и прилегающих к ней парков Рансдорф облик Берлина был бы намного скучнее. В этом краю природа действительно не поскупилась на краски. Разнообразные картины, которыми можно полюбоваться с борта прогулочного теплохода, достойны кисти художника: петляющее русло Шпрее, живописные бухты и заливы, прикрытые зеленью лесов замки, игрушечные с виду виллы, дворцы, разноцветные охотничьи домики, казалось, в беспорядке разбросанные по обеим сторонам реки. Немного дальше от города, в том же направлении, раскинулось «берлинское море», как здесь принято называть озеро Гроссер Мюггельзее. Летом на его поверхности собираются тысячи весельных лодок, катеров, парусников и прочих зарегистрированных плавсредств. Этот водный рай является местом проведения регат; здесь находятся лучшие пляжи, и отсюда любителям старины легче добраться до Кёпеника, где, в отличие от центра столицы, сохранился настоящий замок.

Собственно, главной достопримечательностью этого места являются не старые стены, а окружающий их парк – вечнозеленый Шлоссизель, расположенный на полуострове и связанный с сушей деревянным мостом. Охотничий замок бранденбургского курфюрста был построен на участке, где с незапамятных времен стояла славянская крепость. Впрочем, он сгорел во время Тридцатилетней войны, но в конце XVII века, благодаря деньгам короля и таланту голландского архитектора Рутгера фон Лангерфельда, был восстановлен в прежнем виде. Вместе с часовней, украшенной эффектным порталом, статуями и лепными розетками на фасаде, он представляет собой великолепный памятник архитектуры, особенно привлекательный для тех, кто интересуется немецким барокко.

Интерьер дворца Кёпеник

Парадный зал во дворце Кёпеник

Внутренние помещения замка Кёпеник вполне соответствуют роскоши внешнего вида. Причудливые завитки лепнины стен, прямые линии карнизов, скульптурные и расписные плафоны изначально гармонировали с богатым убранством. Прежняя мебель и декоративные предметы, украшавшие многочисленные комнаты, конечно, были утрачены, зато реставраторы смогли вернуть деталям отделки свежесть и утонченную красоту.

С трех сторон окруженный водой, замковый парк удивляет непривычной тишиной, сказочной прелестью старых деревьев, укрывающих под своими кронами цветочные клумбы и кусты пламенеющих рододендронов. Прогуливаясь по тенистым дорожкам, даже сейчас здесь можно услышать хриплые крики павлинов и так же, как в старину, поднявшись на один из холмов, полюбоваться на реку Даме, приток Шпрее, связавший между собой несколько озер. Подобно многим берлинским дворцам, творение Лангерфельда является музеем. В залах и кабинетах на трех этажах здания собраны шедевры местных оловянщиков, ценные ткани, разнообразные коллекции фарфоровой посуды, изделий из серебра и золота, в том числе известное всем поклонникам ювелирного искусства украшение императрицы Гизелы, выполненное в X веке.

Часовня в замке Кёпеник

Первоначальная замковая мебель имеет ярко выраженные черты немецкого барокко. Она выставлена рядом с подобными образцами, привезенными из других дворцов. Для посетителей всегда открыта комната с мебелью, относящейся к эпохе итальянского Возрождения.

Кроме стационарных экспозиций, в Кёпенике часто проходят временные выставки народного промысла и современной живописи. Сюда приносят свои работы местные мастера и молодые берлинские художники, причем тематика экспозиций ограничивается лишь фантазией устроителей. Камерные оркестры выступают в постоянно действующем концертном зале замка и нередко в часовне, где больше не проводятся богослужения. Один раз в год замок принимает тысячи любителей «Кёпеникского лета» – традиционного праздника с концертами, эстрадными номерами, демонстрациями моделей одежды, другими полезными и просто приятными мероприятиями, которые привлекают гостей со всей земли Бранденбург.

Концертный зал в часовне Кёпеника

Берлинский парк Фридрихсхайн (от нем. Volkspark Friedrichshain – Народный парк) стал самым грандиозным проектом в рамках благотворительной программы Шрёбера. Торжественно открытый в 1848 году, он раскинулся на площади 52 га, дал название всему прилегающему району и долго был единственной благоустроенной зеленой зоной, где позволялось гулять простолюдинам. Считается, что власти решились на устройство народного сада в целях усмирения рабочих, слишком активно выражавших недовольство условиями жизни в столице. Разработку проекта и воплощение его первого этапа взял на себя знаменитый архитектор Петер Йозеф Ленне, у которого имелся богатый опыт в создании парковых ансамблей. В дальнейшем Фридрихсхайн украшали такие знаменитые мастера, как Густав Майер, Йозеф Раух, главный зодчий Берлина Людвиг Гофман, скульпторы Игнатус Ташнер и Георг Вебер. Двум последним принадлежит заслуга в создании Фонтана сказок – большого источника со спокойно стекающей водой, в которой отражаются каменные фантазии братьев Гримм и Шарля Перо: лягушачий король со свитой, Кот в сапогах, Ганс и Гретель, Красная шапочка с волком и, конечно, Золушка в туфельках, но почему-то без принца.

Северная часть Фридрихсхайн в послевоенные годы была превращена в детский городок, одинаково приспособленный для активного и созерцательного отдыха. Сюда, как и в другие берлинские парки, можно приходить всей семьей и, оставив детей в песочницах, на горках или у фонтанов, поиграть в мини-гольф, теннис, побегать по дорожкам либо просто

полежать на траве. Оригинальный источник работы Ахима Кюна привлекает представителей всех возрастных категорий. Тот, кто стоит под струями этого фонтана, не рискует испортить костюм, поскольку водяной купол устроен так, что влага не попадает на посетителя ни на входе, ни на выходе. Дети, кроме того, стремятся провести пару часов в «индейской стране», где, облачившись в перья, маленькие арийцы превращаются в краснокожих.

Живописные холмы, с вершин которых открывается прекрасный вид на парк и окрестности, появились во Фридрихсхайн после Второй мировой войны. Незадолго до входа советских войск в Берлин внутри этих рукотворных гор было устроено два зенитных бункера. Взорвав мрачные строения, власти решили не утруждаться разборкой завалов, а засыпать их мусором, ведь его в послевоенном Берлине имелось достаточно. Образовавшиеся пригорки были покрыты землей, засажены быстрорастущим кустарником и деревьями, словом, превращены в очередное место отдыха, а заодно и в обзорную площадку, каких в богатой пустырями германской столице намного больше, чем в любом другом европейском городе. Кстати, отсюда видна и третья, самая высокая бункерная гора, таким же образом превращенная в парк. На ее лысой вершине, помимо теннисного корта и миниатюрного гольф-поля, располагаются площадки для бадминтона, волейбола и оригинальной игры в шары, которую берлинцы называют «бочча».

Традиция устраивать парки на бесхозных холмах продолжилась в Крейцберге – большом промышленном районе, который долго являлся самой непривлекательной частью столицы. Будучи пролетарской окраиной во времена рейха, он сохранил этот не слишком почетный статус и в дальнейшем, оказавшись на самом краю Западного Берлина.

После объединения страны, ставший центральным, престижным и формально единым, бывший рабочий район сам собой разделился на две части. Если восточные кварталы Крейцберга, как в былые времена, населяют молодые радикалы, неформалы, студенты, иммигранты из шумной турецкой общины, то западные стали местом обитания зажиточных берлинцев, чьи добротные жилища сегодня определяют облик всего района. В этих кварталах быстро подорожала земля, повысилась стоимость квартир. Раньше грязные и захламленные улицы стали перестраиваться, дома ремонтироваться, причем даже те, что стояли полуразрушенными с войны. В Крейцберге каким-то чудом сохранились старинные постройки, на которых еще большим чудом представляется лепнина, которая теперь тщательно реставрируется.

На вершине холма Крейцберг разбит парк Виктория (нем. Viktoriapark) – не утраченное во время войны творение ландшафтного архитектора Густава Майера, ученика знаменитого Ленне. Сегодня восстановленные детали парка – такие, например, как искусственный водопад, соседствуют с новыми, в частности с великолепным розарием. Сотрудники бережно ухаживают за ним круглый год, но публике представляют лишь в теплые сезоны. Посреди газонно-цветочной идиллии располагается памятник в честь победы над Наполеоном.

Самый молодой, самый необычный и, пожалуй, самый народный берлинский парк Мауэр (нем. Mauerpark), как феникс из пепла, возник на развалинах Берлинской стены. Он расположился в конце Одербергерштрассе, на большом пустыре, через который некогда проходила бетонная ограда, уродливая внешне, и столь же непривлекательная по сути. После ее разрушения рачительный архитектор использовал обломки плит для устройства игровых площадок и амфитеатра. Крупные куски внутренней стеныгодились для огромных качелей, воздвигнутых на вершине холма. Странно, что лишенное растительности пространство парка Мауэр так полюбили жители ближайшего района. Возможно, некоторым оно напоминает о канувшей в Лету эпохе гигантизма, столь близкого сердцу каждого восточного немца.

В будние дни здесь спокойно, тихо, безопасно, легко дышится и еще лучше мечтается. Не случайно именно сюда люди приходят отметить таинственные праздники, подобные последней апрельской, или Вальпургиевой, ночи, когда женщинам полагается быть ведьмами, обнажаться (конечно, до определенного предела), пугать прохожих и танцевать у костра. В этот день, вечер и далее до утра берлинцы, забывая о своих национальных

качества, отдаются веселью, разбивают сотни пивных бутылок, всякий раз вытаптывают газон и, расходясь по домам на рассвете, оставляют на холме горы мусора, что в Берлине случается крайне редко.

Образы Германского рейха

В 1870-х годах патриархальная королевско-княжеская Пруссия осталась в прошлом, уступив место объединенной, передовой и на тот момент, невероятно мощной державе под названием Германский рейх. Покорив внушительную часть Европы, страна обрела богатства, которые вкладывались в благоустройство, прежде всего Берлина, только теперь ставшего полноценной столицей империи. По словам английских журналистов, «в самом городе приковывают взгляд строительные леса и строящиеся здания. В предместьях закладываются все новые кварталы, проектируются новые улицы, и также повсюду поднимаются новые дома. До недавнего времени их возводилось такое количество, что невольно думалось, будто юная имперская столица сдалась какому-нибудь хозяину, дабы потратить французскую контрибуцию на свое преобразование».

Парижская площадь в Берлине. Фотография начала XX века

В деле расширения границ союзником промышленности выступала политика. Огромная страна нуждалась в немалом штате чиновников, которые постепенно занимали тихие жилые кварталы, благо незадолго до образования рейха была уничтожена таможенная ограда, защищавшая город с 1735 года. Министерства, кабинет канцлера, иностранное ведомство и прочие полезные учреждения рейха обосновались на Парижской площади и в королевском квартале Фридрихштадт, где, кроме официальных зданий, выросли дворцы для почетных гостей – роскошные отели «Адлон», «Централь», «Эспланада», «Кайзерхоф», «Бристоль». В районе Унтер-ден-Линден появился солидный, по-немецки тяжеловатый, но все же элегантный Рейхсбанк, выглядевший начальником в окружении свиты, роль которой играли здания Дойче банка, Блейхредер банка, издательские дома Моссе и Ульштейна. Расположившиеся рядом телеграфисты из бюро Вольфа заняли целый квартал, соответственно прозванный газетным. Жилую северо-западную часть Фридрихштадт украсил построенный Шинкелем дворец принца Альбрехта с красивым парком.

Кайзеровский Берлин часто называли газетным городом из-за пристрастия жителей к прессе. Тогда же столица Германии стала местом, где собиралась группа первопроходцев в

области научного исследования, включая математика Леонарда Эйлера, химиков Потта и Гермштедта, биолога Иоганна Гледича, разбившего в городе первый ботанический сад.

Камерный дворец Бельвю, где располагается сегодняшний глава Германии, строился в качестве охотничьего домика для принца Августа-Фердинанда. Возведенный в 1785 году посреди парка, он назывался красивым словом «bellevue», которым французы выражают восхищение прекрасными картинами природы. В итальянском языке подобным термином обозначается бельведер, как в галантную эпоху обозначали общественные увеселительные места и подобного рода парковые павильоны, принадлежавшие королевским особам.

Двухэтажный дворец принца в Берлине не отличался большими размерами, но был красив, хотя и выглядел типичным охотничьим домиком, то есть при внушительной длине фасада имел два симметричных флигеля и крыльцо с колоннами. Путь к нему открывала широкая улица Шпреевег (от нем. Spreeweg – «дорога к Шпрее») отходящая в сторону реки от площади Большой звезды, или Гроссер Штерн, как ее название звучит на немецком языке. Поселившийся здесь немного позже король Фридрих-Вильгельм IV устроил выставку произведений современных художников, которая стала основой собрания живописи Национальной немецкой галереи. Рассаженные вокруг дворца деревья и кустарник редких видов, в том числе подстриженные треугольниками кипарисы, благополучно пережили обе мировые войны. От здания после бомбежек Второй мировой войны остались только обломки, и в отсутствие проекта реставраторы смогли воссоздать его лишь в общем, с использованием подлинных деталей парадной залы и балюстрады. Являясь местом историческим, Бельвю испытывает большой наплыв туристов, правда за фланирующими по дорожкам парка гостями наблюдают видеорекамеры. Вокруг дворца круглосуточно дежурят полицейские, охраняя личную жизнь канцлера, который сегодня располагается в бывших королевских апартаментах.

Дворец Бельвю – резиденция нынешнего канцлера Германии

Станция берлинской железной дороги (S-Bahn)

К десятилетию рейха занимаемое берлинцами жилое пространство достигло столь огромной величины, что вопрос благоустройства потребовал иного подхода. В первую очередь власти обратили внимание на транспортную систему, к тому времени устаревшую и уже давно не отвечающую потребностям города. До середины XIX века излюбленным средством передвижения для большинства горожан была одноколка, затем по центральным улицам начали курсировать омнибусы на конной тяге. Немного позже для дальних поездок использовалось то, что в славянских странах называлось конкой: вагоны по рельсам тащили лошади. Первая такая линия пролегла между Шарлоттенбургом и центром города. Еще большее удобство привнесла железная дорога (нем. S-Bahn), сначала окружная, проложенная на месте таможенной стены. С вводом радиальных линий каждый, даже небогатый, горожанин из старого города мог позволить себе пикник на берегу озера Ванзее. Еще недавно утомительное, теперь такое путешествие казалось недолгим и весьма приятным, ведь в вагоне поезда меньше трясло, а сидя на мягких креслах можно было дремать, думая о предстоящем отдыхе в парке, читать газету или ознакомиться с последней публикацией знаменитого профессора.

Основанный в 1810 году Берлинский университет притягивал к себе многочисленные ученые общества, создавая атмосферу духовной жизни столицы. Созданием этого почтенного учреждения немцы обязаны группе ученых под руководством Вильгельма и Александра Гумбольдтов. Благодаря работам Гегеля, Нибура и Ранке университет получил признание как центр философских и исторических исследований не только в Германии, но и в Европе. Во времена рейха его славу составляли такие выдающиеся специалисты, как анатом Рудольф Вирхов, микробиолог Роберт Кох, историки Теодор Моммзен и Генрих фон Трейчке, философы Вильгельм Дильтей и Эрнст Кассирер. Столь же высоко ценившиеся в университете прикладные науки обеспечили ему первое место среди других высших школ Германии. Благодаря практическим дисциплинам Берлин обрел статус центра тяжелой промышленности и, как ни странно, столицы высокой моды, второй после Парижа.

Передовой дух главного города Германии благоприятствовал творческой активности. Тот, кто приезжал сюда даже ненадолго, сразу ощущал приятное возбуждение, возникавшее от вида широких, заполненных машинами улиц, огромного количества молодежи, красивой одежды, сверкающих витрин, пестрых афиш и обилия прессы.

Главный корпус Берлинского университета

В литературе Берлин имперской эпохи часто представал основным и нередко единственным героем произведений, городом вдохновляющим, наделенным сознанием, неуязвимым, вечным. Последнее качество подчеркивалось особенно и повторялось настолько часто, что натолкнуло на мысль о создании архитектурной аллегии. Таковая появилась в 1894 году в районе Бранденбургских ворот: массивное, увенчанное пятью куполами, выполненное из золотистого песчаника здание Рейхстага (нем. Reichstag) с залом заседаний имперского парламента стоило стране около 30 миллионов золотых марок.

Само понятие «рейхстаг» появилось еще в Средние века и тогда означало орган сословного представительства при германском императоре. Идею постройки здания для высших чиновников государства «железный» канцлер Отто фон Бисмарк высказал еще в 1871 году, и тогда же комиссия определила его местоположение, нисколько не сомневаясь, что символ кайзеровского государства должен находиться в самом центре Берлина.

В конкурсе на проект рейхстага приняли участие 103 европейских архитектора, однако победителем стал уроженец Санкт-Петербурга, профессор Академии художеств Людвиг Бонштедт, к тому времени покинувший Россию. Господин Радзинский, которому принадлежал выбранный участок, кстати, дарованной его семье Фридрихом-Вильгельмом IV, не пожелал расстаться со своей собственностью. Наследники упрямого дипломата упорствовали недолго, разрешение было получено, состоялся новый конкурс, к которому наряду с прежними участниками были допущены молодые немецкие архитекторы. К тому времени старый победитель успел скончаться, а среди новых самым способным оказался архитектор из Франкфурта Пауль Валлот, в проекте которого символичной оказалась буквально каждая точка. Торжественная закладка первого камня в основание состоялась летом 1884 года, и всего через десять лет строители заявили о завершении отделочных работ.

В целом здание отражало мощь объединенной Германии. Угловые башни наводили на мысль о четырех немецких королевствах, куполу своим положением и видом надлежало напоминать о незыблемой власти кайзера.

Berlin

Reichstagsgebäude mit Bismarckdenkmal

Старый Рейхстаг. Фотография 1880-х годов

Рейхстаг и Бранденбургские ворота

В ноябре 1918 года в Германии произошла революция. Здание Рейхстага было занято рабочими и крестьянами. Парламентарии, испугавшись, что многочисленные и весьма влиятельные коммунисты провозгласят Германию советской республикой, объявили, что отныне немецкое государство становится буржуазно-демократической республикой.

В пору строительства Рейхстага вся западная часть Берлина была занята родовой и

финансовой аристократией. Улицы в этом районе отличались четкостью планировки, то есть были прямые, достаточно широкие и пересекались под прямым углом. Предпочитавшие останавливаться здесь иностранные путешественники, восхищаясь красотой и роскошью построек, с особым восторгом отмечали замечательную отделку обсерватории, палаты господ, военного министерства, почтового музея, огромного по тем временам концертного зала и, конечно, изящную строгость классики в формах католической церкви Святой Ядвиги, построенной по образцу римского Пантеона. На площади, носящей имя Шиллера, но украшенной мраморным бюстом поэта Бегаса, находился Королевский драматический театр – прекрасное здание в греческом стиле, спланированное и построенное Шинкелем. Площадь Вильгельма с шестью памятниками героям Семилетней войны была обставлена роскошными зданиями Министерства иностранных дел, дворянского собрания, здесь же стоял элегантный дворец принца Карла. Тем не менее большинство лучших правительственных зданий находилось не здесь, а на Вильгельмштрассе, где гордо возвышалось министерство императорского двора, Министерство торговли и столь же величественный дворец имперского канцлера.

Провинциалам столица представлялась чем-то похожим на монстра, готового проглотить, задавить или вовлечь в свой водоворот каждого, кто привык к сельской тиши. Ощущения немецкого обывателя, впервые оказавшегося в огромном городе, выразительно описаны в стихотворении Эриха Кестнера:

На Потсдамерплац, растерявшись стоят,
Сияет ночь в миллион киловатт,
Берлин для них слишком шумный...
В смятенье застыли, потерянный взгляд
Вперив в пейзаж безотрадный.
Составы грохочут, машины визжат,
Берлин для них слишком громадный...
Дома сверкают, подземка ревет,
Ах, если бы знали они наперед!
Берлин для них слишком грубый...

Крайняя часть района, то есть кварталы от Бранденбургских ворот, где начинался бульвар Унтер-ден-Линден, олицетворяла имперскую историю Германии. Стоявшая здесь конная статуя Фридриха Великого была выполнена по рисункам Рауха Фрибеля. Имея общую высоту около 14 м, она представляла не только самого короля, но и его сподвижников, изображенных в горельефах в натуральную величину. Несмотря на бесконечные войны, его правление сказывалось на жителях страны не самым худшим образом, иначе не стоял бы в самом центре столицы грандиозный бронзовый памятник и не распевали бы берлинцы сложенную специально к этому событию песню:

Старый Фриц, слезай с коня,
снова правь Пруссией.

Напротив статуи находился дворец, построенный Фридрихом-Вильгельмом III в 1836 году. Впоследствии служивший резиденцией кайзеру Вильгельму I, он соседствовал с такими же замечательными по виду дворцами, выстроенными для принцесс, германского кронпринца и принца Фридриха Нидерландского, российского императорского посольства.

Став центром империи, Берлин всего за два десятилетия удвоился и по величине, и по населению. Именно в ту пору на прямых широких улицах города появилось большинство тех зданий, памятников и достопримечательностей, малая часть которых обращает на себя внимание в настоящее время. Удобно разместившаяся «под липами» Королевская, или Старая, библиотека, заключала в себе более миллиона томов, до 15 тысяч рукописей и

множество нот с записями старинных музыкальных произведений. Напротив Оперы располагался корпус университета – здание, построенное в 1764 году в качестве резиденции принца Генриха. В левом его флигеле находился анатомический театр, а позади – небольшой ботанический сад и уютная каштановая рощица.

Конная статуя Фридриха Великого

Королевская (Старая) библиотека

В XX век Германия вступила авторитарным государством, где участие народа во власти не признавалось в теории и не допускалось на практике. Полюбившаяся всей Европе этика всеобщего равноправия здесь не прижилась, высказанная Данте идея естественного права была недоступна немецкому разуму, а потому отвергалась. Добропорядочные миролюбивые бюргеры никогда не участвовали в большой политике и проявили равнодушие к глобальным играм 1918 года, когда после поражения в Первой мировой войне страна из Германского рейха превратилась в Веймарскую республику. Вместо имперской власти была объявлена демократия, но бюргеры не пожелали ее осуществить и значимые должности остались в руках людей, преданных прошлому, то есть имперским учреждениям и традициям.

Еще в эпоху Просвещения немцы буквально заразились мыслью о внутреннем развитии личности. Слишком долгая углубленность в себя заставляла их отворачиваться от реальности. В пору Веймарской республики это проявилось с особой силой, ведь режим позволял контролировать власть, однако, решения, влиявшие на жизнь целого народа, по-прежнему принимались в тиши кабинетов. Слишком быстрый рост и чрезмерно яркий колорит техногенности несомненно влияли на общее впечатление, производимое германской столицей: не связанный с замечательными историческими событиями, республиканский Берлин, к сожалению, не вызывал чувств, какие мог бы пробудить старинный город.

Сквер перед Бранденбургскими воротами. Фотография начала XX века

Резкий поворот политической ситуации произошел вечером 27 февраля 1933 года, когда огонь уничтожил все внутренние помещения Рейхстага. Косвенными виновниками пожара объявили коммунистов, а прямым – безработного голландца, якобы коммуниста Маринуса ван дер Люббе. Если учесть, что после пожара было обнаружено около 50 очагов возгорания, то акция, очевидно спланированная заранее, выполнялась не одним человеком, а большой группой, которая не могла попасть в здание снаружи. Тем не менее пойманного Люббе объявили преступником и приговорили к смертной казни.

Итогом сентябрьского пожара стало введение в силу 48-й статьи Веймарской конституции, а затем назначение рейхсканцлером Гитлера, вскоре сосредоточившего в своих руках всю исполнительную и законодательную власть. В стране осталась только одна партия – НСДАП, только одна нация – арийцы, которым пришлось затянуть пояса и принять режим военной диктатуры. Восстанавливать Рейхстаг нацисты не стали; вполне вероятно, что скромная приземистая постройка напоминала фюреру ненавистную кайзеровскую Германию, где его уделом было лишь унижение. Он намеревался построить иное государство, более цельное, сильное, агрессивное, символом которого должен был послужить другой Рейхстаг. Новое здание парламента могло бы вознестись на 300-метровую высоту, однако воплощению этого плана помешала война.

Цитадель

Даже в конце 1930-х годов добродушные немцы не чувствовали или не желали чувствовать грозное дыхание смерти. Происходящее в Польше и Чехословакии воспринималось как что-то далекое, неважное, скоротечное, словом, так, как эти события представляли нацисты. Разнузданные штурмовики, а затем пришедшие им на смену эсэсовцы, невозмутимо истреблявшие сограждан, конечно, внушали страх, но потомки бюргеров привычно усмиряли боязнь и продолжали жить в свое удовольствие.

Курфюрстендамм в довоенном Берлине

Изрядно раздражая власти, жители поддерживали обычаи старой Германии, особенно активно на Унтер-ден-Линден, где у здания кордегардии (гауптвахты), построенного по образцу римского храма, духовой оркестр исполнял мелодии, которые так любили кайзеры. Ветераны Первой мировой безнаказанно бойкотировали нацистские парады, более того, осмеливались внушать детям, что вопреки всему еще живы традиции прусской армии. Впрочем, немецкая молодежь всегда воспитывалась в послушании, пристрастии к порядку и дисциплине, разница заключалась только в том, кому присягали молодые солдаты. Если не замечать людей в черной униформе, которых с каждым годом становилось все больше и больше, Берлин оставался городом, приверженным прошлому, бережно хранившим свои дворцы, парки, статуи, зверинцы. Однако перемены все же происходили: подростки с удовольствием вскидывали руки в нацистском приветствии, молодые матери, толкая перед собой коляски, вместо колыбельных напевали марши, а столица исподволь приобретала вид военного плаца.

Гитлер объявил берлинцам, что желает подарить им город, достойный великой нации. Реализацию своих грандиозных планов он поручил Альберту Шпееру, неизвестному архитектору, который привлек его внимание как постановщик и оформитель Нюрнбергских партийных съездов. Молодой зодчий, кстати, член НСДАП и СС (нем. SS, сокр. от Schutzstaffeln – «охранные отряды»), оказался «истинным арийцем» и большим поклонником гигантомании, чем завоевал почти безграничное доверие фюрера. Вступив в должность

генерального инспектора по строительству в столице, Шпеер, по собственным словам, намеревался «положить конец анархии в развитии Берлина и проводить в градостроительстве политику партии национал-социалистов». Для осуществления этой задачи предполагалось снести целые улицы и кварталы, чтобы на пустом месте воздвигнуть здания, которым следовало наглядно выразить идеологические принципы тоталитаризма.

Планом Шпеера предусматривалось сооружение огромной круглой площади вблизи Королевской библиотеки, грандиозного Дома туризма, Народного дома с куполом, величиной превосходящим купол римского собора Святого Петра. Прокладка единой магистрали с востока на запад требовала простора, поэтому на Унтер-ден-Линден были срублены знаменитые липы, место которых заняли увенчанные орлами мраморные колонны. Немного позже старые деревья заменили молодыми, но саженцы пали в битве за Берлин. Гитлер приказал расширить Шарлоттенбургскую улицу, где после того были установлены фонари, точнее, мощные прожекторы, превратившие столицу в «город света».

Увлечшись идеями гигантизма, ни архитектор, ни фюрер не могли представить будущих бомбардировок, затемнений, а тем более поражения, сделавшего все их усилия бессмысленными. Берлинцы украдкой выказывали недовольство варварским актом на Унтер-ден-Линден: липы им нравились больше, чем лес убогих столбов с навязчивой символикой. В зарубежной прессе того времени появились статьи, где журналисты жаловались на невозможность «сделать снимок в центре Берлина так, чтобы в кадр не попало красное знамя со свастикой, каменные орлы, черная униформа. Люди, камни, вода и зелень отмечены печатью национал-социализма. Старая Германия исчезла...».

Нацистский митинг во дворе Арсенала

В то время по берлинскому радио шли политизированные передачи, дикторы вещали в патетическом тоне. Оперные и драматические спектакли портила цензура, кабаре не работало, в клубах встречались тайком, газеты закрывались, привычное кино и карикатура постепенно забывались, начал вырождаться даже знаменитый берлинский юмор, быстро вытесненный примитивными шутками, а затем и вовсе перешедший в примитивную грубость.

Лишь музыка, которая чередовалась с призывами, была хорошей, хотя и ограничивалась арийскими мелодиями. Нацисты предлагали согражданам пиво, шнапс, коллективные манифестации, а также свободную любовь, весьма полезную для государства, нуждавшегося в детях – будущих солдатах рейха. Не стоит думать, что берлинцев удовлетворяли столь бесхитростные удовольствия, тем не менее им пришлось покориться.

Солнечным утром 3 сентября 1939 года улицы Берлина были привычно пусты, поскольку воскресенья горожане привыкли проводить в парках. Миллионы столичных жителей лежали на мягкой траве, дремали, беседовали, листали газеты, млея от предвкушения сытного завтрака на природе. Когда по радио (громкоговорители в тогдашнем Берлине имелись едва ли не на каждом дереве) прозвучало сообщение о начале войны, многие не смогли проглотить свои утренние сосиски, настолько неожиданной была новость. Воздушные налеты начались не сразу, но люди почувствовали беду. Продовольственное снабжение ухудшилось, и в центре столицы на месте клумб и лужаек появились огороды: берлинцы выращивали картофель и салат с энтузиазмом не меньшим, чем раньше цветы.

Через полгода после начала войны Гитлер переселился в новую рейхсканцелярию. Циклопический дворец фюрера – наиболее яркий символ тоталитаризма, типичный и одновременно своеобразный шедевр нацистской архитектуры – родился в течение девяти месяцев, все это время полностью занимая внимание Шпеера. Фасад здания, так же как и его интерьеры, напоминали о претенциозных мечтах создателей и явном желании создать внешний эффект. Колонны и две статуи обрамляли большой подъезд, над которым парил каменный орел, сжимающий в когтях свастику. Внутренние помещения имитировали галерею и залы Версаля. Коридоры были облицованы плиткой из мрамора и порфира, некоторые двери отливались целиком из бронзы, стены изумляли красотой средневековых шпалер. Великолепие колоннад, фронтонов, тяжелых канделябров затмевало французскую роскошь, хотя далеко не все предметы отличались вкусом. Посетители тех лет ступали по толстым коврам, настолько мягким, что даже недолгое шествие по ним вызывало ощущение расслабленности.

В кабинет фюрера вела 6-метровая в высоту дверь из красного дерева. Потолок огромной (27 x 15 x 10 м) комнаты был выполнен из резного палисандра, на стенах из красного мрамора красовались геральдические знаки. Местом отдыха хозяину кабинета служило канапе перед камином, в котором всегда горели пихтовые поленья. Здесь же, у огня, свернувшись на звериной шкуре, лежала Блонди – любимая собака Гитлера.

В длинных коридорах вдоль стен неподвижно стояли гвардейцы СС – специально подобранные офицеры, молодые, очень красивые, с широкими плечами, светлыми волнистыми волосами, белыми зубами, голубыми глазами, загорелой кожей. Люди-статуи в черных, отделанных серебряными галунами мундирах, стояли повсюду. Их видели в 50-метровом зале ожидания со стеклянным потолком, в парадном зале, в саду, куда выходили высокие окна рейхсканцелярии.

Известно, что ни один из лидеров НСДАП не пользовался популярностью в народе, однако для Германа Геринга берлинцы сделали исключение. Потомственный дворянин, обаятельный, добродушный на вид толстяк с душой убийцы видел в партии способ удовлетворить свое честолюбие и обогатиться, причем сумел преуспеть и в том и в другом. Его жилище соответствовало высокому званию и полностью отражало характер человека, которого соратники считали alter ego Гитлера. Геринг обосновался на вилле Каринхалле,

названной в честь первой, нежно любимой жены Карин фон Канцов, умершей незадолго до того, как ее муж сделал головокружительную карьеру. Те, кому довелось бывать в его доме, восхищались вывезенными из Лувра коллекциями картин, драгоценностей, древностей. Среди многочисленных помещений виллы особое внимание привлекали домашняя церковь и комната, скопированная с кельи святого Иеронима, чье изображение имелось на картине Альбрехта Дюрера. Берлинцы говорили, что даже Нерон не мог бы устроить столь великолепного торжества, каким стал грандиозный «нордический праздник», посвященный германской авиации.

Канал вблизи крепости Шпандау

В тот день усадьбу охраняли всадники с копьями в руках, облаченные в меховые лохмотья, по примеру древних германцев. На поверхности каждого из озер покачивались лодки викингов, на дорожках парка разыгрывались поединки средневековых рыцарей, переносившие зрителей во времена императора Оттона. Казалось, Геринг пригласил на свое празднество весь Берлин. Несмотря на внушительные размеры, Каринхалле не смогла вместить всех приглашенных, и обеденные столы были накрыты в Белом зале Берлинского замка, откуда гости проследовали в прусский ландтаг, на один вечер превратившийся в клуб авиаторов.

Путь пирующих наверняка пересекал дорогу из аэропорта, которой по плану перестройки города надлежало пройти под Триумфальной аркой. Размеры этого нереализованного сооружения должны были примерно в три раза превысить величину Бранденбургских ворот и подобного сооружения в Париже. Строители отнеслись к объекту со всей серьезностью, изучили чертежи, наметили участок, провели серию испытаний почвы, дальше чего дело не продвинулось, и гигантский бетонный цилиндр, который не потревожили ни русские, ни английские бомбы, до сих пор возвышается на одном из берлинских пустырей.

Таким же бессловесным памятником служит крепость Шпандау (нем. Spandau), или просто Цитадель, как ее принято называть в Берлине. Со времени прихода к власти Гитлера и вплоть до 1945 года за ее вековыми стенами действовала секретная лаборатория по разработке химического оружия, а саму крепость стерег отряд СС. После войны в твердыне размещалась тюрьма, откуда, отбыв 20-летнее заключение, вышел Шпеер и где, просидев 42 года, повесился личный секретарь фюрера Рудольф Гесс.

Берлинский район Шпандау возник во времена Средневековья, но печальную известность получил в эпоху индустриализации. Тогда он был грязной рабочей окраиной, где, впрочем, имелась достопримечательность в виде старой крепости. Если в настоящее время его восстановленные вычищенные кварталы являются историческим центром, то раньше они составляли город – вполне самостоятельную административно-территориальную единицу земли Бранденбург. Жители Шпандау по примеру своих соседей не горели желанием присоединиться к Берлину, и неудивительно, ведь их селение было старше прусской столицы.

Ворота крепости Шпандау

Внутренний двор крепости Шпандау

Первые сведения о поселке, устроенном в месте слияния рек Шпрее и Хафель, относятся к IX веку. Первые каменные укрепления появились через три столетия, и только спустя 400 лет король решил возвести здесь настоящую цитадель. Толстая 12-гранная стена, 4 треугольных бастиона и круглая башня Юлиуса составили идеальное для тогдашних условий военное поселение. После Франко-прусской войны 1870 года башня использовалась как хранилище захваченных у противника денежных средств. Своеобразный сейф защищала 17-тонная бронированная дверь с хитрым замком, которая поныне хранится в здешнем музее и с забавной немецкой педантичностью закрыта стеклом.

Сегодня Цитадель – воистину произведение старинного градостроительного искусства – лучше всего рассматривать с высоты птичьего полета. Из иллюминатора прогулочного самолета видно, как по аллеям крепостного парка прогуливаются влюбленные, сидят на лавочках старики, с веселым криком бегают дети, фотографы, устроившись на крышах бывших бастионов, делают снимки для гляцевых журналов. Экспозиция здешнего музея включает в себя довольно странные предметы. Например, на стене при входе в башню Юлиуса вывешен портрет сына Иоахима II, Иоахима-Георга, изображенного в доспехах, с хитро прищуренным глазом. Внутри, на выставке в первом этаже, можно увидеть огромные сейфы, пушечные ядра, противогазы, соседствующие с чучелами рыб и зверей. Экспонаты, расположенные во внутреннем дворе, теснятся вокруг гильотины.

Новый мост через Шпрее

Суровую крепость окружает старый город с очаровательными, почти игрушечными домиками, ровными рядами выстроившимися по улице Кольк. Тщательно отреставрированные здания предназначены в основном для осмотра туристами, хотя некоторые служат обычными жилыми домами.

Трепетные чувства в Шпандау вызывают остатки средневековых оборонительных укреплений и Гарнизонная церковь, полностью разрушенная и заново отстроенная после войны. Упоминания о главной достопримечательности старого города, похожей на средневековую башню церкви Святого Николая, встречаются в хрониках, датированных серединой XIII века. Современные пропорции храм приобрел гораздо позже: сильно вытянутый молитвенный зал был построен в середине XV века, а шпиль появился тремя столетиями позже. Подобно многим берлинским зданиям, храм Святого Николая сильно

пострадал при штурме Берлина, но в целом сумел уцелеть. Довольно хорошо сохранился уникальный алтарь, который горожане спрятали от огня за стеной, возведенной буквально за одну ночь.

В трудные моменты берлинцев поддерживала любовь к родному городу. Дстойна восхищения их стойкость во время Второй мировой войны, когда, переждав бомбардировку, наутро они появлялись из-под руин и принимались за будничные дела. В последние месяцы городские жители не получали поддержки от Гитлера, ибо тот отвернулся от народа, едва осознав поражение. Собственно поддержки никто и не ждал, ведь в самом Берлине ко вселенским планам фюрера относились без особой симпатии. Люди подбадривали себя шутками, говоря, что «война закончится, как только с Восточного фронта на Западный можно будет добраться на электричке». Они считали к трусами тех, кто предпочитал прифронтовые работы ночной опасности в Берлине. Со стоическим спокойствием они переносили бомбардировки, наблюдая за разрушением любимого города и каждый день делая все, чтобы не допустить его гибели.

Берлин в мае 1945 года

Район парка Тиргартен во время штурма Берлина

Несмотря на все старания, катастрофа все же наступила; в мае 1945 года город оказался в таком положении, в каком его эмоционально и в целом точно описывали зарубежные журналисты: «Воронки, трещины, горы булыжника, усеянные осколками поля, руины, куски кабеля и водопроводных труб, торчащие из-под земли подобно искромсанным внутренностям древних чудовищ. Глядя на все это, невозможно представить, что на их месте когда-то стояли дома. Город остался без топлива, без света, с кладбищем в каждом садике, и над всем, как неподвижное облако, стоял смрад разложения. Забытые богом люди оказались в ничейной стране. Их жизнь представляла собой каждодневную борьбу за кучку картофеля, ломоть хлеба, горсть угля, несколько сигарет».

Это жуткое зрелище напомнило многим, что настал момент отсчета нового времени, когда требовалось уже не подумать, а быстро принять решение относительно будущего страны. Как уже бывало в критический час, нашлись люди, заговорившие о необходимости смириться с действительностью. Однако в ответ на подобные заявления ораторы неожиданно слышали: «Нет, у нас, немцев, был подобный опыт, мы вечно покорялись, хотели избежать самого худшего и в итоге его обрели. Германия лежит в руинах, мы не просто утратили свободу, нас отбросили на целое поколение назад, заставили влачить нищенское существование. Сегодня мы должны начать все заново и теперь хотим довериться только себе».

Зверинец за стеной

С 1960 года пост главы Государственного совета ГДР занимал Вальтер Ульбрихт, коммунист, чьи ортодоксальность и трудолюбие с лихвой компенсировали отсутствие таланта. Подняв вопрос об усилившейся эмиграции в Западный Берлин, он предложил решить проблему на удивление простым способом. Уже через год вдоль границы между двумя частями города была протянута колючая проволока и выставлены блокпосты, а в последующие дни временное ограждение начали заменять бетонной стеной. Мощная, в

средневековом духе жутковатая постройка, дополненная сторожевыми башнями, отпугивала не только своим видом: вооруженные часовые с восточной стороны получили приказ стрелять в каждого, кто задумает покинуть коммунистический Берлин без официального разрешения. Судя по многочисленным инцидентам, такие мысли у «красных» берлинцев возникали довольно часто, но попытки перебраться через стену чаще заканчивались арестом.

Гораздо вольготнее жилось в Восточном Берлине животным, как домашним (немцы очень любят кошек), так и диким, которым здесь никогда не грозили решетки. Берлинский зоопарк (нем. Zoo) начал действовать при Фридрихе-Вильгельме IV и тогда являлся всего лишь королевским зверинцем. В прелестном саду с искусственными горами и фонтанами из белоснежного мрамора свободно гуляли львы, слоны, порхали пестрые китайские птички. По указу короля зодчие построили оранжерею, которую обустроивали выписанные из Англии специалисты по выращиванию болотных растений – таких, как ряска, кувшинки, лилии. В начале следующего столетия в этом павильоне разместился аквариум.

Едва появившись на свет, берлинский Цоо стал считаться самым технически оснащенным зверинцем Европы. Во время штурма германской столицы в мае 1945 года он, к сожалению, не избежал обстрела; гепарды, тигры, волки гибли под пулями, умирали от голода или разбредались по городу. Тогда жители срубили на дрова уникальные деревья, а оставшихся зверей просто съели. Некогда ухоженная территория превратилась в пустырь, пугающий воронками, разрушенными павильонами, пустыми птичниками, плавающими в грязной воде.

Когда бомбежки закончились, берлинцы пожалели о содеянном и сумели упротить магистрат выстроить новый Цоо взамен уничтоженного войной и людской безответственностью. Выбрать участок не представляло труда, ведь в городе имелось немало заброшенных поместий, например Фридрихсфельде, где обветшавший дворец стоял посреди прекрасного парка, созданного великим Ленне. На фасаде плохо сохранившегося здания еще просматривались черты раннего барокко, столь любимого прусскими королями конца XVII века. Облагородить изрядно запущенную территорию усадьбы взялся профессор берлинского университета Генрих Дате, который справился с задачей быстро и очень хорошо, за что впоследствии был назначен директором зоопарка.

Страна непуганых зверей стала реальностью в 1955 году, меньше чем через десятилетие после того, как город лежал в руинах. Жители столицы проявили немалый энтузиазм уже на стадии строительства и еще больше постарались после открытия. Первые звери приобретались на общественные средства, включая частные пожертвования, деньги предприятий и всевозможных фондов. Чтобы помочь германским друзьям, с некоторыми своими питомцами расстались сотрудники зоопарков Москвы и Санкт-Петербурга. Делая своему городу щедрый подарок, берлинцы были не просто щедры, но и проявляли присущий им юмор. Известно, что рабочие завода, выпускавшего холодильники, в складчину купили белого медведя, Министерство тяжелого машиностроения преподнесло слона, мебельная фабрика, специализировавшаяся на выпуске спальных гарнитуров, – аиста, а из города Штраусберга в столицу прибыл страус.

С такими помощниками Берлинский зоопарк добился замечательных успехов, особенно в разведении малайских медведей, которых здесь появилось на свет больше, чем во всех европейских зоопарках вместе взятых. Местные зоологи активно сотрудничают с зарубежными коллегами; теперь бывший королевский зверинец является перевалочным пунктом для животных, партиями поставляемых в подобные учреждения всех стран мира. Его гостям предоставляется возможность увидеть около тысячи видов диких зверей, 2 тысячи птиц и более 500 видов пресмыкающихся. Однако развлекательно-коммерческая программа не стала единственной стороной деятельности Берлинского зоологического сада. Научным целям служит созданный вскоре после открытия исследовательский центр, относящийся к Академии наук Германии. Серьезную исследовательскую работу ведут служащие змеепитомника, где эксперименты проводятся практически на глазах у публики.

Планируя территорию, архитекторы предусмотрели все мыслимые удобства для

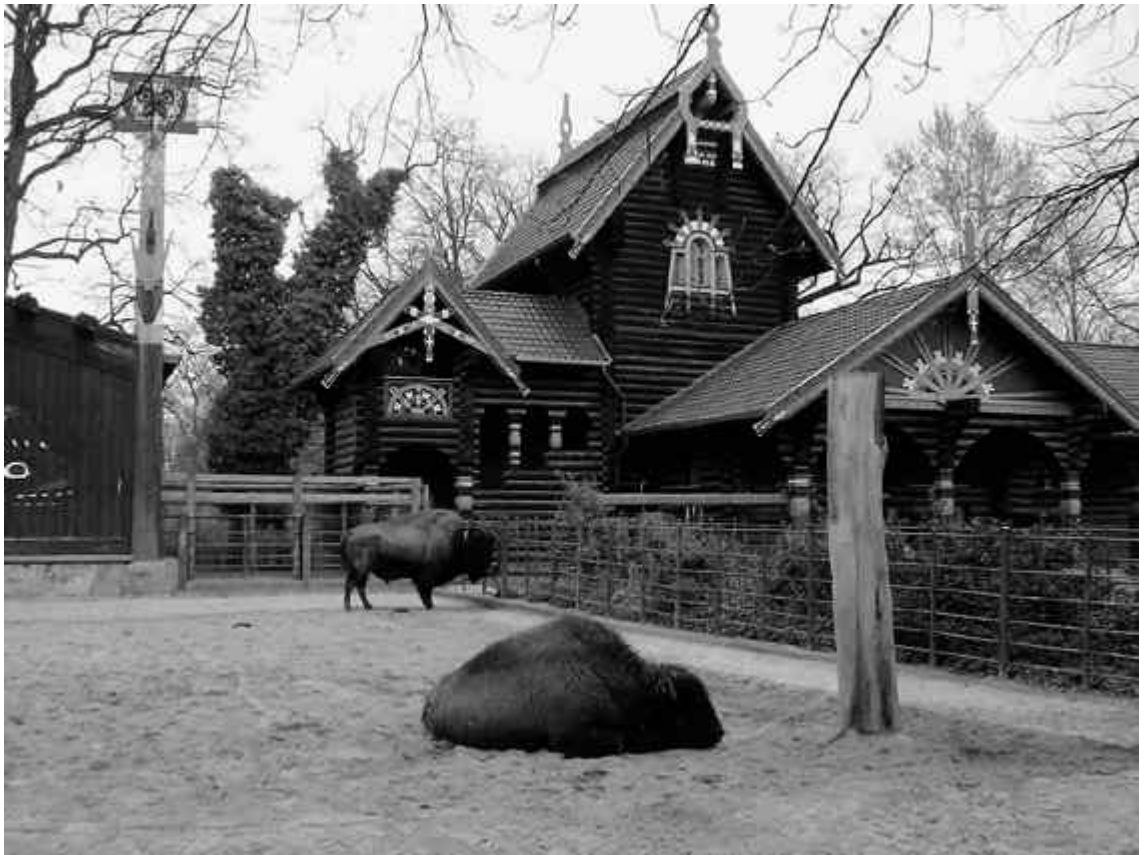
посетителей и немало постарались для комфортного существования животных. Широкая длинная аллея протяженностью более 1 км ведет от бывшего дворца Фридрихсфельде к ресторану и далее тянется вдоль вольеров с белыми медведями. На этом живописном участке путь разделяется на две короткие дороги, по которым можно пройти к площадке, вернее, к обширному полю, отведенному для зубров, бизонов и свободного выгула молодых зверей.

Неизгладимое впечатление у гостей оставляет посещение павильона Альфреда Брема. Внутри этого здания в застекленных помещениях, заросших тропической травой, бамбуком, лианами, фикусами и даже небольшими пальмами, на которых созревают плоды, содержатся вараны, крупные хищники, змеи. Еще один павильон по виду и колоссальным размерам напоминает аэропорт. Здесь, среди камней, свежего песка, деревьев и яркого солнечного света, нашли приют сотни видов птиц, видимо, довольных соседством с летучими собаками. В затененных местах порхают или невозмутимо висят на ветках летучие мыши, в том числе очень крупные, способные прокормить себя плодами с деревьев, растущих прямо в павильоне.

Кажется, что в Берлинском зоопарке животная жизнь протекает без участия человека. Звери, собранные со всего света, здесь обитают в условиях, сходных с естественной средой. Полярные медведи находят прохладу в бассейнах, антарктические озорники-пингвины не ощущают тепла даже летом, и наоборот, львы, жирафы и прочие дети жаркой Африки спокойно зимуют в павильонах с искусственным светом и отоплением, создающими атмосферу «черного» континента. При необходимости млекопитающих парами помещают в затемненные, закрытые от посторонних глаз отсеки – апартаменты для «молодоженов», – где происходит таинство зарождения новой жизни в неволе.

Берлинский зоопарк

В Берлинском зоопарке

С обратной стороны павильона Брема расположены вольеры, приспособленные для орлов и грифов. Длина и высота этих помещений позволяет крупным хищным птицам летать, поднимаясь достаточно высоко, хотя и не взмывать в небо, как это происходит в природе. В зоопарке нет холмов, поэтому охватить его взглядом, как другие берлинские сады, невозможно. Однако посетители могут оценить богатство здешней растительной коллекции, не поднимаясь на гору. Гуляя по тенистым аллеям, нетрудно заметить уникальные породы деревьев, например североафриканские кедры или калифорнийские секвойи, достойные представления в крупном ботаническом саду. В павильоне Брема произрастают рододендроны, азалии, несколько видов орхидей. Тем не менее самые сильные ощущения гости испытывают вблизи открытых площадок. В Берлинском зоопарке большая часть диких зверей содержится без клеток. Ламы, верблюды, водяные буйволы, лани, зубры и даже такие опасные представители земной фауны, как львы, отделены от посетителей рвом, наполненным водой. Дети подолгу задерживаются подле живущих на островке гиббонов. Тем, кого природа интересует во всех проявлениях, предлагается осмотреть скульптурные композиции с изображением животных, появившиеся в итоге совместного труда русского художника Василия Ватагина и группы немецких мастеров под руководством Генриха Драке.

Пингвины в Берлинском зоопарке

После серии сложных реставрационных работ зоологический музей открылся во дворце Фридрихсфельде, посещением которого принято завершать экскурсию по парку. Во дворе перед старым зданием, словно компенсируя скромность фасада, красуется цветник. В центре роскошной клумбы расположен бассейн с золотыми рыбками, куда принято кидать монеты, выражая надежду вернуться в этот прекрасный уголок Берлина.

До парка Трептов, расположенного в одноименном районе на юго-востоке города, легче добраться по железной дороге, но берлинцы предпочитают прогулочные теплоходы, ведь в таком случае развлечения начинаются уже по дороге. Обширные сады в примыкающих к Кёпенику рабочих кварталах были разбиты в 1880-х годах и сразу стали местом для народных гуляний. Памятник создателю Трептова, архитектору Густаву Майеру, почти столетие находится на лужайке Шпильвизе. Известный всему миру парк раскинулся на левом, самом живописном берегу Шпрее и, несмотря на изначальный прозаический смысл, приобрел политический характер. Вскоре после открытия в нем начали устраиваться митинги, именно здесь впервые нашли тысячи слушателей легендарные германские коммунисты Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Эрнст Тельман, Рудольф Брейтшейд. Отсюда берлинский пролетариат стройными колоннами отправлялся в сторону Бранденбургских ворот, чтобы выразить свое недовольство непосредственно властям.

Главной магистралью парка является широкая обсаженная платанами аллея, названная в честь русского поэта А. С. Пушкина. Примерно в середине от нее отходит мощеная тропа, которая ведет к памятнику Советским воинам. На гранитных порталах входной части памятника на двух языках высечена надпись: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость социалистической Родины». Глубокий смысл текста можно понять, находясь в мемориальном комплексе, с 1949 года устроенном на пересечении коротких аллей, окаймленных голубыми елями. Символику этого печального места раскрывает колоссальная, выполненная из 50-тонного гранитного монолита фигура простой русской женщины, склонившей голову в скорби по своим погибшим сыновьям.

В жестокой битве за германскую столицу не оставалось времени на достойное

погребение павших воинов. Многих закапывали прямо на улицах, и останки тех, чьи могилы удалось обнаружить после окончания боевых действий, вскоре были перенесены в братскую могилу парка Панков-Шёнхольц. Мемориал в Трептове начал строиться в следующем году, когда завершился конкурс на лучший проект, где вновь победил русский, а именно знаменитый на родине скульптор-монументалист Евгений Вучетич. Будучи фронтовиком, он стремился выразить героизм и самоотверженность соотечественников, не принижая роли немцев, принимавших участие в освобождении Германии от фашизма. По его замыслу, «в центре грандиозного ансамбля надлежало стоять солдату-фронтовику, человеку в военной форме, взявшему в руки оружие отнюдь не для того, чтобы убивать. Образ Солдата победы не может быть статуей, застывшей в помпезном триумфе. Он должен напоминать о трагедии, скорбеть о погибших и направлять взгляд в будущее».

Возведение мемориального комплекса началось с аллеи, которую работавшие здесь русские архитекторы решили засадить плакучими ивами. Пройдя сюда от главного входа, сегодняшние посетители парка могут увидеть два склоненных в трауре стяга – монументальные стелы из темно-красного гранита. Перед ними установлены статуи воинов без касок, символическим жестом отложивших в сторону оружие. По центральной оси мемориала располагается общее захоронение русских солдат и офицеров, погибших в битве за Берлин. Каждая из пяти братских могил покрыта каменным постаментом, а тот украшен отлитым из бронзы венком. Согласно надписям на плитах, в этом некрополе нашли вечный покой 5 тысяч воинов и еще 200 похоронены в кургане под мавзолеем.

С обеих сторон братских могил расположены надгробья из белого камня с рельефами, на которых аллегорически представлена борьба русского и немецкого народа с фашизмом. Образцом для кургана, увенчанного мавзолеем и огромным изваянием Воина-победителя, стали древние могильники, каких немало сохранилось в донских степях. В 116-метровой статуе выражена основная идея мемориального комплекса в Трептове: исполненный внутреннего спокойствия и силы, русский солдат, опустив меч на разбитую свастику, держит на руке немецкую девочку.

Памятник советскому воину в парке Трептов

Основой сюжета этого памятника послужили реальные события. В апреле 1945 года во время битвы за Берлин рота освободителей залегла у канала, недалеко от рейхсканцелярии. В затишье перед атакой солдаты слышали детский плач, и сержант Николай Масалов под непрерывным пулеметным огнем пополз к мосту, где нашел 3-летнюю девочку, мать которой погибла от ран. Сам памятник неслучайно появился именно в Трептове, ведь для берлинцев сад близ Кёпеника был не столько местом отдыха, сколько местом политических сходов. Однако при устройстве комплекса зодчие, по собственным словам, «стремились избежать искусственности, а главное помпезности, поскольку тема сражающегося и погибающего во имя свободы солдата вряд ли исчерпает себя в скором времени; она затрагивает сердца сейчас, и будет действовать также на грядущие поколения».

Тем не менее для жителей Восточного Берлина парк Трептов не стал местом, только лишь вызывающим в памяти трагедию войны. Утратив политическую подоплеку, он вновь обрел черты народного увеселительного сада, хотя соседство с мемориалом потребовало иного, более серьезного начала. Впрочем, решение этой непростой задачи еще за полвека до начала Второй мировой войны нашел профессор Архенхольд, предложивший построить здесь обсерваторию. Берлинцы идею поддержали, тем более что власти намеревались сделать сие полезное заведение открытым для публики. Предвосхитив ситуацию с зоопарком, голодные рабочие Берлина выходили на субботники, собирали средства на здание и оборудование, не поскупившись на главное – 130-тонный телескоп с 21-метровым

фокусным расстоянием, который по германской традиции стал самым крупным среди имевшихся на тот момент устройств для наблюдения за звездным небом.

Теперешняя Берлинская обсерватория располагает гораздо более мощными средствами, но старый аппарат бережно хранится в качестве предмета, доказывающего превосходство германской техники. Кроме того, этот любопытный выставочный экспонат свидетельствует о том, насколько щедрым и общественно активным может быть немец, если сам того пожелает.

Мифические дворцы

Если бы берлинские правители могли предвидеть судьбу центральных районов города, то строили бы свои жилища на окраинах. К несчастью, многое из архитектурного наследия Берлина перестало существовать в кайзеровскую эпоху; то немногое, что сохранилось при глобальных переделках, было уничтожено в мае 1945 года и позже, при коммунистическом режиме. Именно такой жертвой стал прекрасный Берлинский замок, построенный в начале XVIII века Фридрихом I, бережно хранившийся и украшавшийся его потомками, а затем безжалостно разрушенный властями социалистической ГДР, чтобы на освободившемся месте построить уродливый Дворец республики.

Замковый мост и Берлинский замок

«Население нашей столицы с чувством радости и гордости вступает во владение этим домом. Как добрые хозяева мы будем принимать в нем своих друзей и боевых соратников из всех стран мира. Далек за пределами нашего Отечества он будет возвещать о трудолюбии и силе созидания нашего народа», – сказал Э. Хонеккер на открытии Дворца республики в 1974 году. Упомянув о народных чувствах, глава социалистической Германии, конечно, преувеличил, ведь гибель взорванной коммунистами королевской резиденции вызвала если не протест, то довольно активное недоумение. После этого варварского акта почти два десятилетия пустота зияла там, где исконно торжествовала красота, пусть даже недоступная простым берлинцам. Негодование усиливал тот факт, что благодаря добротной кладке замок уцелел при настоящем штурме столицы и, увы, не устоял перед напором кинематографистов, разгромивших старые стены во время съемок фильма «Падение Берлина». После второго

взятия здание уже не подлежало ремонту. Реставраторы могли бы восстановить его по чертежам, но, в отличие от взрыва, это было слишком дорого и хлопотно.

На строительство Дворца республики потребовалось меньше трех лет, во многом потому, что в данном случае властям вновь помогало население. Вкладывая силы и деньги в дом, по словам одного из строителей, «создаваемый народом и для народа», рабочие, служащие, домохозяйки, студенты и даже школьники не знали, что он окажется не более доступным, чем королевский замок. Однако тот хотя бы радовал взор красотой, тогда как Дворец республики, наделенный чертами прямо-таки нацистского монументализма, выглядел большой бетонной коробкой.

Дворец республики

Длина здания по фронтому достигает 180 м; не менее впечатляюща ширина – 85 м. Две его части кажутся самостоятельными постройками, сливающимися в единое целое благодаря общему вестибюлю. Основным декоративным элементом обширной прихожей является 5-метровый цветок, выполненный из стекла мастерами из Магдебурга. Двумя этажами выше располагается картинная галерея, где когда-то выставлялись крупноформатные работы художников ГДР. Далекое от спорта, грузные, высокопоставленные гости, либо те, которые пугались устремленной ввысь лестницы с бесчисленным количеством ступеней, поднимались на лифтах, и не простых, а скоростных, что для 4-этажного здания было излишней роскошью.

Шиком для небогатой страны казались и такие элементы Дворца республики, как эскалаторы или Большой зал – помещение удивительное по величине, вариативности и нерациональности использования. По заверению властей, наиболее частыми гостями здесь должны были стать трудящиеся, которым обещали широкую культурную программу: выступления народных ансамблей, симфонических оркестров, конкурсы балльных танцев, балы, банкеты, лекции на всевозможные темы. Для удобства слушателей на каждом из 5 тысяч кресел имелся откидной столик. Верхом технического прогресса представлялась установка для синхронного перевода и аппаратура конференцсвязи, так и не опробованная в реальном деле. Танцевальные мероприятия требовали переустройства помещения, что не

преминули учесть проектировщики, разработавшие систему подъема всех шести секторов партера и одновременного спуска потолка.

Вопреки замыслам, грандиозный дворец не повлиял ни на культурную, ни на политическую жизнь Берлина. Вместо рабочих его завсегдатаями стали члены зарубежных делегаций, которым демонстрировали это архитектурное чудо только потому, что настоящие шедевры находились не в лучшем виде. В бескрайних просторах народного дома отчего-то не нашлось места для служебных кабинетов, и, вероятно, к счастью, поскольку сотрудников разместили в более привлекательном сооружении. Немалый штат дворца занимал комнаты манежа, построенного Эрнстом фон Ине в начале XX века, то есть в эпоху, которую принято называть «прекрасной».

Для единой Германии Дворец республики стал тем, чем для Восточной когда-то был Берлинский замок. Жители столицы относились к нему без почтения, со свойственным себе юмором наделив неприглядное здание множеством прозвищ: от нейтрального «балласта республики» до совсем обидного «магазина люстр Хонеккера». Сегодняшние туристы, начиная экскурсию по Берлину с Замкового моста, стараются отвести взгляд от изрядно обветшавшей громадины. Никому не нужный, опустевший, умаляющий достоинство буржуазной столицы, народный дворец, несмотря на решение о сносе, все еще цел на радость представителям концептуального искусства. Художники-авангардисты нашли в его монументальных интерьерах превосходный полигон для испытания новейших идей. В одном из последних шоу горожанам предложили прокатиться по длинным коридорам дворца... на байдарках, предварительно затопив нижние этажи. Окружающий здание забор теперь служит стендом, где всякий желающий может поместить надпись (цензурную), относящуюся или к дворцу, или к погибшему замку.

Разделив судьбу своих каменных собратьев, при коммунистах исчез дворец Иоахима II, построенный на улице Кнуппельдамм, которая некогда соединяла жилище курфюрста с охотничьей резиденцией в Грюневальде. Когда Отто Бисмарк решил превратить ее в бульвар, похожий на Елисейские Поля, в Берлине, вернее, в Шарлоттенбурге, появилась знаменитая Курфюрстендамм – улица с таким сложным названием, что даже берлинцы не утруждаются называть ее полностью, чаще произнося сокращенно: Кудамм. Недалеко от нее, в восстановленном неоренессансном дворце Мартина Гропиуса (нем. Martin-Gropius-Bau), сегодня устраиваются самые важные берлинские выставки. Здесь, например, экспонировались сокровища ацтеков, проходили ретроспективы современного американского искусства и фотографии.

Недалеко от Берлинского замка, в очаровательной Каштановой роще, стоял так называемый Русский дом (нем. Russischer Haus), построенный в 1753 году архитектором Кристианом Фельдманом. Задуманный в качестве гостиницы для знатных гостей, он располагался у крепостного рва, но по виду нисколько не напоминал суровую твердыню. Отслужив 30 лет в качестве отеля, красивое барочное здание перешло в собственность государства, поднявшись до разряда резиденции прусского министра финансов. В годы наполеоновского нашествия эту должность, как и роскошные залы дворца, занимал прославленный реформатор барон фон Штайн. Немного позже здание утратило официальный статус и стало полностью жилым, хотя в нем по-прежнему обитали главные финансисты страны.

В 1864 году для повышения престижа тех, кто занимал эту почетную должность, был устроен Мраморный зал, своим великолепием напоминавший о дворцах римских императоров. После бомбардировок Второй мировой войны дворец в Каштановой роще превратился в руины, но, в отличие от многих старинных строений, вскоре был восстановлен по сохранившимся чертежам. Возрожденное здание заняли члены Общества русско-германской дружбы, они не покинули его и по сей день.

Дворец Монбизу

Судьба небольшого дворца Монбизу (от франц. *mon bijou* – «моя жемчужина») могла бы стать основой для увлекательного романа. История здания, построенного в начале XVIII века и названного по аналогии с парковыми увеселительными павильонами Франции, удивительно богата на события. В доме, окруженном маленьким парком с живописным бассейном в глубине, останавливался во время своего визита в Германию русский Петр I. Шумная свита русского императора устроила в королевских покоях такой погром, что вскоре после отъезда гостей дочь владелицы замка пожаловалась дневнику: «Здесь царит иерусалимское опустошение; думаю, королеве придется все перестраивать...»

Дворец Монбизу еще стоял в лесах, когда датский мастер резьбы по янтарю Готфрид Вольфрам по личной просьбе Фридриха I прибыл в Берлин, чтобы оформить заказ на создание в нем янтарного кабинета. По неизвестной причине король и резчик не договорились, поэтому работу поручили местным мастерам, которые руководствовались проектом Андреаса Шлютера.

В 1711 году легендарный кабинет был завершен, а спустя несколько лет прусского монарха навестил русский император, прибывший по обыкновению с богатыми дарами. Правивший тогда Фридрих-Вильгельм сделал ответный презент, как отмечено в летописях, «преизрядный», преподнеся русским золоченую яхту и янтарный декор из дворца Монбизу. Трудно сказать, что сподвигло скуповатого немца проявить столь редкую щедрость, сила российского оружия или обаяние царя, но подарок посчитался слишком роскошным даже для монарха. К русским перешла еще одна реликвия дворца, а именно картина «Выход княгини Лигниц в парк Шарлоттенбурга» кисти немецкого портретиста Франца Крюгера.

Известно, что этот художник пользовался расположением Николая I, и сегодня десятки его работ находятся в собрании Эрмитажа. Исконно украшая одну из гостиных Монбизу, в 1942 году полотно было переправлено вместе с другими произведениями искусства в хранилище, устроенное в районе парка Фридрихсхайн на северо-восточной окраине Берлина. Как нетрудно догадаться, после войны содержимое всех нацистских бункеров оказалось в Москве и Санкт-Петербурге. Шедевр Монбизу проехал гораздо дальше, попав в Киргизию, где оставался до недавнего времени, пока безымянный коллекционер не надумал возвратить его законным владельцам, то есть передать Фонду музеев и парков Бранденбурга.

Когда-то Берлинская стена ограждала большой пустырь, образовавшийся на месте дворца принца Альбрехта. Совершенно правильно поступили немцы, не возражая против сноса этого красивого здания, поскольку оно вызывало слишком тяжелые чувства: за классическим фасадом долгие годы скрывались застенки гестапо. Сам дворец, как и улица Принц-Альбрехтштрассе, не изменил старых названий, но, зная специфику учреждения, жители Берлина вздрагивали лишь от одного упоминания о нем.

Первый хозяин дворца, бранденбургский принц Альбрехт Гогенцоллерн, судя по хроникам своего времени, был весьма колоритной фигурой. Сын маркграфа Ансбахского Фридриха, племянник польского короля Сигизмунда, он происходил из самого знаменитого в Германии царского рода. Будучи совсем еще молодым человеком, Альбрехт управлял обширными землями Восточной Пруссии, а в двадцать лет удостоился титула гроссмейстера Тевтонского ордена.

Пользуясь дипломатическим талантом, юный Гогенцоллерн сумел заручиться поддержкой влиятельных германских князей, но, разбив войско дяди-курфюрста, попал в зависимость к союзникам, освободиться от которых оказалось не так просто, как воевать с поляками. Не рассчитывая на помощь папы римского, принц решил употребить свой дар, теперь уже обратившись к Реформации, вернее, к ее лидеру Мартину Лютеру. Встреча состоялась в Нюрнберге: Альбрехт вышел к знаменитому реформатору в черном бархатном костюме, предварительно сняв доспехи, оружие и освободившись от всех золотых украшений. Содержание разговора осталось тайной, но после нее Гогенцоллерн из фанатичного католика превратился в ревностного протестанта и, самое главное, окончательно раздумал воевать.

Альбрехт не смог, как страстно того желал, распространить лютеранство даже в своих владениях: задача была непосильной для такого слабого владыки. Все же заслуги бранденбургского принца принижать не стоит, ведь он немало постарался в сфере развития культуры и науки, причем действуя в глухом уголке Европы, где меч почитался выше бога. Он считается основателем Кёнигсбергского университета; по словам современников, истовая вера не мешала ему пропагандировать истинно светское образование. Жители городка Кёнигсберг обязаны Альбрехту появлением первой печатной книги. Одно время помощником в культурных делах правителя был прославленный белорусский первопечатник и просветитель Франциск Скорина. Резко сменив веру, принц развил бурную деятельность, но значительных успехов в политике не добился, если не считать того, что при нем Восточная Пруссия обрела силу в военном отношении. К концу жизни, разочаровавшись во всех религиях, Гогенцоллерн обратился к оккультным наукам.

Потомок легендарного тевтонца, курфюрст бранденбургский Иоахим II Гектор принял лютеранство в 1539 году, но привычки, приобретенные в католической вере, менять не стал. Бессовестно опустошая казну, он заботился о будущем увеличении страны, в частности, путем наследования титула герцога Силезского. Не сумев прославить себя во время турецкого похода, он также неудачно начальствовал над имперским войском в Венгрии, где не нашел ни славы, ни выгоды, ни богатых трофеев. Скромные церемонии не слишком увлекали государя, удивлявшего всех своей расточительностью, которую поощрял его финансовый агент, еврей Липпольд. Вероятнее всего, этот человек, о котором не слишком распространяются хроники, финансировал строительство и отделку резиденции, известной под названием Дворец Иоахима.

Значимую часть средневекового Берлина составляла площадь Молкенмаркт, связанная со старой крепостью Кёльн мостом Мюлендаммбрюке. До середины XV века единственным ее украшением была статуя берлинского Роланда, уничтоженная в ходе переделок района. Через три столетия площадь вновь обрела произведение искусства, на сей раз архитектурного. В 1704 году здесь появился городской дворец графов Шверин, построенный французским архитектором де Бодтом. Творение великого зодчего тоже существовало недолго, хотя, если полезная и, безусловно, красивая скульптура была снесена полностью, то графская обитель – только частично. Во вновь отстроенной части здания, непримечательной внешне, зато комфортной внутри, до недавнего времени проходили заседания министров германской культуры. Сегодня многострадальные старые стены можно узнать лишь по статуям львов перед главным входом. В бывших графских апартаментах сохранилась лестничная клетка и прекрасные потолки с лепниной.

К этому странному дворцу примыкает построенное позднее здание берлинского монетного двора. Оно притягивает взгляд красивыми барельефами, скопированными с фриз Готтфрида Шадова, которые тот выполнял для старого монетного двора, уступившего место новому. Выполняя желание членов муниципалитета, великий скульптор образно раскрыл секрет изготовления денег: на плоской скульптуре стены процесс чеканки монет изображен полностью, от добычи руды до литья готовой продукции.

Во времена двух Германий печально известный Дворец слез (нем. Tranenpalast) являлся всего лишь пограничным пропускным пунктом между Западным и Восточным Берлином. В те не столь отдаленные времена в нем размещались таможня и паспортный контроль. Ныне от сложного лабиринта подземных переходов и лестниц сохранился только павильон с северной стороны вокзала – зал ожидания, в котором, рыдая, прощались родственники из разных миров. Теперь слезы проливаются здесь разве что от счастья, поскольку на месте пропускного пункта появился концертный зал, где выступают джазовые оркестры.

Берлин строится

В 1970-х годах гости Западного Берлина видели чистый, преуспевающий город со здоровыми энергичными жителями. Курфюрстендамм сверкала неоновой рекламой, изумляя фешенебельными отелями, множеством ресторанов, уютных кафе и дорогих магазинов. О многих вещах, с изящной небрежностью выложенных за стеклом последних, восточные немцы знали только понаслышке. Еще более впечатлял то факт, что в западной части Берлина бережно хранился дух и материальные ценности города прусских королей. В квартале близ дворца Софии-Шарлотты обосновался лучший в Европе симфонический оркестр, на прекрасных подмостках давала спектакли великолепная оперная труппа, благополучно существовали такие новаторские коллективы, как Театр Шиллера, Народная сцена, Театр на берегу Галле. Западные берлинцы гордились двойной колоннадой, обрамлявшей вход в первый берлинский ботанический сад (нынешний Кляйстпарк).

Возведенная на Александерплац, она была перенесена сюда в 1910 году и сумела уцелеть в войну, став одной из немногих сохранившихся берлинских построек XVIII века.

Карта современного Берлина: 1 – Веддинг, 2 – Пренцлауер-Берг, 3 – Шарлоттенбург, 4 – Тиргартен, 7 – Крейцберг, 8 – Темпельхоф

– Старый город

– Берлинская стена

Специалисты считают, что, кроме колоннады, в престижном Шёнеберге ни одна постройка не представляет архитектурного интереса. Почти каждый из роскошных особняков этого района имеет название и собственную, пусть не очень богатую историю. Небольшой дворец на Дугласштрассе, как и великолепная вилла Кончевски на улице Готтфрид фон Краммвег, относится к творчеству знаменитого театрального архитектора Оскара Кауфманна. Вилла, некогда принадлежавшая банкиру Эркслебену, знаменита тем, что однажды стала съёмочной площадкой. На вилле Хартенек, возведенной в 1912 году для коммерсанта Карла Хартенека, в свое время жил глава нацистской контрразведки, адмирал Фридрих-Вильгельм Канарис. После неудавшегося покушения на Гитлера его арестовали, приговорили к смертной казни, но повесили всего за месяц до капитуляции Германии. Давно утративший владельца дом сегодня недоступен для широкой публики. На первом его этаже располагается посольство ЮАР, а остальные проданы частным собственникам. Прилегающий к вилле Хартенек очаровательный парк посещают все желающие. Один из многих зеленых уголков германской столицы был заложен в 1985 году и предназначался не только для местных аристократов. Сегодняшние берлинцы приезжают сюда в поисках активных развлечений, ведь широкие дорожки парка дают возможность кататься на велосипеде, заниматься бегом или просто прогуливаться, наслаждаясь свежим воздухом и видом красивых зданий.

Жизнеспособность Западного Берлина во многом зависела от ФРГ, которая регулярно субсидировала чужой себе город. Удивительно, что столица и в былые времена не пользовалась любовью в остальной Германии. Берлинцами восхищались в критические моменты, но в благополучную пору восторги сменялись давней неприязнью, которая, впрочем, была обоюдной. Жители восточной стороны радовались, когда иностранные журналисты отмечали разницу между ними и западными немцами, выражая одобрение авторам, которые, подобно шведу Ларсу Густафссону, заостряли внимание на духовности: «Две страны не могут быть более разными, чем покрытый шрамами многоопытный Берлин с его живым острым интеллектом и глупая, набитая деньгами Федеративная республика со своими супермаркетами, портативными телевизорами, мягкими коврами, столами под стеклом и канапе из черной кожи. Берлин, эта таинственная кузница сил будущего, заключенный за высокими стенами, минными полями посреди враждебной, глинисто-серой диктатуры. Берлин с революционными группами, центрами продленного дня, синими, красными, белыми брошюрами, уличными кафе, книжными лавками, с нескончаемыми картофельными полями – город, который все знает, все испытал и давно смирился со своим положением...»

Сквер на Александерплац

В октябре 1990 года, когда единый Берлин был объявлен новой немецкой столицей, стало ясно, что долгожданное объединение принесло только разочарование. Западные немцы презрительно отворачивались от «ленивых восточных братьев», а те пассивно ждали поддержки, думая обрести экономический рай за чужой счет. В прессе появлялись статьи о «стене в головах», о том, как «социалистические братья-сестры умудрились снести половину города, ссылаясь на военные разрушения и то, что некоторые здания напоминали о капиталистическом прошлом и потому должны были погибнуть. Однако столица жила и даже пестрела транспарантами с бодрой надписью: „Берлин строится!“. Строилось тогда действительно много, хотя и сейчас бывший восточный Берлин не перестал быть городом пустырей. Все же теперь на поросших полынью участках гораздо веселее из-за табличек с точным указанием, в какой срок и каким зданием будет ликвидирован данный

архитектурный провал.

Потсдамская площадь в Берлине

Власти ГДР не утруждались реставрацией, поэтому стены многих старинных особняков до сих пор хранят на себе следы от осколков и пулеметных очередей. Со временем их стало меньше, но поврежденные фасады из темного кирпича можно встретить и сейчас, несмотря на то что в объединенной Германии реставрационным работам уделяется много внимания и средств. Самой впечатляющей иллюстрацией этого служит новая Потсдамская площадь, где имперский уют сменился крайней футуристичностью. Несмотря на явный положительный эффект, невыразимо техничный ультрасовременный комплекс зданий со сплошными стеклянными фасадами смотрится достаточно странно, если учесть соседство старых построек.

Во время битвы за Берлин снаряд повредил купол Рейхстага, поэтому для спасения всей постройки его пришлось взорвать. Первая попытка реставрации являлась лишь поверхностным ремонтом, и в таком плачевном виде берлинский парламент – пример величественной имперской архитектуры – просуществовал до 1972 года, когда уникальное здание было восстановлено и оборудовано под исторический институт. Возведение купола в то время показалось делом слишком дорогим. После объединения Германии вопрос о деньгах уже не возникал, зато обострились споры о том, где будет заседать правительство новой страны.

Молодежи Рейхстаг казался жалкой развалиной, а старшее поколение связывает его с

деспотичной властью и трагедией еще не забытой войны. К удовольствию большей части немцев убедительнее всего высказывались те, кто защищал здание, в самом деле неповинное в политических коллизиях, тем более что Гитлер в нем ни разу не выступал. В результате было принято решение вновь реконструировать Рейхстаг, а победителем очередного конкурса стал английский архитектор Норман Фостер.

В 1995 году перед началом работ прошла своеобразная акция, не входившая в планы зодчего. Огромное здание было упаковано в чехол из серебристого полипропилена и таким образом на 2 недели превратилось в произведение искусства. Спустя 4 года берлинцы смогли полюбоваться обновленным Рейхстагом, который вновь обрел купол: Фостер понимал, что плоская крыша способна принизить идею, призванную воплотить символ немецкой государственности. По завершении стройки стало заметно, насколько изменился исторический район Берлина. Не возвышаясь среди современных собратьев, массивный серый Рейхстаг, словно кичась своей респектабельностью, по-прежнему хранил имперское величие.

Скульптурный декор на фасаде нового Рейхстага

Купол Рейхстага

Внешне 6-этажное здание парламента осталось почти таким, каким его видел первый германский кайзер. Разница заключается в новом куполе и, конечно, в интерьерах, основой которых явился огромный зеркальный конус, поднимающийся от пола вестибюля до верхней внутренней точки купола. Для облицовки этой воронкообразной конструкции было использовано 360 зеркал, причем особые фильтры, вмонтированные в полость конуса, приглушали дневной свет, когда депутаты сидели в креслах, и свободно пропускали солнечные лучи, едва только зал освобождался. Массу огромного свода удерживали 12 бетонных колонн, каждая весом 23 т. Купол Рейхстага, 40-метровый в диаметре, собранный из стекла и стальных конструкций, весит 1200 т. Дань германской демократии – смотровая площадка, которая, располагаясь на высоте 40 м, позволяет наблюдать не только круговую панораму Берлина, но и то, что происходит в зале заседаний.

В мае 1945 года Рейхстаг с водруженным над ним красным флагом представлялся символом победы над фашизмом. Такое же содержание имели многочисленные надписи, сделанные советскими солдатами на стенах полуразрушенного здания. Большая часть этих реликвий была уничтожена во время первой реставрации, но Фостер, выдержав жаркий спор с властями, сохранил немногие из оставшихся. Автографы русских солдат продолжают существовать не под музейным стеклом, а, как полвека назад, под открытым небом, хотя для большей сохранности их покрыли слоем защитного лака.

Осмотр реликвий является одним из самых любимых занятий среднего берлинца. Не слишком увлекаясь историей, жители Германии любят посещать музеи, где царит идеальный порядок, которого горожанам, видимо, недостает на улицах. Самый значительный музейный комплекс уже давно располагается на острове вблизи Дворцового моста Шлоссбрюке, лишь недавно получив неприятное название Музейный. Он сложился в начале XIX века, когда к построенному по заказу Фридриха-Вильгельма III Старому музею (нем. Altes Museum) присоединились Национальная галерея (нем. Alte Nationalgalerie) и музей Боде (нем. Bodemuseum). Последний вначале носил имя императора Фридриха, а позже был переименован в честь первого директора королевских музеев Вильгельма фон Боде.

Архитектура Старого музея примечательна тем, что само здание считается «лебединой песней» Карла Фридриха Шинкеля – певца немецкого ампира. Все строения Музейного острова выдержаны в одинаковом классическом стиле, лучше всего подходящем к тому, что

хранится внутри. Бранденбургские курфюрсты, прусские короли и кайзеры не скупались, снаряжая археологические экспедиции. Кроме добытого из-под земли, правители щедро оплачивали вещи, уже откопанные другими. Например, в 1698 году колоссальные средства были выделены на покупку коллекции греческих и римских памятников. Нынешнюю экспозицию Старого музея составляют бронзовые и мраморные статуи, посуда, ювелирные украшения, бюсты работы римских ваятелей, изумительные по сохранности мозаики, фрески и фаюмские портреты. Установленная перед входом в здание чаша из гранита (диаметр 7 м, вес 76 т) к древности никакого отношения не имеет, поскольку выполнена Шинкелем для музейной Ротонды.

Музейный остров

Новый музей, творение не менее знаменитого зодчего Фридриха Шлютера, стал местом размещения доисторических, этнологических и египетских коллекций, раньше хранившихся в резиденциях королей. Являясь самой южной постройкой острова, это впечатляющее здание фасадом выходит на Лустгартен, единственную в городе площадь, устроенную непосредственно у воды.

Незадолго до начала Второй мировой войны многочисленные находки, сделанные археологами в начале века, расположились в роскошных, устроенных в античном стиле залах Пергамского музея (нем. Pergamonmuseum), где поныне стоит гордость берлинских историков – Пергамский алтарь Зевса и Афины. Созданный предположительно в 160 году до н. э., он попал в Европу благодаря послам, сумевшим уговорить султана Османской империи продать столь удивительную вещь. С тех пор как правительство единой Германии стало требовать возвращения золотых находок Шлимана, реликвии угрожает переезд в Турцию, хотя трудно представить, как это может произойти в реальности.

Музей Боде на Музейном острове

Национальная галерея

Германия издавна славилась лучшей в мире классической филологией и самым крупным собранием антиков. Неудивительно, что грандиозный музейный проект, связанный именно с античными памятниками, осуществили немцы, правда, стройка на острове затянулась на десятки лет. Так, здание Пергамского музея создавалось около 20 лет, что неудивительно, если знать о трудностях устройства фундамента на болотистом грунте.

Новый музей

Шлюз на одном из берлинских озер

Музейный остров, пожалуй, самый прекрасный район старого Берлина. Здесь всегда тихо, вода, зелень и великолепная архитектура создают на редкость спокойную атмосферу, которую трудно найти в современных кварталах города. Павильоны выглядят настоящими дворцами, хотя бы потому, что сооружались по тому же принципу и теми же архитекторами,

что строили королевские жилища.

Творением гениального Шлютера является Национальная галерея, задуманная в виде древнеримского храма и одновременно огромного парадного зала, о чем свидетельствуют две наружные лестницы по обеим сторонам главного входа. Собранные в ней произведения представляют немецкое искусство эпохи модерн, хотя в некоторых залах имеются работы первых французских импрессионистов. В музеях хорошо проводить время зимой, а летом жители германской столицы отдыхают на великолепных пляжах озера Ваннзее (нем. Wannsee) либо на оборудованных берегах соседних с ним водоемов. Берлинцы охотно пользуются таким благом, как возможность загорать и купаться, не покидая города. Места здесь действительно замечательные. Обилие зелени, беседки, яркие шезлонги, песок, чистая вода и даже солнце, хоть и не такое теплое, как на юге, наводят на мысль о том, что Берлин, не в пример другим европейским столицам, удобен и с точки зрения городского комфорта, и в отношении отдыха.

Даже зимой не стоит отказываться от поездки к самому большому из берлинских озер Мюггельзее. Если верить немецким геологам, его появление относится к ледниковому периоду. Своеобразный ландшафт вокруг водного бассейна сформировался в результате многовекового накопления и относительно быстрого сжатия земной коры. Высота самой крупной из здешних гор достигает 115 м. Заметная издалека, она связана с преданием, согласно которому изгнанные Альбрехтом Медведем славяне нашли укрытие в святилище, устроенном внутри горы в незапамятные времена. В озере, по преданию, затонул целый замок, и там же нашла спасение благородная фрейлейн, которая, спасаясь от преследований влюбленного охотника, бросилась в воду и превратилась в русалку. Тому, кто освободит несчастную девушку, народная молва обещает сказочное богатство, но желающих искать ее в холодных водах Мюггельзее до сих пор не нашлось.

Башня Мюггельтурм

Раскинувшийся на берегу озера парк настолько ухожен, что напоминает ботанический сад. Пешеходная тропа с путевыми указателями не позволит заблудиться даже ребенку, и дети, конечно, в компании со взрослыми, охотно погружаются в сказку настоящего немецкого леса. Любителям пешего туризма предоставляется возможность совершить 4-километровое путешествие вокруг Мюггельзее, начав с тоннеля под Шпрее и завершив ужином в ресторане «Рюбецаль». Помимо указательных табличек, сотрудники парка развесили множество плакатов с описанием трав и ценных пород деревьев. Проторенный путь ведет через болота с редкими видами трав и кустарников, которые здесь срывать запрещено.

Поистине безбрежное Мюггельзее одинаково прекрасно в лучах летнего солнца, в осеннем тумане, окруженное весенней зеленью или заснеженным лесом. Прекрасные пейзажи этой местности лучше обозревать со смотровой площадки башни Мюггельтурм, поднявшейся на несколько метров выше самой высокой здешней горы. К настоящему времени общая протяженность туристических троп – променадов – и велосипедных дорожек в окрестностях германской столицы достигла 400 км. Все они приспособлены для обычных, далеких от спорта граждан, предпочитающих активный отдых вблизи воды, которой Берлин, в отличие от памятников истории, обеспечен с избытком.

Потсдамские резиденции

Лучше рубить лес, чем влечить жалкое существование, пусть даже цивилизованное и просвещенное. Нужно вернуться к истокам, на одинокие вершины гор, где мы не преемники, но предтечи...

Поль де Лагард

Потсдам отделяют от столицы Германии всего 30 км. Несмотря на довольно большую численность населения (113 тысяч человек), развитую промышленность и статус центра федеральной земли Бранденбург, город сохранил провинциальность и, в отличие от Берлина, не превратился в безумный мегаполис. Спокойные воды рек Шпрее и Хафель, таинственное озеро Ваннзее образуют вокруг него чарующий пейзаж, который выглядит своеобразной, по-немецки строгой оправой для пышных дворцов, окружающих городские районы, словно придворные дамы королеву. Начиная с XVII века каждый правитель старался возвести здесь несколько построек, безусловно, приглашая для исполнения самых лучших, чаще немецких архитекторов. Редкий город обладает таким количеством красивых и значимых с исторической точки зрения садово-парковых комплексов и не случайно европейские журналисты называют Потсдам «книгой с иллюстрациями по прусской истории».

Подобно всей старой Германии, Потсдам делится на множество частей, и многие из них вовсе не являются жилыми кварталами. Путешествие по его историческим местам начинается с Бранденбургских ворот, продолжается фахверковыми постройками, классическими особняками эпохи Просвещения, зданиями в стиле модерн, закусочными в старонемецком духе, суетливым Голландским кварталом и завершается у неоготических ворот Науэнер. При кажущейся разнородности город представляет собой цельный ансамбль, где эпохи и стили соединяются в единое, весьма привлекательное целое.

Дорога из Берлина в Потсдам

Приехав сюда из столицы, невозможно не заметить спокойные, улыбающиеся лица горожан, тактично равнодушные или приветливо обращенные к чужаку, если тому заблагорассудится вступить в разговор. Воспоминания о Вольтере, последнем кайзере, Гитлере, русских солдатах и Потсдамской конференции все еще остаются в памяти местных жителей. Более всего эти места связаны с памятью о Фридрихе Великом – человеке, сумевшем создать настоящую Пруссию, построить уникальный дворцовый комплекс Сан-Суси и едва не погубившем оба своих творения.

Городок внаем и в подарок

Сегодня даже самый пытливейший историк не сможет назвать дату основания Потсдама, и не удивительно, ведь до 993 года он был всего лишь славянской деревней, примечательной разве что красивыми окрестностями. Однако именно очарование пейзажа способствовало возвышению захудалого села до ранга королевской резиденции, каковой спутник Берлина являлся около трех веков. Грамота, с которой начинается его летопись, была подписана нетвердой рукой подростка. Будущему императору Оттону III не исполнилось 14 лет, когда он обрел власть и получил право делать щедрые подарки. Один из них, а именно прелестное местечко, называвшееся «Под дубами» (лат. «Postupimi»), юный правитель решил преподнести своей тетушке Матильде фон Кведлинбург. Возглавляемая ею монашеская община испытывала трудности с жильем, и подарок племянника пришелся как нельзя кстати. Император построил монахиням целую крепость; окруженная насыпной стеной, с башней посередине площади, впоследствии она превратилась в небольшой город, упоминавшийся в летописи уже по-немецки – Потсдам. С конца XIII века горожане собирались в большой каменной церкви, традиционно посвященной святому Николаю. В течение веков храм неоднократно горел, перестраивался, увеличивался по площади и в высоту, пока не приобрел вид романской базилики с куполом, полукруглой алтарной нишей и портиком в духе классицизма.

Церковь Святого Николая

В 1375 году крепость, или иначе Городской замок, находилась в собственности императора Карла IV и за два столетия успела сменить 17 владельцев, точнее, арендаторов, о чем подробно рассказывалось в королевских грамотах, хотя в целом документальный материал средневековой Германии очень скуден. Со временем каменная твердыня приобрела более презентабельный вид, поскольку земляные стены сменились каменными, а углы сооружения были укреплены дозорными башнями. В средневековых летописях среди прочих бед редко упоминаются вторжения: видимо, крепость надежно защищала подступы к городу

и, главное, не допускала врага к паромной переправе через реку Хафель в пору, когда город не имел моста.

Долго находясь в незавидном положении, Потсдам развивался не слишком быстро, но последовательно, в чем немалую роль сыграли пожары. Восстановление сгоревшего дотла города сопровождалось расширением границ, появлением новых церквей, более добротных административных и жилых зданий. Известно, что за стенами бывшей королевской обители находили убежище французские гугеноты. Потсдам не обошли несчастья Тридцатилетней войны: ему пришлось испытать осады, грабежи, эпидемии чумы, от которой однажды погибла большая часть населения. Согласно переписи, к 1623 году «Под дубами» осталось 198 домов, заселенных 2 тысячами человек, включая детей и стариков. Горожане обнищали, ремесленники разорились, сельское хозяйство пришло в упадок.

В таком плачевном состоянии нашел Потсдам великий курфюрст Фридрих-Вильгельм Гогенцоллерн, чей замок в 1660 году был заложен в центре старой крепости вместо земляных и деревянных домишек. Решив устроить здесь летнюю резиденцию, монарх присоединил к городу ближайшие деревни Борним, Тельтов, Гольм, Грубе, Древиц, Глиннике, с того времени считавшиеся городскими районами. Вскоре для увеличения масштабов стройки потребовалась городская территория, а следовательно, лишними стали дома. Утратив жилища, люди обратились в суд и после долгой тяжбы добились разрешения «поселиться на земле, принадлежащей курфюрсту, но не представляющей для него интереса». Так, предоставив потсдамцам ненужный пустырь, Гогенцоллерн избежал бунта и далее спокойно занимался своей резиденцией.

Справедливости ради стоит заметить, что присутствие монарха, даже столь грубое, оказало благотворное влияние и на город, и на горожан. Местность вокруг Потсдама украсилась прямыми аллеями, которые, направляясь ко дворцу, заменили некоторые улицы. Такой стала широкая Брайтештрассе, которая начиналась от западной стороны Городского замка, вела, не меняя направления, к бухте Хафель и заканчивалась у подножия горы Панненберг, уже за городской чертой. Прибрежный участок заняли особняки знатных горожан. С того времени сохранились два миниатюрных дворца, как раньше окрашенные яркой охрой и привлекающие внимание не вычурной отделкой, а правильными пропорциями. Ныне проезжая магистраль Отто-Нушкештрассе некогда была аллеей с эффектным завершением в виде Егерских ворот. Являясь своего рода служебным входом, они служили для проезда охотничьей кавалькады курфюрста, о чем легко догадаться, взглянув на скульптурную группу с изображением своры собак, загоняющих оленя под пули стрелков.

Упадочное хозяйство Потсдама постепенно оживало заботами французских и голландских коммерсантов, приглашенных королем для работы в будущей резиденции. Известные всей Европе фаянсовая мануфактура и фабрика по производству шелка тоже были созданы переселенцами из Нидерландов. Немного позже приезжий арендатор стекольного завода Иоганн Кункель изобрел так называемое рубиновое стекло, таким образом предоставив землякам дорогой товар на продажу, а курфюрсту – великолепный материал для отделки Городского замка.

Внешний вид этого дворца свидетельствовал о преклонении немцев перед голландской архитектурой. Боковые пристройки подходили к рыночной площади. Окружавший здание «увеселительный сад» устраивался в том же вкусе. Оранжерея в северной части парка недолго сохраняла свое назначение. Построенная в 1685 году по проекту Неринга, спустя несколько десятилетий она была переоборудована в манеж, где тренировались королевские кавалеристы. Окончательную форму постройке придал прославленный архитектор Георг Венцеслаус Кнобельсдорф, значительно удлинивший ее в западном направлении. Сильно вытянутый фасад украсили два ризалита и конные статуи на аттиках работы придворного ваятеля Глуме. Манеж связывала с дворцом Колоннада борцов, которую в настоящее время можно увидеть на площадке за отелем «Потсдам».

Преемником курфюрста был уже прусский король, которому резиденция отца

оказалась мала. Будучи правителем умным и предприимчивым, Фридрих I восполнял скудные средства и военные силы своего государства с помощью ловкой политики. Так, когда Франция начала воевать с Австрией за испанское наследство, он, тогда еще бранденбургский курфюрст, примкнул к последней в качестве союзника и в награду за верность получил титул короля, правда, только в отношении своих владений. Высокий ранг требовал пышного двора, коим новый европейский монарх не замедлил обзавестись в Берлине. При Фридрихе I столица Пруссии приобрела необходимый блеск, чего нельзя сказать о Потсдаме, остававшемся в прежнем провинциальном качестве.

Короля не интересовал сам город и еще меньше занимали жители, которым вновь пришлось потесниться ради устройства парков. Королевские хроники начала XVIII века сообщают о пышных праздниках, проходивших в мраморном зале Городского дворца, способном вместить в себя тысячи гостей. Потсдамцам столичная публика не приносила пользы, но и не мешала, поскольку аристократы приезжали хоть и часто, зато ненадолго. Гораздо больше хлопот доставляли военные, особенно невыносимые с 1713 года, когда волей второго прусского короля город превратился в настоящую казарму. Согласно указу, каждая семья принимала на постой 2–6 холостых солдат из расквартированного в Потсдаме гарнизона. Женатые гренадеры жили в казармах, располагавшихся прямо в жилых кварталах, где, кроме того, размещались караульни, склады, лазареты и другие армейские сооружения. Для предотвращения дезертирства жилые районы были заключены в кольцо крепостной стены. Король жестоко наказывал нарушителей военной дисциплины, что одинаково касалось и военных, и гражданских.

Быстро разраставшийся гарнизон нуждался в домах, поэтому в городе не переставая стучали молотки, визжали пилы, а мостовые были засыпаны песком и опилками. На армию работала вся местная промышленность. В 1722 году в городе начал действовать оружейный завод Даума. Среди местных квалифицированных рабочих не нашлось, поэтому фабрикант пригласил специалистов из-за границы. Тот, кто выражал готовность остаться здесь навсегда, получал привилегии в виде освобождения от военной службы и разрешения молиться любому богу.

Облик Потсдама начала XVIII века определяли мастера – строители, оружейники, рабочие фабрик, тогда как его культурная атмосфера зависела от «голубых мундиров», в каком ходил и сам король. Отличительной чертой города той поры являлось неуклонное расширение гарнизона в пределах крепостной стены. В ходе переделки старой крепости возник Голландский квартал (нем. *Hollandisches Viertel*), предназначенный для рабочих, приглашенных Фридрихом-Вильгельмом из Нидерландов. Заботливый король приказал, чтобы все строения в нем выглядели как на родине будущих обитателей, вскоре освоивших 134 «кукольных» домика из красного кирпича, канавки по периметру зданий, булыжные тротуары, обвитые цветами узкие длинные окна.

Голландский квартал

Потсдамская ратуша

Жилища тогдашних бюргеров свидетельствовали о пристрастии к стилю барокко, правда, в местном его варианте. Один из сохранившихся домов привлекает внимание резным обрамлением двери и оригинальной вывеской, на которой, как инструменты бочара, изображены молоток и резец, а рядом зачем-то помещена живописная рука, протянутая из облаков. Странный символ не говорит о том, что первый домовладелец нуждался в

подаянии, поскольку его имя и семейная история хорошо известны. Здание строилось по заказу богатого каменотеса и пивовара А. М. Эккхардта, выходца из южных земель Германии, где дома издавна оформлялись подобным образом. Устоявшиеся вкусы бюргеров исключали новаторство, поэтому жилые здания Потсдама возводились и отделывались в стиле, давно забытом передовой Европой. В 1730-х годах местных зодчих все еще вдохновляло барокко, хотя их зарубежные коллеги уже тяготели к классицизму. Немецкие архитекторы не отрицали моду, выражая новейшие тенденции неявно, например пропорциональностью форм, чистотой цвета, прямыми линиями, а также склонностью оживлять скромные фасады яркими акцентами.

Незадолго до появления Голландского квартала магистрат перебрался в новую ратушу, а пересекавший весь город канал стал водной дорогой. Будучи крепостным рвом в Средневековье, теперь водоем служил для осушения прилегающих к городу полей, сохранив это значение и к 1720 году, когда по распоряжению курфюрста его русло выпрямилось, берега обрели дощатую обшивку и деревянный парапет. После завершения работ горожане «получили еще одну Голландию», на сей раз в виде канала, красивого, полезного, достаточно широкого для прохода малых судов. Немного позже набережные украсили общественные здания и дворцы мастеровой знати. Тогда же зыбкие мостки сменились настоящими мостами с перилами и решетчатыми воротами, которые запирались на ночь и охранялись часовыми.

Современная ратуша стала четвертым сооружением подобного рода, возведенным в 1755 году на своем исконном месте, то есть с восточной стороны Альтермаркт, или площади, где уже давно располагался главный городской рынок, а с недавнего времени – Городской дворец. Дом заседаний муниципалитета проектировал и строил итальянский зодчий Андреа Палладиос, которому выпала удача воплотить в жизнь планы, отвергнутые на родине. Потсдамская ратуша стала копией неосуществленного дворца в Виченце. Статуи, установленные на аттике здания, представляли собой скульптурные образы Бдительности, Стойкости, Изобилия, Справедливости, Торговли, Осторожности – всего, чем полагалось обладать чиновникам, для которых предназначалась здание. Постройку венчала башня, казавшаяся куполом храма и нисколько не напоминавшая тюрьму, чем была в самом деле.

Навершием ратуши служила позолоченная фигура Атланта, несущего на плечах земной шар. Выполненная из свинца, она весила почти 1 т и к тому же была плохо укреплена, что повлекло за собой неприятность, с немецкой точностью зафиксированную в муниципальных документах: 16 июля 1776 года колоссальная статуя упала на мостовую и разбилась. Однако уже через год на башню ратуши водрузили копию – нового, на сей раз выполненного из меди, Атланта, вновь покрытого золотом и с тем же символом в руках.

За 30 лет до этого трагикомического события прусский престол занял внук первого короля. Фридрих II, впоследствии получивший прозвище Великий, не любил Берлин и решил жить в Потсдаме, где началось строительство грандиозного дворцового комплекса. В следующем столетии еще не заверченный ансамбль слился с остальными потсдамскими парками и дворцами, составив единый ансамбль. Помимо вновь возведенных, в него вошли многие городские сооружения, например канал, точнее, набережные, наделенные металлическим парапетом и эффектными мостами из камня.

Беззаботный Сан-Суси

Дворец Сан-Суси

«Если я не безумен, то невозможно понять, что происходит с моим глупым сердцем. Словно невидимая рука нежно и вместе с тем жестко провела по всем струнам души, пробудила сны и волшебные образы, вздохи, слезы и песни, затаившиеся на самом ее дне. Я чувствую, как дух мой стремится к чему-то неземному, запретному для простого человека. Невидимое небо с магнетической силой притягивает мое сердце, слезами пробуждая хаос давно прошедших радостей, невозможных усад и несбыточных надежд». Популярный в свое время роман Людвига Тика написан в начале XIX века, но вдохновенные строки точно передают чувства, которые за столетие перед тем мог бы испытывать монарх, еще не успевший устать от власти. Выразив желание построить еще один загородный дворец, Фридрих Великий почти не раздумывал над тем, как его назвать. Французское выражение «*sans souci*» («без забот») как нельзя лучше подходило для дома, где монарх намеревался отдыхать от государственных дел, предаваясь тем развлечениям, какие мог позволить себе состоятельный немец.

В Сан-Суси король жил большую часть года, выезжая в Берлин лишь по делам исключительной важности, сюда же являлись иностранные послы, прусские министры, европейские знаменитости. Здесь король забавлял придворных игрой на флейте, спорил со своим другом Вольтером и, дожив до преклонных лет, умер, найдя вечный покой там, где жил легко и беззаботно. Сегодня в память о создателе у порога Старого дворца ежедневно играет флейтист. На ухоженной могиле короля всегда свежие цветы и клубни картофеля, ведь именно Фридрих привил немцам любовь к этому полезному овощу.

Прогулка по страницам истории

Личность Фридриха II, самого известного прусского короля, на первый взгляд слишком далека от образа, которому чаще соответствует монарх. Тем не менее именно странности сделали его особу по-настоящему интересной и притягательной как для современников, так и для людей более поздних эпох. В отличие от отца, который забавлялся медвежьей травлей

и выступлениями канатных плясунов, Фридрих находил удовольствие в чтении, умной беседе, упражнениях в игре на флейте – своем любимом музыкальном инструменте. Он всячески сопротивлялся желанию короля сделать сына «хорошим и толковым хозяином», принц не хотел «питать отвращение ко всякой распущенности, расточительности и азартной игре», наставникам не удалось «внушить ему, что он будет не более как презренный человек, если не сумеет выработать из себя храброго солдата». Однако попытки превратить сына в собственное подобие неожиданно увенчались успехом: надев мундир буквально после пеленок, в 5 лет Фридрих знал ружейные приемы, в 14 был капитаном, через год – майором, а к 17 дослужился до полковника. «Утром молитва, затем маршировка и книжное учение; в воскресенье кронпринц во главе своего взвода шагал в церковь» – так проходили дни наследника прусского престола. Впрочем, королевское воспитание не было столь однообразным. Кроме военного дела, принцу преподавались основы органной игры, теория музыки, французский язык, которым он владел не хуже, чем немецким.

Жизнь в Берлине, где бесконечные парады и смотры завершались собраниями в «табачной коллегии», казалась молодому принцу слишком скучной. В 1730 году терпению пришел конец; он решил бежать из страны, что повлекло за собой арест и заключение в Кюстринской крепости. Предъявленное вскоре обвинение в государственной измене вряд ли угрожало наследнику казнью, хотя расстаться со свободой и лишиться некоторых материальных благ все же пришлось. Фридрих надолго распрощался со своим полком, жил без роскошной обстановки, экипажей и 4 тысяч любимых книг, слуги были частью распущены, а некоторые наказаны.

Спустя три года принцу пришлось исполнить волю отца, женившись на Елизавете-Кристине, которую он звал «белокурой, голубоглазой особой, с нескладной фигурой, почернелыми зубами и лицом, не обещающим особенного ума». Политический брак оказался бесплодным и несчастным для обоих супругов: не испытывая друг к другу теплых чувств, они до конца жизни оставались чужими.

В том же году король впервые взял сына в поход. Война Австрии и Пруссии против Франции с переменным успехом длилась много лет и могла бы считаться событием рядовым, если бы в ней не принимал участия Фридрих. Атмосфера военного лагеря – обеды в палатке командующего, грохот пушек, конский топот и скрежет сабель в сражениях – подействовала на Фридриха опьяняюще. Его захватила романтическая сторона войны, что не помешало обнаружить в себе скрытые ранее черты характера, например смелость: завывание пролетающих мимо ядер, взрывы, кровь, постоянное чувство близкой смерти не вызывали у него ни малейшей дрожи. В боях эмоциональная натура наследника раскрылась полностью, и с тех пор воображение увлекало его в рискованные предприятия, иногда неудачные, но чаще блистательные, которые в итоге принесли славу Пруссии, обессмертив имя самого знаменитого ее правителя.

Несмотря на то что кампания 1733 года протекала для германцев неудачно, армия почти не понесла потерь. Подписав мирный договор, воюющие стороны разошлись, чтобы продолжать общение вне поля боя. Вскоре началась регулярная переписка принца с Вольтером. Французский философ отметил в дневнике, что его корреспондент затеял ее от скуки, а он отвечал лишь из почтения к титулу. При всем том эпистолярное общение не прекратилось, став залогом многолетней дружбы. Только Вольтер сумел правильно понять и даже объяснить непростой нрав наследника прусского престола, в частности «склонность делать все наоборот тому, что он когда-либо сказал или записал. Странная привычка происходила не из коварства, а потому что писал он и говорил под одним настроением, но действовал под другим».

Именно по совету друга Фридрих серьезно занялся литературой, и Вольтер, вопреки утверждениям соотечественников, не находил стихи короля бездарными. Первая написанная им книга «Антимаккиавелли, или Испытание принца» обсуждалась в салонах еще до выхода в свет и разошлась невиданным тиражом, во многом из-за того, что в следующем 1740 году ее автор вошел на прусский трон. Завладев казной, ощутив себя повелителем грозной

армии, хозяином мощной державы, но главное, освободившись от власти отца, Фридрих вновь раскрылся с неожиданной стороны. Юношеский максимализм, исходивший от противоречия грубому практицизму короля, быстро угас, уступив место более рациональным качествам, например упорству, которое порой доходило до склонности не разбирать средств ради достижения цели. Впрочем, этим качеством король-философ отличался в зрелые годы, когда вынужденная жесткость помогала ему противостоять всем европейским дворам.

Как вспоминали современники, молодой Фридрих гордился собой и, по мнению приближенных, вполне соответствовал образу идеального монарха. Первым же указом отменив пытку в суде, как и особо обременительные налоги, он удивил всех тем, что оставил на прежних постах генералов и министров отца. Бывшие приятели, рассчитывая на должности и обильные пособия, обманулись в ожиданиях: расточительный принц оказался бережливым правителем. Распоряжаясь деньгами очень экономно, он наслаждался новой для себя ролью просвещенного монарха. Однако литература, музыка и управление культурными делами страны увлекали его гораздо меньше, чем армия, в которой прусский государь нашел свое истинное призвание. Вспомнилась суровая школа родителя, поэтому то, что раньше вызывало протест, теперь находило применение, ведь прусскому королю полагалось быть солдатом. К тому же для такого уязвимого и чувствительного человека, как Фридрих II, был притягательным ореол мужественности и силы, которым во все времена окружались войска.

Существует мнение, что среди солдат король забывал о слабостях, неудачах и не испытывал разочарований, сопутствовавших ему в светском обществе. Называя воинов «мои дети», он считал армию своей собственностью, относя ее мощь не столько к Пруссии, сколько к своему таланту полководца. Служить у Фридриха действительно было тяжело; бесконечная муштра, неустроенные казармы и полуголодный паек, составлявшие знаменитую «палочную дисциплину», толкали многих на дезертирство, обычно завершавшееся неудачей: сбежавшего солдата ловили и наказывали плетьюми. В походах король имел обыкновение бросать раненых, чтобы те не замедляли ход основного войска. В то же время рядовому воину разрешалось обращаться к нему лично, высказывая предложения или недовольство, и такие смельчаки находились. Тем не менее трудно поверить прусским хронистам, утверждавшим, что Фридрих был любим своими воинами, хотя гордость служить под знаменем человека, повелевавшего судьбами Европы, несомненно, имела место. В литературе описаны моменты, когда «Фридрих верхом, в сопровождении свиты генералов, скачет вдоль строя своих гвардейских полков. Солдаты приветствуют его радостными криками. Он всюду видит стройные ряды, готовые прийти в движение по легкому движению руки. В армии его примут любого и все простят: и палочную дисциплину, и тяготы бесконечных походов, ведь кто еще, как не старый Фриц, умеет делать чудеса, превращая в звонкие победы даже пыль под ногами своего войска».

Так или иначе, но слишком многие ненавидели «прусского солдафона», вполне справедливо называя его страсть к сражениям единственной причиной Семилетней войны. Оказавшись главой прекрасно обученной армии, Фридрих, конечно, испытывал сильное желание показать себя на поле боя. В пору затяжного конфликта между европейскими державами исполнение подобной мечты не представляло особых трудностей. Так, в октябре 1740 года скончался австрийский император Карл VI Габсбург, и престол, вопреки династическим правилам, перешел к принцессе Марии-Терезии, а та не ограничилась своей страной, пожелав править Священной Римской империей. Ей пришлось доказывать свои права силой оружия, и Фридрих получил повод к войне. «Честолюбие, корысть, мое желание прославиться восторжествовали... война была решена», – написал он Вольтеру, открыв истинную причину предстоящих событий. Прусская армия, прекрасно экипированная, дисциплинированная, умелая, желавшая воевать, продвигалась почти без препятствий, и вскоре все вражеские крепости были под властью короля.

Упиваясь бескровной и легкой победой, Фридрих намеревался повернуть назад, но Австрия не захотела уступать свои богатые провинции без боя. Военные действия возобновились, и на сей раз против прусских войск выступили не отряды ополченцев, а

регулярная армия, к тому же возглавляемая способным полководцем. Первое крупное сражение завершилось неудачей: не в силах остановить беспорядочное бегство солдат, король покинул поле боя. Скрываясь в кустах, он не знал, что генералы в его отсутствие довели сражение до конца и даже не попытались присвоить себе честь победы.

Вероятно, только после этого Фридрих занял подобающее место среди европейских монархов, а те осознали появление в своем кругу грозной силы – державы, способной нарушить равновесие сил на континенте. Сумев удачно закончить кампанию, Фридрих прибавил к имевшемуся титулу звание короля Силезии. Владение речным краем с богатыми недрами позволило не на словах поощрять развитие мануфактур, отчего по всей Германии заметно оживилась торговля, особенно после того, как по приказу короля реки Эльба и Одер соединились судоходным каналом. Пруссия того времени переживала подъем практически во всех сферах жизни. В городах страны строились храмы, дома, дворцы, общественные здания, причем последние по роскоши фасадов и убранству не уступали королевским жилищам. В Городском замке Берлина под председательством государя открылось первое после долгого перерыва заседание членов Академии наук.

В военных действиях 1745 года Фридриху вновь довелось проявить свой полководческий талант, и австрийцы проиграли пруссакам, имея большой численный перевес. После этого в Европе наступило перемирие, которым король не замедлил воспользоваться для того, чтобы осуществить давно задуманные планы.

Оформившийся в это время Сан-Суси считается лучшим из всего, что Фридрих Великий создал в сотрудничестве с придворным архитектором Георгом Венцеслаусом фон Кнобельсдорфом.

Пейзажный парк Сан-Суси

Упоминание о совместной работе в данном случае отражает реальность, ведь король не только высказал идею, но и выполнял эскизы, которыми строители пользовались наряду с планами зодчего.

Началом ансамбля послужила так называемая Пустынная гора перед Бранденбургскими воротами, где в 1744 году по распоряжению Фридриха были устроены террасы для

виноградных кустов. Возведенный на вершине дворец по размерам явно уступал резиденциям других монархов Европы, но малая величина компенсировалась колоссальной площадью сада, в данном случае наделенного значением большим, чем жилые постройки.

Намерение хозяина беззаботно проводить время на свежем воздухе выдавала главная аллея. Вопреки традициям она проходила у подножия холмов, поднимаясь к ротондам с фонтанами и скульптурой. Архитектор использовал неровный рельеф местности, чтобы создать подъем не только по форме, но и по содержанию: гуляющие сначала видели небольшой грот Нептуна и, продвигаясь дальше, замечали новые павильоны, все более крупные, монументальные, украшенные с большей роскошью, пока, наконец, их взгляд не останавливался на пышном великолепии дворца. К цветочной клумбе перед виноградником примыкал лесной участок с пешеходными дорожками и живыми изгородями из буков. Конец естественной ограды означал завершение Увеселительного сада, где полезные и декоративные элементы составляли единое гармоничное целое.

Центром зеленого ансамбля стал виноградник, позже в группу полезных насаждений вошел вишневый сад, а затем их дополнили отдельные плантации яблонь, абрикосов, груш, слив, а также отапливаемые теплицы с экзотическими растениями: ананасами, дынями, бананами. В 1746 году к Увеселительному саду присоединился Козий парк. Значительно удлинившаяся главная аллея прошла через этот участок, эффектно завершенный колоннадой, которую, как и другие сооружения парка, проектировал Кнобельсдорф. Изначально сад разделялся на две части с помощью стены, но затем ее снесли, после чего придворный садовник Зальцман расширил Козий парк до Нового дворца, украсившего Сан-Суси в 1775 году. В самом конце столетия парковый ансамбль приобрел непринужденный пейзажный характер и гораздо меньше соответствовал своему французскому названию. Окончание строительства ознаменовалось постройкой Нового дворца, домика с драконами и, в качестве эффектного завершения, Бельведера на холме Клаусберг.

Дом старого короля

Одержав победу над сильным противником, Пруссия наслаждалась мирной жизнью больше десяти лет. С 1745 по 1756 год армия не выступала дальше потсдамского плаца, но Фридрих не скучал, с энтузиазмом погружившись в хозяйственные дела. Он внес полезные изменения в прусскую юридическую систему, сумел увеличить площадь пахотных земель, возвести кафедральный собор в Берлине и дворец в Сан-Суси, который теперь принято называть Старым.

Резиденция короля строилась специально для таких изысканных занятий, как музицирование, чтения в узком кругу, философские беседы и созерцание – вид умственной бездеятельности, особенно любимый прусскими королями. Возведенный всего за два года, великолепный дворец с зеркальной галереей и золотой лепниной в стиле барокко стоит на вершине холма, возвышаясь над широкой террасой, засаженной виноградными кустами и апельсиновыми деревьями. От главного входа к огромному фонтану и далее к парковой аллее спускается впечатляющих размеров лестница со 132 ступенями.

Деятельная натура монарха требовала живого участия во всем, что происходило в его владениях. Возможно, именно ему принадлежит идея разместить свои апартаменты в сильно вытянутом одноэтажном здании, во всяком случае, Кнобельсдорф руководствовался эскизами, выполненными лично Фридрихом. Выказав немалые познания в зодчестве, король предложил плавно скруглить центральную (южную) часть фасада и увенчать здание куполом, чтобы таким образом сформировать круглый павильон. Прием совмещения некоторых окон с дверями позволил сократить путь от заднего двора к террасе, куда можно было попасть в обход парадного выхода, спустившись всего на две ступеньки по внутренней лестнице.

Старый дворец в Сан-Суси

Колоннада «Двора почета»

Довольно простое по форме здание вряд ли поразило бы даже неискушенного зрителя, если бы его скромный фасад не украшала скульптура. Свисая в виде консолей, позолоченные статуи оживили гладкие простенки между окнами, но, кроме эстетической нагрузки, они заключали в себе вполне рациональный смысл, являясь опорами для карниза. Автор – придворный ваятель Фридрих Христиан Глуме – потратил на исполнение этой великолепной композиции более 30 лет и, видимо, не часто привлекал учеников. Роскошные, нарочито крупные для столь малой высоты, каменные боги безмолвно свидетельствуют о богатой фантазии, таланте и трудолюбии скульптора, являя собой уникальный образец немецкого

рококо.

Парадный вход во дворец находился в северном крыле, где, к удовольствию королевских чиновников, можно было совершить круг почета по одноименному двору. Декор фасада этой части здания был гораздо более сдержанным, чем отделка с обратной стороны. Две арки белоснежной колоннады опоясывали Двор почета, оставляя достаточно места для проезда и стоянки экипажей. Казалось, ничем не связанные композиции двора все же объединялись посредством скульптуры: вазы и группы резвящихся детей обеспечивали цельность сооружения также явно, как и коринфские пилястры, которые по виду перекликались с капителями колоннады.

Боковые флигели изначально представляли собой одноэтажные постройки из кирпича. Для того чтобы изысканный взор гостей не останавливался на невзрачных стенах, с южной, парадной стороны они были прикрыты деревянными галереями, одна из которых позже стала металлической. При Фридрихе Великом перед каждым переходом на постаментах стояли огромные, безумно дорогие вазы из мейсенского (саксонского) фарфора.

Последующие владельцы не были столь щедры либо экономили на отделке второстепенных помещений. После перестройки в середине XIX века в восточном флигеле разместилась кухня, западный король отдала придворным дамам, а на террасе появились бюсты римских императоров – копии с античных скульптур, выполненные мастерами из Италии. В дальнем из двух кабинетов, облицованном металлическими плитками и украшенном богатыми позолоченными орнаментами, некогда стояла еще одна копия, бронзовая фигура «Молящийся мальчик», выполненная с оригинала, и поныне находящегося в берлинском Историческом музее.

Составляя план расположения королевских покоев, архитектор взял за основу разработанную французами схему под названием «двойные апартаменты». В черновом наброске Фридриха сохранились указания о соблюдении этой планировки, где требовалось, чтобы комнаты следовали одна за другой двумя рядами, а большие залы имели дополнительные выходы в сад.

Композиционным и смысловым центром Старого дворца является Мраморный зал – единственная комната, чья высота превысила вертикальные размеры самого здания. Будучи самым большим помещением, он был наделен значением холла, где собирались те, кто ждал очереди на аудиенцию. Высоту зала определял купол, открывавшийся в центре, подобно такому же устройству в римском Пантеоне. Поскольку в Мраморном зале подолгу находились иностранные послы, король решил использовать для его декора только благородные материалы. Привозной мрамор, дерево, стекло, венецианские зеркала и со вкусом подобранная цветовая палитра действительно создавали впечатление праздника.

Окружающая роскошь, в данном случае отнюдь не показная, безусловно влияла на сознание: легко скользя по мраморному полу, гости наслаждались красотой, забывая о повседневных делах. Спаренные колонны с пышными капителями задумывались в качестве основного украшения и, кроме того, являлись опорами для карниза. Широкий бордюр под куполом походил на сцену, где никогда не прекращался спектакль. Героями представления скульптор сделал аллегорические фигуры Музыки, Живописи, Архитектуры, Ваяния и Астрономии. Ниже в овальных нишах располагались статуи Аполлона и Венеры, созданные в 1748 году известным французским скульптором Ф. Адамом. Далее действие резко переходило в другую эпоху, и рядом с античными персонажами зритель мог видеть героев своего времени, например шведского короля Карла XII или французского кардинала Ришелье, увековеченных своими соотечественниками в бронзовых бюстах.

Мраморный зал в Старом дворце

При жизни Фридриха в прихожей, или вестибюле, дворца задерживались только лакеи, поэтому его отделка не была столь помпезной, как в соседнем зале. Помещение с десятью колоннами из фальшивого мрамора являлось образным продолжением северного фасада, но было классически строгим лишь в отношении стен. Яркие краски расписного потолка вполне согласовались с сюжетом: красавица Флора в окружении гениев разбрасывала с неба фрукты и цветы. Разглядывая золоченые орнаменты дверей, можно догадаться о желании художника, выразить то, что дворец стоял посреди виноградника: в резных узорах господствуют растительные мотивы – виноградные листья и лозы. Ту же тему избрал мастер, исполнивший три наддверных изображения, объединенных сюжетом о Вакхе. Кроме бога виноделия, античный мир в немецком дворце представляют статуи «Сидящий Марс» и «Сидящая Агриппина»; оба изваяния скопированы с древних статуй в 1730-х годах.

Несмотря на то что в архиве перечислены имена всех создателей дворца, их работы, особенно творчество декораторов, чаще упоминаются как нечто единое. Не случайно в архитектуре и скульптурном убранстве здания, пожалуй, за исключением вакхов на фасаде, трудно отметить чье-либо авторство. Единства требовал стиль – захватившее всю Европу рококо со стилизованными раковинами, овалами, плавными изгибами. На торжественном открытии своего нового дома Фридрих II обратился к гостям, поблагодарил и похвалил строителей, а потом отметил, что дворец, в частности Мраморный зал, является творением Кнобельсдорфа. Знаменитый архитектор и вправду выполнял проекты всех помещений.

Однако его планы осуществляли не менее способные мастера, например уволенный директор по орнаментам Иоганн Август Наль, чей поспешный отъезд из Сан-Суси в 1746 году напоминал бегство с поля боя. В документах называются братья Хоппенхаупт, которым принадлежит заслуга в создании большинства деревянных статуй. Достойны восхищения работы скульпторов Бенкерта и Эбенхега, а также мастеров М. Мерка и Сартори, выполнивших сложные лепные украшения на потолке и стенах Малой картинной галереи.

Малая картинная галерея в Старом дворце

Раньше художественное собрание Старого дворца составляли работы таких известных живописцев, как Ватто, Патер, Ланкрет. После Второй мировой войны сильно пострадавшая коллекция была переправлена в Шарлоттенбург и осталась там навсегда. К сожалению, многие из оставшихся в Малой галерее картин не представляют большой ценности; осматривая их, можно познакомиться с творчеством какого-либо старого мастера, хотя и поверхностно. Современные посетители получили возможность оценить легкую кисть Патера по полотну «Игра в жмурки» или составить мнение о живописных канонах эпохи Просвещения, разглядывая произведение Цуккарелли «Цицерон обнаруживает могилу Архимеда».

Решив основать в Сан-Суси картинную галерею, Фридрих взялся за пополнение коллекций с таким энтузиазмом, что за особо ценными полотнами решил отправиться лично. По Голландии он путешествовал инкогнито, в сопровождении двух человек, в простом платье, с флейтой, намереваясь при случае выдавать себя за музыканта. Рассказывают, как однажды хозяйка трактира отказалась принести королю заказанное блюдо, заявив: «Беднякам такая еда не по карману». После этого придворные представили ей Фридриха как известного флейтиста и заверили, что он зарабатывает хорошо, только не желает портить одежду в дороге. Прослушав несколько мелодий, женщина поверила и накормила «маэстро» бесплатно.

Античные скульптуры в нишах – часть приобретенной в 1742 году коллекции кардинала Полиньяка. Поньше стоящие на узких высоких пьедесталах бюсты императоров Древнего Рима не затмевают величия своих славных потомков: принца Генриха (Гудон, 1789) или Фридриха Великого (Экштайн, 1787), изображенного с использованием

посмертной маски. Владельцы Сан-Суси старались пополнять ценное собрание скульптуры, но среди новых приобретений уже не было подлинных древностей.

Математики эпохи Просвещения утверждали, что для напряженных занятий ума лучше всего подходит уединенная круглая комната, высота и ширина которой примерно равны. Именно такие параметры отличали библиотеку Фридриха, и в такой же пропорции в этом удивительном человеке сосуществовали качества солдата и тонкого ценителя искусств. Будучи истинным воином, жестким правителем, приверженцем крайних проявлений порядка, он отличался внутренней культурой, присущей далеко не каждому представителю его эпохи. Его лучшие качества были отнюдь не данью моде: прусский король искренне любил поэзию и превосходно разбирался в музыке. Походные сундуки Фридриха наполовину нагружались книгами, среди которых чаще встречались труды Расина и Вольтера. Чтение служило ему отдыхом и единственным развлечением, позволяя хотя бы на время избавиться от тяжелых мыслей.

В библиотеке Сан-Суси книжные шкафы встроены в стены и потому не нарушают плавной геометрии помещения. Архитектор избрал для обшивки стен древесину кедра; нанесенные на темно-коричневую поверхность золотые узоры создают неповторимый эффект роскоши, в данном случае не противоречащей деловой атмосфере. По желанию короля в библиотеку перенесли четыре бюста из собрания Полиньяка: три римские копии, а также уникальную работу неизвестного европейского мастера XI века – скульптурный портрет Гомера, вылепленный с греческого оригинала. От первоначальной обстановки кабинета-спальни Старого дворца сохранился лишь камин. Строго прямоугольное, визуально холодное, это помещение вполне соответствовало нраву первого хозяина. В алькове кабинета рядом с софой стоит кресло, в котором умер Фридрих Великий.

Следующий прусский король, Фридрих-Вильгельм II, распорядился переделать комнату в классическом стиле и, конечно, заменить мебель, ведь к 1786 году увлечение рококо прошло, а убранство Сан-Суси все еще пестрело легкомысленными завитушками. После ремонта комната приобрела еще более строгий характер, который не нарушала даже странная отделка потолка – роспись со знаками зодиака.

Непременной деталью классического интерьера является консольный стол. В кабинете Старого дворца таковой выполнен из палисандра и покрыт аметистовой плитой. Письменный стол, составляющий ансамбль со шкафом, предположительно изготовлен в парижской мастерской. Остальную мебель выполнили местные ремесленники, если не считать напольных часов, заказанных знаменитому французскому мастеру Андре Шарлю Булю, украшавшему классические конструкции сложным мозаичным узором с использованием металла и кости. Живописная коллекция комнаты знакомит посетителей со свитой и домашними Фридриха II, причем на одном из портретов можно увидеть подпись Кнобельсдорфа. Судя по манере письма, зодчий уверенно владел кистью, но, в отличие от архитектуры, изобразительное искусство его забавляло, и только.

Музыкальный салон (Концертный кабинет) по праву считается одним из лучших образцов немецкого рококо. В изысканной красоте этого помещения раскрывается мастерство художников Германии, показавших свои способности в том, в чем всегда славились французы. Живопись, скульптура и декоративное искусство здесь сливаются в единое целое. Натуралистические и стилизованные узоры покрывают стены, обрамляя полотна Песне; сюжеты орнамента большей частью взяты из «Метаморфоз» Овидия. Тем, кто знаком с творчеством знаменитого римлянина, не составит труда узнать в персонажах картин Пигмалиона, Галатею, Диану, резвящуюся в воде с нимфами, Ариадну с волшебным клубком, Вакха, Пана, чудесную райскую птицу Сирина. Из четырех наддверных картин сильнее всего притягивает взгляд изображение террас Сан-Суси. Завершением бытовой темы является реальный предмет – фортепьяно с молоточками, выполненное мастером Г. Зильберманом в середине XVIII века.

В Сан-Суси Фридрих окончательно определил свой распорядок дня, которому не изменял до конца жизни. «Король поднимался на рассвете, – писал королевский биограф, – и

сразу же принимался за дела, успевая прочесть корреспонденцию и набросать черновики ответов. Около полудня, надев высокие сапоги, он выходил в сад, где делал смотр гвардейскому полку. В тот же час во всех провинциях смотры своим войскам производили полковые командиры. Затем он выслушивал доклады, беседовал с генералами, после обеда давал аудиенции. Затем проводил по несколько часов в литературных занятиях, а перед ужином устраивал камерный концерт, ведь король был превосходным музыкантом, сочинял музыку, исполняя свои произведения соло или в оркестре».

Комнату рядом с Музыкальным салоном сегодня принято называть Малой приемной, хотя Фридриху она служила столовой. Ее декор выдержан в скромных тонах, возможно для того, чтобы подчеркнуть ценность живописи.

Музыкальный салон в Старом дворце

За время существования дворца здесь собралась небольшая коллекция работ французских мастеров эпохи Просвещения: Детруа, Куапеля, Песне, Рау, Бурлоня, Ванло. Светлая камчатая ткань на стенах комнаты не затмевает нежных красок росписи потолка, где Песне изобразил Зефира, надевающего венки на голову Флоры. Все настенные светильники зала сделаны в Потсдаме, и только элегантную люстру из позолоченной бронзы заказывали в Париже. Таким же обильным слоем позолоты покрыт консольный стол с яшмовой плитой. Стоящая на нем миниатюрная скульптура представляет еще одного античного героя – Геркулеса, изображенного в момент схватки с огромной змеей.

Несмотря на обилие французских предметов, в интерьерах Сан-Суси не заметно преобладания искусства Франции или какой-либо другой страны. В гостиных Старого

дворца стены расписаны в стиле шинуазри с его изощренно-изысканной китайской орнаментикой, оказавшейся созвучной европейскому рококо. Весьма популярная в то время манера не требовала китайских сюжетов. Художники заимствовали технику восточного письма, получая тонкую, невиданно изящную, воистину философскую живопись, подобную той, что можно увидеть в первой гостиной Старого дворца. Вторая и третья гостиные оформлены скромнее, поскольку предназначались для выставки картин. Обивка стен этих комнат – насыщенно голубой и красный с белым шелк – стала прекрасным фоном для полотен, купленных Фридрихом Великим и размещенных по его указанию способом ковровой развески. Этот прием предусматривал плотную развеску, причем в каждой простенке собирались работы похожей палитры. Таким образом создавалось художественное единство галереи, но индивидуальное значение каждой картины утрачивалось.

Сан-Суси задумывался местом уединения, поэтому Фридрих отправлялся туда для отдыха в компании необычных, как и он сам, людей. Гостиами короля чаще всего бывали президент Берлинской академии, ученый и путешественник Мопертюи, его коллега Дарже, французский писатель Д'Аржанс, известный скандалист, вернее, непременный участник скандальных историй барон Пельниц, а также Вольтер, присоединившийся к избранному кругу в 1750 году. Великий монарх довольно долго добивался общества великого мыслителя и когда, наконец, получил согласие, был, по словам современников, «безмерно счастлив». Кроме государственных и армейских дел, Фридрих с удовольствием занимался литературой, писал стихи, пробовал перо в прозе, достигнув приличного любительского уровня. По-немецки прямой и грубоватый, он не выбирал выражений в разговоре и так же не скромничал на бумаге: неосторожные замечания и особенно колкие эпиграммы в адрес царственных недругов послужили одним из поводов создания Россией и Австрией военного союза против Пруссии.

Одна из гостиных Старого дворца

Нетрудно догадаться, насколько свободно велись беседы на королевских ужинах. Сам Фридрих чаще затрагивал политику или насмеялся над своими противниками – Елизаветой Петровной и Марией-Терезией. Будучи остроумным интересным собеседником, он, однако, переходил границы деликатности и в отношении друзей. Странно, что этот в общем добрый и чуткий человек, к тому же прекрасно разбиравшийся в людях и, следовательно, знавший, как может сказаться неосторожное слово, беспощадно высмеивал окружающих. Справедливости ради стоит заметить, что смельчак, который решался ответить королю подобным тоном, наказанию не подвергался.

Помимо картин, убранство второй и третьей гостиных составляла мебель, ранее стоявшая в Городском дворце Потсдама: диваны с обивкой в тон обоев, комоды из кедра с выгнутыми ножками. Кабинетный шкаф с подставкой для часов был скопирован с французского оригинала. Украшением камина служили фарфоровые вазы из Мейсена, привлекавшие внимание не столько тонкостью работы, сколько барельефными портретами русской императрицы Елизаветы, которую король считал своим личным врагом. Цвет консольного стола гармонировал с эффектной расцветкой паркетного покрытия пола, где светлые оттенки акации контрастировали с насыщенным цветом красного дерева.

Последняя гостиная овеяна памятью о Вольтере, который жил здесь более двух лет в качестве гостя короля. Стены комнаты пестрели серо-лиловыми узорами, пока младший из братьев-художников Хоппенхаупт не придал им современный вид. О самом знаменитом обитателе этой комнаты напоминает небольшой бюст, помещенный у ниши, где сохранились

фрагменты старой обивки. Составным элементом декора гостиной является художественное оформление потолка – лепка по проволочной сетке. Мотив потолочного декора повторяется в люстрах и настенных светильниках, украшенных фарфоровыми цветами. Сюжет для вышивки на обивке мягкой мебели заимствован из иллюстраций к старинным изданиям басен Лафонтена. Богатые декоративные украшения, вырезанные из дерева и расписанные французским художником Дюбуиссоном, своими натуралистическими формами и относительной художественной самостоятельностью представляют новую фазу в развитии немецкого или, точнее, потсдамского рококо.

Увеселительный сад

Многие из посетителей, впервые оказавшись в Потсдаме, рассчитывают на однодневный осмотр дворцового комплекса, не подозревая, насколько велика его территория. Вечером, выезжая за ворота дворца, гости сетуют на то, что времени не хватило даже на дворцы, а парк и вовсе удалось увидеть лишь издалека. Для новичков прогулка по зеленой зоне Сан-Суси в самом деле ограничена шествием по главной аллее, от Большого фонтана к Новому дворцу. Однако если свернуть с проторенного пути, можно заблудиться, ведь парк по площади сравним с городом, таким, например, как Потсдам.

Путь к саду Марли (нем. Marlygarten) – самой первой ландшафтной композиции в Сан-Суси – проходит мимо низких домиков, по хозяйственной дорожке и далее по узкой тропе вдоль ручья. Здесь любил гулять после завтрака Фридрих-Вильгельм I и именно его шуткам эта диковатая местность обязана своим изящным названием. «Мой Марли», – говорил король, подразумевая пышный садово-парковый комплекс вблизи Парижа. Германский Марли тогда был скромным, хотя и королевским, огородом, украшенным столь же невзрачным жилищем садовника. Именно таким он остался и при Фридрихе Великом. К середине XIX века благодаря участию архитектора Людвиг Перзиуса и деньгам Фридриха-Вильгельма IV сад Марли преобразился. Чудесное превращение произошло из-за церкви, построенной по образцу римской базилики Сан-Клементе и названной Храмом мира. Богатое убранство ее единственного зала меркло перед ценностью мозаики апсиды, которая до того больше семи столетий украшала церковь Сан-Киприано в Венеции.

Большой фонтан перед дворцом в Сан-Суси

Дополненный 42-метровой колокольной, Храм мира стал центром композиции, составленной из павильонов флорентийского архитектурного стиля. Перед порталом,

вопреки традиции, раскинулся не клуатр (внутренний двор католической церкви), а римский атрий с колоннами и колодцем в центре площадки. В отличие от прототипа здесь рядом с источником стояла фигура Иисуса Христа. На рубеже веков церковный ансамбль дополнился мавзолеем Фридриха III, которому посчастливилось найти покой в склепе похожем на 300-летнюю усыпальницу Иннихен в Южном Тироле. К атрию примыкала крытая галерея с терракотовым порталом, также скопированным с итальянского оригинала.

Храм мира до сих пор возвышается недалеко от входа в Сан-Суси. С давних пор входную часть парка называют Зеленой решеткой. Названия имеют и все близлежащие здания, точнее, виллы. Одна из них получила имя первой хозяйки, княгини Лигниц, на которой Фридрих-Вильгельм III женился вторым браком.

Храм мира

Трогательная забота о виноградниках – еще одна традиция, заимствованная немцами из Италии. В Сан-Суси первые лозы высаживали на террасах, устроенных на южном склоне Пустынной горы. До того как на ее вершине появился дворец, у подножия на восьми квадратных газонах росли цветы. Прусские короли предпочитали отборные сорта и никогда не отступали от канонов виноградарского искусства. Тепло сохранялось с помощью прикрытых стеклом ниш, куда сначала помещались отдельные кусты. Сплошное застекление садовники по распоряжению Фридриха Великого начали в 1773 году и тогда же живые изгороди из плодовых, в том числе цитрусовых, деревьев сменились модными шпалерами из резеды. С восточной и западной сторон виноградник обрамляли высаженные пятью рядами каштаны, на месте которых теперь растут липы.

Цветник сначала украшали пирамидальные тисы; четыре позолоченные скульптурные группы стилистически поддерживали такую же статую из свинца в центре бассейна, выполненного в форме цветка с четырьмя лепестками. Свинцовая пластика оказалась недолговечной, и ее убрали. Бассейн изменял форму дважды, будучи сначала овальным, а потом круглым. В связи с переделками скульптура была немного смещена, затем дополнена полукруглыми мраморными скамейками, снабжена системой подъема воды, после чего водоем стал Большим фонтаном. Всю относящуюся к нему скульптуру создавали французские мастера, которые по просьбе заказчиков или копировали римские оригиналы, или заимствовали античные сюжеты. В главной пластической композиции Сан-Суси земные стихии – Вода, Огонь, Земля, Воздух – чередуются с известными мифологическими героями.

Кроме всем известных, но так и не наскучивших Венеры, Марса, Меркурия, Аполлона, здесь представлены редкие группы: Юнона с павлином, Юпитер с превращенной в корову Ио, бросающая межевой камень Минерва.

Долго пустовавшие внешние стороны цветника были оформлены четырьмя высокими колоннами из мрамора, куда вскоре поместили работы немецких мастеров – «Человек, отдающий душу Бахусу», «Маленький Аполлон», «Ребенок с птичьим гнездом», «Венера Медичи». Статуи на двух мраморных ваннах являются копиями муз, запечатленных римскими ваятелями во II веке до н. э.

Сегодня склоны холма несколько не похожи на банальный сад. От Большого фонтана к приукрашенным домикам садоводов идет небольшая аллея, проложенная по плану Кнобельсдорфа в 1752 году. С того времени Фридрих Великий гулял по благоустроенному парку, наслаждаясь видом каштанов вдоль ручья, переходя поток по красивому мостику, не намочив сапог. Завершением работы на винограднике послужило возведение Дома лорд-маршала: король построил особняк для своего друга, шотландского полковника Кейта. К счастью, ни на склонах, ни на вершине холма больше нет асфальта. Теперь верхняя площадка посыпана мелким камнем и барочную красоту Старого дворца не нарушает вид современных материалов.

В старину каждая часть дворцового комплекса имела вполне конкретное начало, конец и отделялась друг от друга хотя бы условно. Со времен Фридриха Великого парковой оградой служил скромный невысокий забор, плавно переходивший в низкие полукруглые стены из песчаника. Трудно сказать, где король намеревался устроить начало, но ворота у дворца знаменовали собой окончание парка. Получив название Портал с обелиском, впоследствии они стали входом, поэтому сегодня несколько странным кажется то, что венчающие этот памятник статуи обращены лицами в сторону парка. Впрочем, теперь никто не запрещает следовать через них в обе стороны.

Грот Нептуна

Непременной принадлежностью сада эпохи Фридриха Великого являлись гроты. Представляя собой живописное сооружение, в теплое время года они давали возможность

отдохнуть в прохладе и уединении. Грот Нептуна получил такое название из-за фигуры морского царя с трезубцем в руках. Работа немецкого ваятеля Иоганна Петера Бенкерта дополнила ранее стоявшую здесь скульптурную группу с наядами, держащими в руках сосуды. Во внутренней части постройки, где сразу бросается в глаза красивая металлическая решетка, заметны следы позднейших переделок.

Из старых элементов в гроте Нептуна осталась придуманная Кнобельсдорфом большая мраморная раковина, но и она раньше находилась на колоннаде Козьего парка. В архиве Сан-Суси сохранилось описание стены, до 1763 года отделявшей этот участок от мест королевских прогулок. К разочарованию лингвистов, происхождение необычного названия неизвестно. Возможно, в прилегающем к парку лесочке в самом деле паслись козы, тем более что летописцы Фридриха не раз упоминали о запущенности этого места. С появлением новых, более свободных, чем в Германии, взглядов на ландшафтную архитектуру непривлекательная стена пала, а «лес был разрежен, разряжен и с помощью искусства приведен в порядок», соответствующий королевскому достоинству.

Столь же обязательной деталью старинных парков были ротонды. Самая известная из них, с четырьмя мраморными группами, появилась на Главной аллее примерно в 1750 году. Отраженные в мраморе сцены похищения в данном случае не представляют собой ничего выдающегося и, кроме того, весьма банальны даже для своего времени. Придворный скульптор Эбенхех, не мудрствуя, изобразил Париса и Елену, Вакха и Ариадну, Плутона и Прозерпину, римлянина и сабинянку. Столь же типична и Ротонда муз, появившаяся двумя годами позже к западу от главного паркового пути. Одна из отходящих от нее радиальных дорожек подводит к сооружению под названием Скальные ворота. Построенные в дополнение к гроту Нептуна, вначале они представляли собой простые деревянные ворота. В 1748 году их снесли, чтобы возвести каменные, но современный вид постройка приобрела только спустя столетие. Еще позже рядом появилась медная скульптурная группа с полюбившимся прусским королям сюжетом – орел, держащий в когтях змею.

Китайский чайный домик

По контрасту, а может быть и в дополнение к немецким традициям Фридрих решился

на постройку также ставшую обязательной для королевского сада. Проект Китайского чайного домика практически скопирован с плана павильона, выстроенного для польского короля Станислава Лещинского в Лотарингии. В Сан-Суси он возводился в разгар Семилетней войны, но в богатой отделке невозможно заметить следы недостатка средств. Далеко не последнюю роль в этом сыграл прием образного соединения архитектурных форм с природой. Внешне Китайский чайный домик уподоблен кленовому листу. Центральный зал окружают кабинеты, перемежающиеся с открытыми верандами. Колонны, похожие на стволы пальм, служат опорой шатрового свода и создают впечатление садовой беседки.

Китайский чайный домик – дань моде на все китайское, охватившей Европу в середине XVIII века. В качестве экзотического штриха в интерьерах зодчий Бюринг поместил у стен кабинета и на верандах позолоченные фигуры китайцев, вылепленные в полный рост. Благодаря фантазии скульпторов Бенкерта и Хеймюллера рядом с ними расположились музыканты, развлекающие зрителей, сидящих в зале. Глядя на эти своеобразные статуи, публика приходила в восторг. Современные специалисты при оценке произведений обоих мастеров тоже руководствуются чувствами, говоря о выразительности, неординарности, богатстве форм и, конечно, о безупречной технике исполнения.

К центральному, купольному помещению примыкают небольшие комнаты, отделанные столь же старательно, как и главные. Потолок одной из них расписан в китайском стиле, убран шелком, а в последнее время здесь выставлены образцы лучшего фарфора, подлинного китайского и европейского, созданного в подражание изделиям из Юго-Восточной Азии. Все, что требовалось для ритуала королевского чаепития, находилось в отдельной постройке. Нисколько не похожая на кухню, она стояла на некотором удалении от главного здания, на берегу ручья, и тоже была создана Бюрингом.

Китайский чайный домик располагался в самой глубине Королевского парка, составляя немаловажную деталь его композиции, в которой можно заметить черты, сходные с построением в живописи. По замыслу Кнобельсдорфа, искусственным холмам и пригоркам надлежало создавать светотеневой каркас: по мере подъема с каждого из них, словно с театральных задников открывались новые «декорации». Беседки, гроты, тщательно выполненные развалины, водная гладь прудов, фонтаны виделись единым организмом и создавали основной колорит – от темной, почти черной зелени роц до белых пятен водяных брызг. Кроме того, зодчий устроил небольшие ложбины вдоль озера, в которых на рассвете и поздно вечером собирался туман, обеспечивая живописный эффект лессировки.

Новые палаты

Сооружение, которое теперь называют Новыми палатами (нем. Neue Kammern), на чертежах Кнобельсдорфа фигурировало в качестве теплицы для экзотических растений и действительно являлось таковым до тех пор, пока не превратилось в жилую постройку. Несмотря на значительные изменения внутри, снаружи оно выглядело так, как на эскизах, причем на первоначальный вид участка не повлиял даже храмовый ансамбль, возникший рядом почти через век после реконструкции. К концу века сильно вытянутая в длину, одноэтажная оранжерея преобразилась в апартаменты для знатных гостей. В то время она по-прежнему выходила всеми большими окнами в парк, но дополнялась куполом. Украшение кровли вполне соответствовало помпезным вкусам эпохи, представляя собой позолоченную статую орла, держащего в когтях змею. На аттике центрального корпуса до сегодняшнего дня красуются скульптурные аллегории природы и ее связи с космосом. Перед зданием разбит цветник, вернее, розарий, а со стороны сада стоят 24 скульптуры, большей частью выполненные мастерами из Каррары. Восточное крыло Новых палат некогда занимали богато декорированные парадные залы, тогда как в западном были устроены комнаты для высокопоставленных придворных. Через парковую зону южнее и западнее клумб с розами тянулись прямые дорожки, словно провожавшие гостей до ручья. Круглые газоны в местах пересечения троп обрамляли живые ограды из буков. Сейчас на этом

«лесном» участке растут высокие деревья, кроны которых, нависая над дорожками, создают и прохладу, и атмосферу таинственности. Мраморные фигуры на круглых газонах эффектно выделяются на фоне темной зелени.

Новые палаты – оранжерея и апартаменты для знатных гостей

К 1750 году каррарские ваятели выполнили еще один заказ короля – шесть из восьми мраморных фигур для фонтана на главной аллее. Вскоре подобная группа украсила Ротонду муз; в данном случае все статуи выполнялись на месте, под руководством скульптора Глуме. Создатель композиции расставил мраморных муз по часовой стрелке, решив соблюсти порядок, принятый еще в античные времена. Рядом со сладкоголосой Каллиопой стояла божественная танцовщица Терпсихора, далее находились слагающая стихи флейтистка Евтерпа, покровительница театра Мельпомена, легкомысленная Эрато, а за ними были помещены фигуры Клио и Полимнии – муз героической и воспевающей красоту поэзий.

Несмотря на устройство совершенной для своего времени водопроводной системы, при Фридрихе II фонтаны парка работали не в полную мощность и не целыми днями. Королевские летописцы могли припомнить лишь один исключительный случай, когда весной 1754 года фонтан невдалеке от оранжереи журчал, необычайно высоко выбрасывая струи, до позднего вечера. Водоем, наполнявший водой фонтаны, находился на самой высокой точке Сан-Суси, занимая почти всю плоскую вершину холма Руиненберг. Гора получила название из-за живописных, хотя и отнюдь не древних развалин, сложенных в виде ограды вокруг пруда. Спустя столетие ансамбль завершила смотровая башня, которая гармонировала с «античными» руинами только по сути, поскольку имела вид нормандской крепости. По воле судьбы эта замечательная постройка тоже превратилась в развалины.

Вторая мировая война в целом обошла потсдамский парк, но отдельные сооружения, особенно те, которые возвышались на холмах или открытых участках, все же пострадали. Сегодня со смотровой площадки Нормандской башни можно увидеть весь Потсдам вместе с живописными окрестностями.

Такая участь, казалось, ожидала и ветряную мельницу, построенную голландцем ван дер Бошем за 5 лет до закладки Старого дворца. Сегодняшнее здание построено в 1980-е

годы и тоже является мельницей, но не действующей, а исторической, как ее называют местные. Необходимое в деревне, это строение не имело никакого значения в дворцовом хозяйстве, но король запретил его сносить, утверждая, что «ветряк украшает дворец». Со временем он стал собственностью королей и дополнился павильоном, который хотя и назывался домом мельника, был предназначен для гостей, желавших испытать деревенскую идиллию. Сегодня сельской атмосферой можно насладиться в ресторане «Историческая мельница», построенном позади дворца в 1909 году.

Старейший в Германии музей – Картинная галерея (нем. Bildergalerie) Сан-Суси – до сих пор служит по назначению. Здание, похожее на Новые палаты, по обыкновению задумывалось как теплица. Однако, когда выяснилось, что король так увлекся приобретением картин, что коллекция уже не помещалась во дворце, основную ее часть решили выставить в отдельном здании, которое уже возводилось зодчим Бюрингом, правда, для других целей. Выписанный из Голландии парковый инженер Хейдерг разбил перед его фасадом декоративный сад, устроив крытые аллеи, украсив их стеклянными кораллами, фарфоровыми вазами и апельсиновыми деревьями в позолоченных кадках из свинца.

Изначально Картинную галерею украшала скульптура и уникальная коралловая облицовка, от которых со временем ничего не осталось. Зато сохранился великолепный мраморный ансамбль в южной части сада – парапет и 12 ваз, чередующихся со статуями детей. Скульптурные украшения на аттике являются аллегорическими изображениями искусства, науки и поэзии. Медная вершина купола, так же как и в Новых палатах, увенчана орлом со змеей. Некоторым отличием являются высеченные из камня головы под окнами – портреты известных живописцев, указывающие на характер постройки. Установленные перед фасадом 18 фигур тоже символичны и более, чем статуи на аттике, связаны с интерьером здания.

Сегодняшних посетителей Картинной галереи, несомненно, восхищает ее праздничное убранство. Выставочный зал занимает почти всю длину постройки, и только часть восточного крыла отведена под так называемый кабинет малых форм искусства. С западной стороны находится лестница с красивыми коваными перилами, ведущая на верхнюю террасу дворца. Полотна развешены на северной стене, напротив высоких окон.

Располагая небольшой галереей во дворце, Фридрих предпочитал французскую живопись, а построив более просторное здание, увлекся итальянским ренессансом и фламандским барокко. Собранная им коллекция была велика и богата по содержанию настолько, что потомки старого короля решили передать часть картин в берлинские музеи. В период между мировыми войнами хранители Картинной галереи Сан-Суси добились возвращения части бывшего собрания, обратившись к другим фондам.

В начале 1930-х годов художественная коллекция прусских королей приобрела прежний вид. Картины в галерее расположились на стене согласно принципу ковровой развески, что создавало впечатление цельности художественного ансамбля. Сейчас каждое помещение бывшей теплицы представляет собой отдельную выставку, поскольку сюжеты полотен также соответствуют старому порядку. В западном крыле размещены произведения итальянских мастеров Басано, Караваджо, Тициана, Веронезе, Харатти, Гвидо. В восточном находятся фламандцы Рубенс, Ван Дейк, Йорданс, Боль, Ливенс. В купольном зале и кабинете вывешены малоформатные работы художников различных школ. У стены с окнами на консолях установлены античные бюсты. Западный портал и вход в кабинет обрамляют работы французских ваятелей – скопированные с древнеримских и древнегреческих статуй фигуры Дианы, Аполлона, Венеры и Марса.

Похожие, но более знаменитые произведения имеются в купольном зале, где мраморная Диана Версальская не случайно соседствует с Аполлоном Бельведерским, ведь обе статуи принадлежат резцу знаменитого Пьетро Tenerani.

Цветник перед зданием устроен в стиле садовой архитектуры голландского барокко. Восемь лучевых дорожек, отходящих от ротонды, обрамлены живой изгородью и высокой растительностью, причем зеленый забор подстрижен овалом, а кроны деревьев имеют форму

шара. Обрамленные таким образом газоны образуют своеобразный ковер и служат превосходным украшением художественной части парка. Перед живой изгородью, эффектно выделяясь на зеленом фоне, стоят восемь мраморных бюстов работы Франца Дюзарта. Работы фламандского скульптора были старинными уже на момент установки в Сан-Суси, поскольку создавались примерно в 1650 году. Перейдя к прусским королям из наследства герцогов Оранских, они представляли самых именитых членов рода, дав название ротонде, которую из-за бюстов иногда называют Оранской.

Современные любители прекрасного собираются в Картинной галерее не только для праздного созерцания. Выставки живописи, скульптуры и прикладного творчества в определенные дни совмещаются с лекциями. Тех, кто намерен погрузиться в искусство еще глубже, приглашают в концертный зал, где известные музыканты играют на старинных инструментах, уже не развлекаая, а просвещая публику.

Новый дворец

В середине XVIII века после десятилетия мирной жизни Европа вновь оказалась на пороге войны. Предчувствуя скорое нападение, Фридрих приготовил армию и предупредил первый удар нападением на Саксонию. В оккупированном Дрездене были конфискованы все казенные суммы и, разумеется, очищены арсеналы. Европейская общественность посчитала действия пруссаков прямым разбоем. Король так не думал, но ради сохранения авторитета представил оправдание в виде публикации документов, раскрывающих «коварные» планы России, Австрии и Франции в отношении Пруссии.

Затем его войска вторглись в Богемию, разгромили австрийскую армию в Пражской битве, не сумев, однако, захватить Прагу. В летописях того времени рассказывается, как, начиная проигрывать, Фридрих перекладывал в ближний карман флакон с ядом. Впрочем, эти меры предпринимались на крайний случай, а таковой не наступил, хотя несколько раз казался реальным. На войне прусский владыка всегда сохранял хладнокровие, действовал энергично, напористо, порой нагло и, проигрывая, возрождался, словно феникс из пепла. Там, где политическая ситуация или проигрыш на поле боя расстраивали планы, помогало золото, и в результате фортуна всегда благоволила королю.

Фридрих Великий

В трудном сражении под Бреславлем французы потеряли 10 тысяч воинов, 7 тысяч солдат попали в плен, тогда как потери прусских войск составляли немногим более сотни человек. Интересно, что после того ненавистный «солдафон», как называла Фридриха Елизавета Петровна, сделался героем в Париже, где над побитыми соотечественниками смеялись. Не случайно с этого момента прусский король начал привыкать к прозвищу Великий.

Рассматривая прижизненные портреты короля, можно понять, почему его называли так и приближенные, и противники. Именно тогда во внешности и характере Фридриха произошли резкие перемены. Приближавшаяся старость накладывала отпечаток на лицо, бремя государственной власти давило на плечи, он похудел, сгорбился, взирал тяжелым взглядом, невольно заставляя собеседника склонять голову. Многим казалось, что духовная сила этого человека неисчерпаема.

В конце Семилетней войны Фридрих поверил в свое бессмертие: «Ядро, которое должно убить меня, упадет выше». Если знать, сколько раз его жизнь подвергалась опасности, из которой он всякий раз выходил без единой царапины, то можно подумать, что судьба в самом деле хранила своего избранника. Загадочная неуязвимость прусского короля внушала почтение даже врагам. Однажды в походе 1758 года король ехал по лесной дороге впереди небольшой свиты. Неожиданно из кустов послышались выстрелы. «В вас прицеливаются!», – крикнул Фридриху адъютант, увидев, как сидящий в кустах француз наводит дуло в грудь господина. Тот повернул голову, и, потрясая тростью, крикнул: «Ты!

Ты!»), – после чего неприятельский солдат медленно опустил ружье и поклонился.

Несколько раз ядра закатывались под круп его коня и взрывались; был случай, когда, испугавшись, лошадь взвилась на дыбы и получила в голову пулю, которая явно направлялась во Фридриха. Еще одна нечаянная пуля попала в золотую табакерку, которую он всегда носил в кармане камзола. Рассказывают, как после боя король прилег в повозку и уснул так крепко, что не услышал начала обстрела. Ядро разорвалось рядом и осколки, разметав телегу, вновь его миновали. В отсутствие большой армии он рассчитывал на скорость передвижения и собственную храбрость. Ярким примером тому послужила битва при Лейтене зимой 1757 года, победу в которой обеспечила дерзкая выходка полководца.

Уставшее после боя прусское войско расположилось на отдых прямо в поле среди мертвых и раненых. Все быстро уснули, но вдруг ночную тишину нарушил громкий голос, затянувший «Хвала Богу!». Никто не понял, зачем во время долгожданного сна солдату понадобилось распевать псалом, но вскоре вся армия пела вместе с ним. В это время австрийцы спешно отступали в сторону ближайшей деревни Лисса. Таким же образом разбуженный Фридрих бросился их преследовать, взяв с собой несколько гусар. Задача не могла быть исполненной, однако смертельная усталость и напряжение дня притупили разум настолько, что войско, недавно не имевшее сил разбить лагерь, поднялось и форсированным маршем кинулось вслед за командиром. Под Лиссой началось сражение; пока солдаты бились врукопашную, Фридрих, под огнем прорвавшись в деревню, нашел взглядом штаб и в одиночку направился к австрийским генералам. То, что произошло дальше, знает любой военный историк. Едва ли не на коне ворвавшись в штабную палатку, он крикнул: «Добрый вечер, господа!». Изумление австрийцев было настолько велико, что ни один из них не догадался до такой простой вещи, как арест короля, за спиной которого не было даже ординарца.

В феврале 1762 года в большом зале замка Губертсбург был подписан мирный договор между Австрией, Пруссией и Саксонией, оставлявший все державы в довоенных границах. Семилетняя кампания сделала Фридриха героем в устах народа и, по его собственным словам, «стариком, каждый день проживающим по году, инвалидом, израненным, с подагрой...». Возвратившись в родной город, он узнал только стены, не увидел близких сердцу людей, не старые друзья встречали его у порога, а лишь новые раны народа и бесчисленные заботы об их исцелении. Рассказывали, как по прибытии в Берлин король отправился в придворную церковь Шарлоттенбурга, где состоялись молебен и панихида по погибшим. Завершив молитву, придворные не увидели впереди себя государя и после долгих поисков нашли его стоящим в углу на коленях: опустив голову на руки, бесстрашный полководец плакал как дитя.

Несмотря на победу, Пруссия мало приобрела от столь продолжительной войны. Некогда цветущая страна напоминала пустыню, и преобразить ее поначалу было некому. Тотчас после заключения мира восстановлением умирающего хозяйства занялись уволенные из армии ветераны, вновь ставшие крестьянами. Вскоре города опять наполнились людьми, жители восстановили дома, и король, намереваясь показать Европе, что Пруссия не только жива, но и сильна, с энтузиазмом приступил к строительству, разумеется, начав с Сан-Суси.

Новый дворец

В 1763–1769 годах в дальней части парка был выстроен Новый дворец. Король объявил его посвященным победе страны в Семилетней войне, постаравшись сделать таким же внушительным, каким тогда представлялось прусское оружие.

Всего через семь лет в западном конце главной аллеи уже возвышалось здание, до сих пор изумляющее своими размерами и невероятно богатым скульптурным убранством. Вначале строительством руководил автор проекта Иоганн Бюринг. Через год его сменил Карл фон Гонтард, но ко времени приезда нового архитектора здание в целом было закончено, и ему досталась работа над интерьерами.

Центральный корпус достигал 240 м в длину и за счет боковых флигелей образовывал второй в Сан-Суси «двор почета». Два небольших купола, помимо большого над парадным входом, венчали гигантскую кровлю. Три скульптурные грации на крыше гармонировали с 292 большими статуями аттика, выполненными из песчаника по сюжетам античной мифологии. Свод поддерживали 196 детских фигур. Барельефы на фронте с обратной стороны здания повествовали о рождении Пегаса из крови убитой медузы, освобождении Андромеды, превращении в камень Пинеуса, неосторожно взглянувшего в глаза коварной Медузе. Своим пластическим богатством дворец обязан 12 скульпторам из мастерских Экштайна, Хеймюллера, Бенкерта, Волера и братьев Ренц.

Несмотря на помпезную сущность, Новый дворец предназначался для жилья, ведь прусский король строил его для потомков. Он мечтал, чтобы они отдыхали и развлекались здесь с семьями или, как он, с друзьями. Архитектор предусмотрел четкое разделение именных квартир и снабдил каждую отдельной лестницей.

Центральная часть фасада Нового дворца

Ряд помпезно оформленных ступеней имелся в северном боковом флигеле, где еще на стадии планирования решено было поселить брата Фридриха II, принца Генриха. Его апартаменты занимали весь первый этаж и, не отличаясь от других жилых комнат, включали в себя вестибюль, спальни, кабинет и гостиные, которые при желании можно было переустроить, например, превратив лишнюю спальню в столовую или музыкальный салон. Вместе обитатели дворца могли собираться в парадных залах, галереях, театре.

В Новом дворце еще больше, чем в комнате Вольтера, ощущается дух немецкого рококо с его богатой натуралистической отделкой. Стоит заметить, что создатели Сан-Суси часто возвращались к одним и тем же решениям, в итоге доводя какой-либо прием, тему или мотив до совершенства. Именно так произошло с Мраморным залом, здесь превзошедшим свои прототипы в Старом дворце и Городском дворце Потсдама.

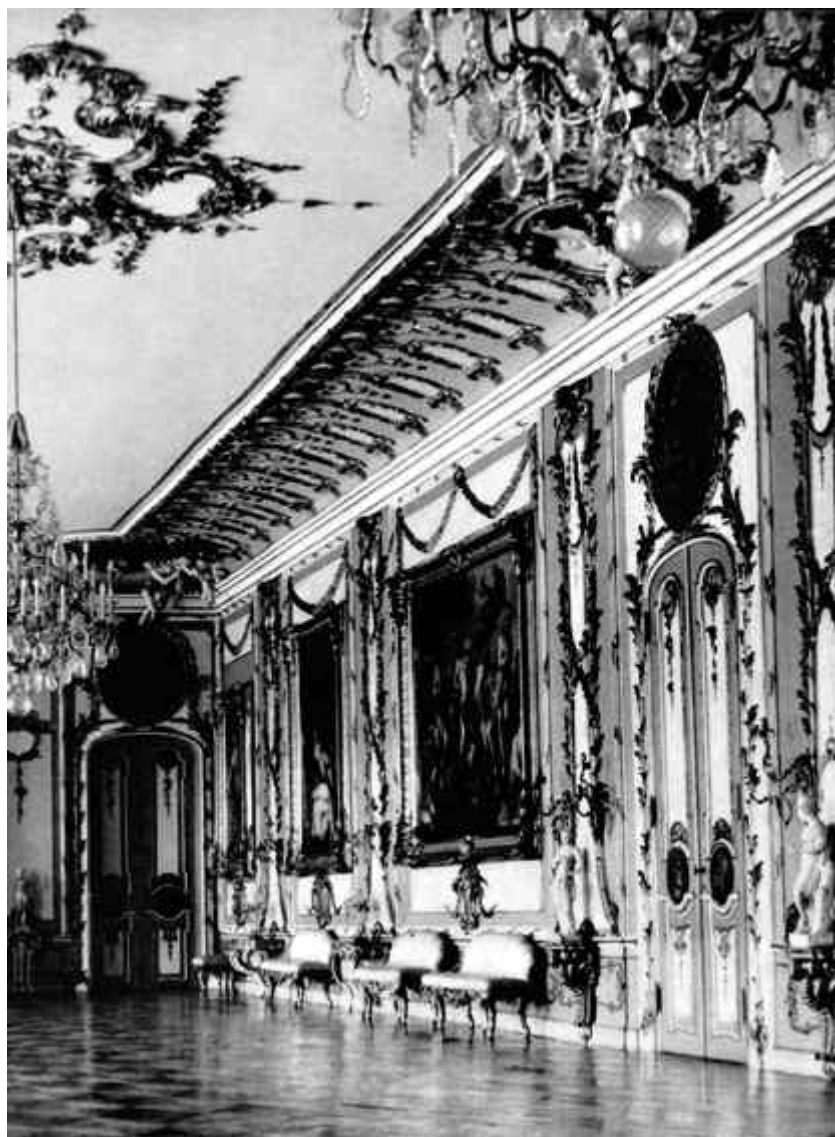
Архитектор выделил под главное помещение два этажа, покрыл его куполом и блестяще оформил все поверхности, включая плафон с изображением сцены возведения Ганимеда на Олимп. Лепные украшения на потолке выполняли итальянские мастера. Четыре картины были заказаны еще до войны, а 12 мраморных статуй работы голландского скульптора Эггерса почти столетие дожидались переезда в берлинском Городском дворце.

Систему коридоров начинали вестибюли, верхний и нижний, которые объединяла похожая планировка вкупе с торжественным декором. Нежно-розовая обивка стен создавала романтическую атмосферу на верхней галерее, откуда открывался путь к покоям принца

Фридриха-Вильгельма, племянника и наследника короля. В прихожей второго этажа для покрытия пола использовалась крупная плитка из белого бука и розового дерева. О былой роскоши этой части дворца свидетельствуют двери, вернее, помещенные над ними четыре лепных украшения работы Феххельма. Каждый обитатель апартаментов Нового дворца старался отметить свое пребывание в них. Фридрих-Вильгельм продолжил традицию самым стандартным образом, то есть приобрел картины. Одна из них – портретная композиция «Прусский принц Генрих и Фредерика-Луиза» заслуживает внимания хотя бы потому, что написана женщиной, берлинской художницей Тербуш.

Картинная галерея в Новом дворце

Палата телесного цвета получила название по колориту стен. Самой привлекательной деталью здесь стали фарфоровые вазы в виде снежных комьев, установленные на консолях и камине. Фактически являясь прихожей, она служит первым помещением в квартире Фридриха Великого. Отделка апартаментов короля в отношении палитры и убранства напоминает комнаты Старого дворца. Спокойный рисунок на обоях и статичный характер лепных элементов свидетельствуют о постепенном уходе рококо из германского искусства. Розоватый тон господствует в рабочем кабинете монарха и в спальне, где на камине стоит его бронзовый бюст. В письменном кабинете взгляд посетителей притягивают зеркала. Стоя напротив этих роскошных вещей, можно не заметить собственного отражения, ведь гораздо интереснее разглядывать рисунок рам, выполненных из белоснежного, покрытого глазурью берлинского фарфора.

Голубая палата, или передняя перед апартаментами Фридриха II, предназначалась для выставки полотен итальянских и фламандских мастеров барокко. Нужное освещение в этой комнате обеспечивала люстра, также выполненная на фарфоровой мануфактуре Берлина.

В Мраморной галерее король обедал, видимо, изредка поднимая глаза к потолку – достойному произведению Роде. Будучи учеником знаменитого Песне, художник аллегорически изобразил сутки, уподобив утро, полдень и вечер красивым дамам в античных платьях.

Незабываемое впечатление на гостей Нового дворца производил зал с гротами. Сначала

его стены были покрыты стеклянным шлаком, ракушками, минералами и обломками кораллов. Позже непритязательный материал дополнился драгоценными камнями и окаменелостями. Природную композицию комнаты логически завершило покрытие пола: разноцветные изразцы с силуэтами морских растений и животных делали помещение похожим на подводное царство.

Спокойный характер отделки, особенно присущий палатам Фридриха, заканчивается в Нижней княжеской квартире, точнее, в первой передней, приспособленной под картинную галерею. Следующее помещение изумляет густо-красной обивкой стен. Издавна стоящие здесь большие напольные часы по заказу короля были выполнены в одной из самых известных мастерских Парижа. Восемь портретов работы Песне развешены над массивной мебелью. Два комода с инкрустацией в виде цветов составляют комплект с диванами, креслами и стульями из Потсдамского дворца.

Таким же ярким узорчатым атласом покрыты стены смежных спален, мужской и женской. Кровать в проходной дамской опочивальне, по традиции того времени, устроена в алькове и покрыта балдахином. Некоторые предметы мужской спальни, в частности, угловой шкаф, часы с богатой инкрустацией и бронзовым окладом еще в позапрошлом веке относились к ценным произведениям немецкого искусства. Соседняя, примыкающая к террасе, комната когда-то служила малой столовой, где королям подавали первый завтрак. В теперешнем своем виде она является одним из немногих помещений Нового дворца, сохранивших первоначальную обивку стен, то есть великолепные обои из алой камчи с золотой парчовой каймой. В ней на комод работы мастера Камбли по-прежнему стоит колокол из берлинского фарфора, сохранявший тепло после того, как остывал камин.

По лестнице северного бокового флигеля можно попасть в верхние княжеские покои и полюбоваться тонкой резьбой на секретере, оценив виртуозную работу саксонских мастеров эпохи Фридриха Великого.

Значительная часть мебели Нового дворца заказывалась в мастерской братьев Шпиндлер. Для Зеленого кабинета – комнаты со стенами, обитыми тканью изумрудного цвета – они выполнили палисандровую инкрустацию корпуса напольных часов. Изначально это помещение служило второй приемной, где посетители ожидали аудиенции, рассматривая фантастическую живопись де Мушкерона, знаменитого итальянского мастера начала XVIII века. Как выполненный в виде медальона бюст, так и бронзовые украшения на стенах свидетельствовали о наступлении классицизма. Для полноты стильного убранства позже здесь поместили шкаф для хранения монет, до того стоявший в Античном храме.

В отделке верхнего музыкального салона ярко проявилось богатство приемов позднего немецкого рококо. Художники, работавшие в этой комнате, отличились от своих коллег, сделав давно известные рельефы с изображением детей круглыми и поместив их в скульптурные рамы.

Украшая пол и потолок, они решили намекнуть на тему следующей комнаты, для чего вновь обратились к мифологии. Центральное место в потолочной росписи отведено богине охоты Диане, фигура которой повторяется на гладких плитках пола. Выложенный паркетчиками рисунок воссоздает сцены охоты, особенно четко представляя ежей и гончих. Столь необычная для дворцовых покоев тема призвана подготовить зрителя к резкой смене впечатлений при переходе в следующую комнату.

В проемах Охотничьего кабинета развешены чучела собак, а дверные косяки выглядят как настоящие дубовые стволы. Оскаленные морды любимых королевских псов стали прообразами скульптурных окончаний подлокотников кресел. Кабинетный шкаф этого своеобразного помещения стоит на подставке и, кроме того, имеет антресоль. Такой же тяжеловесностью отличаются стол со множеством ящиков и даже люстра, изготовленная из тонкого берлинского фарфора.

С трудом выдержав Семилетнюю войну, король изредка выезжал на охоту, но совершенно утратил желание воевать, хотя повод выступить в поход время от времени находился. Так, в 1777 году Австрия сделала попытку присоединить к себе Баварию, и

Фридриху пришлось вновь собрать армию. Эта маленькая война совсем не походила на прежние баталии. Противники избегали крупных сражений, словно дожидаясь, пока императрица, не найдя одобрения своей политике у европейских монархов, решит уладить конфликт: «Нам обоим не слишком выгодно рвать друг у друга седые волосы».

Зато в управлении Пруссией деятельный характер короля проявлялся в полной мере. Он был упрям, деспотичен и склонен к эксцентричным поступкам, что, впрочем, никак не влияло на его популярность. Любовь к философии для него ограничивалась беседой в кругу друзей, и никогда не переходила в дела правления, где у прусского монарха не было советников. Слова о том, что он знает «свою страну, свой народ и своих подданных лучше, чем они сами» не были пустой похвалой. Государство казалось ему большим именем. Ежедневно подаваемые отчеты о родившихся, умерших, женившихся, о посевах, жатве, строительстве всегда прочитывались и обдумывались. Старый Фридрих помнил, сколько сукна или полотна произведено в стране, сколько продано за границу, какой продукцией славится каждая провинция и какой доход имеет каждый завод или мануфактура.

Несмотря на деспотизм правителя, в Пруссии так и не прижилась тайная полиция, а цензура никогда не была слишком строгой. На подмостках столицы высказывались крамольные мысли, порой доходившие до провинциального Потсдама, где тоже действовал театр. Открытый в 1768 году, он располагался в южном флигеле Нового дворца и, согласно новым веяниям архитектуры, был отделан в стиле рококо. Просторный театральный зал позволял разместить 300 кресел, изумление вызывали восходящий партер и два опирающихся на колонны яруса. После недавней реконструкции в театральном флигеле дворца открылся соответствующий ресторан. Сегодня в обновленном театре Сан-Суси снова собираются зрители. Здешняя труппа, согласно характеру помещения, ставит оперы и спектакли XVIII века, а приезжие музыканты дают концерты, лаская слух потсдамской публики старинными мелодиями.

Несмотря на множество дел и приятный досуг, Фридрих страдал от одиночества. По его собственным словам, семьи у него никогда не было, к старости в окружении остались чужие люди, труд не радовал. Прусский монарх почти не общался с женой: супруги не переносили друг друга, хотя старались соблюдать приличия. В дневниках одного из придворных упомянута сцена королевского ужина, когда король «приглашал к столу ненавистную королеву. Они сходились молча, почтительно раскланивались друг с другом, садились за стол и с такой же церемонией расходились по завершении трапезы. В 1783 году таким образом ими была отпразднована золотая свадьба. К тому времени умерли все друзья и близкие Фридриха. Давно покоилась в могиле горячо любимая сестра Вильгельмина, в память о которой в Сан-Суси был воздвигнут Храм дружбы.

Потсдам. Сан-Суси. Скульптуры в парке Нового дворца

«Все гении в некотором роде безумцы», – заметил римский историк Сенека. В последние годы жизни Фридрих ограничил свиту несколькими солдатами, собаками, лошадьми. Королевский конь Цезарь вышел на заслуженную пенсию; построенная специально для него конюшня находилась вблизи Городского дворца и, приезжая в Потсдам, король в первую очередь направлялся туда. Увидев хозяина, старая лошадь весело ржала, принимала угощение – сахар или булку, а затем брела за ним следом по дорожкам сада, где ей разрешалось гулять одной. Когда на площади устраивался развод или смотр, Цезарь, заслышав военный марш, являлся на плац сам, останавливался возле короля, и, положив голову на седло, не отходил до тех пор, пока хозяин не возвращался домой.

Фридрих иногда объезжал городские улицы, всегда в одиночестве, не глядя на толпу, собиравшуюся на тротуарах, чтобы посмотреть на странного монарха. Взрослые стояли молча, а дети, прыгая впереди лошади, подбрасывали верх шапки, но не столько в качестве приветствия, сколько из баловства. За спиной над ним смеялись, не признавая правителя в сгорбленном старике, одетом в грязный, потертый мундир, который всегда молчал, и только если толпа становилась слишком густой, расчищал себе дорогу палкой.

Дворец в опустевшем Сан-Суси не охранялся: всякий мог подойти к окнам и заглянуть в них. Страдая бессонницей, Фридрих делал записи в дневнике: «Я чувствую все признаки старости, то подагра, то боль в пояснице, то лихорадка потешаются насчет моего существования и напоминают, что давно пора бросить изношенный футляр моей души». В начале августа 1786 года королю стало немного лучше, но последняя вспышка бодрости окончательно истощила его силы. На следующий день он уже никого не узнавал, а ночью вдруг приподнялся, открыл глаза и сказал: «Я взошел на гору... хочу успокоиться».

Придворные утверждали, что именно в этот момент остановились каминные часы, которые позже Наполеон увез на остров Святой Елены.

Фридрих хотел обрести вечный покой у ног Флоры в склепе, который уже давно построил для себя в Сан-Суси. Фридрих-Вильгельм II волю умирающего не исполнил, приказав похоронить дядю в гарнизонной церкви Потсдама. Неблагодарными оказались и другие потомки. Так, последний кайзер Вильгельм II, уезжая в 1918 году в ссылку в Нидерланды, забрал с собой статуи из Нового дворца. Многие десятилетия ценные вещи лежали забытыми в ящиках и возвратились в Потсдам только в конце века.

Парки Ленне

Некоторые части парка Сан-Суси рассчитаны исключительно на взгляд издалека. Так, из окон Старого дворца открывается превосходный вид на «античные» руины, но при ближайшем рассмотрении древности оказываются всего лишь крупными кусками известняка. Если Фридрих Великий взялся за хлопотное строительство ради спокойного отдыха, то следующие правители, восстанавливая обветшавший комплекс, думали и о живописных видах.

В последние годы жизни король не занимался дворцом, поэтому его племяннику пришлось принять упадочное хозяйство и в Берлине, и в Потсдаме. В загородной резиденции некогда прекрасные здания, особенно парк, выглядели запущенным настолько, что скорый их конец казался неизбежным. Тем не менее прусская корона уже не мыслилась без Сан-Суси, поэтому Фридрих-Вильгельм II приступил к восстановлению паркового ансамбля тотчас после смерти великого предшественника. За время его правления сил и средств хватило лишь на перепланировку цветников перед виноградниками, а также части Козьего парка. Гораздо более масштабные работы развернул Фридрих-Вильгельм III, которому пришлось защищать страну от наполеоновских войск. По приглашению монарха в Сан-Суси прибыл мастер садовой архитектуры Петер Йозеф Ленне, и только благодаря его таланту королевская резиденция приобрела свой элегантный вид, сохранившийся и поныне.

Знаменитый немецкий зодчий приступил к работе в 1806 году и занимался переделкой потсдамского парка около 20 лет. Ему довелось жить в рациональную эпоху, требовавшую практичного подхода ко всему, не исключая тех явлений, что ранее рассматривались только с эстетической стороны. Поставив перед собой четкую цель, он сумел сделать королевское жилище удобным, сохранив былую красоту. Обустройство началось с небольшого участка между обелиском и Новым дворцом, где была создана целая система просторных лужаек, роц, живописно посаженных деревьев. Доступ к ухоженной, ласкающей взгляд растительности теперь обеспечивала сеть дорожек и «диких» троп. В водоем естественного вида превратился банальный ров, прорытый во время строительства Нового дворца. Сильно прореженные леса позволили увидеть строения практически с любой точки парка, и лишь тогда стало заметно, что камерная архитектура Сан-Суси прекрасно вписывается в пейзаж.

Дворцовый парк

До того неосвоенная гора Винцерберг в правление Фридриха-Вильгельма IV стала начальным пунктом при прокладке Триумфальной аллеи. Король планировал построить на ней театр по подобию античного, установив рядом памятник великому предку. Однако воплощению проекта помешали недостаток средств и, может быть, нежелание монарха погружаться в хозяйственные дела. Так или иначе, но Ленне ограничился виноградниками в дополнение к тем, что уже давно располагались на южном склоне. На вершине холма появился домик виноградаря, а у подножия – Триумфальные ворота, оставшиеся единственным напоминанием о грандиозных планах короля. Помпезный вход в парк повторял очертания подобного сооружения в Древнем Риме, воздвигнутого в честь купцов и менял. Облицованные плитами из необожженной глины, украшенные аллегорическими фигурами Науки, Добродетели и Искусства, Триумфальные ворота Сан-Суси посвящались воинам и отчасти бесстрашному Вильгельму, будущему германскому кайзеру, которого солдаты прозвали принцем-картечь.

В рельефной композиции на внутренних стенах представлена сцена возвращения прусских войск из Баденского похода (во главе с наследником трона). Скульптор изобразил печально знаменитую компанию, организованную для подавления народного восстания. Среди казненных бунтовщиков оказался житель Потсдама, чье имя – Максимилиан Дорту, – хотя и не увековечено на памятнике, зато фигурирует в королевских документах.

Вершину соседнего холма Клаусберг с 1770 года занимал тщательно восстановленный Домик с драконами, который вначале являлся жилищем смотрителя виноградаря. Имея форму пагоды, он был скопирован с «китайской» постройки в усадьбе лорда Чемберса. В Англии восточное влияние проявлялось особенно сильно, впрочем, и сама мода на китайское искусство распространялась главным образом из островного королевства и редко непосредственно из Азии. Дом виноградаря получил название благодаря скульптурным украшениям на крыше. Бронзовые и позолоченные фигуры драконов на закругленных концах кровли были настолько выразительными, что сам холм с того времени назывался не иначе как Драконовой горой.

Кроме пагоды, вершину холма украшает Бельведер – последнее здание, возведенное в Сан-Суси в XVII веке. Строгие формы этой постройки заимствованы из итальянского

зодчества, точнее, из книги Франческо Бьянкини «Дворец Цезаря», которая имела в книжном собрании Фридриха Великого. Король заказал архитектору Унгеру копию римского мавзолея Нерона и вскоре получил круглое двухэтажное здание с колоннами. Неизвестно, для каких целей предусматривались внутренние помещения Бельведера, но две комнаты не использовались ни старым королем, ни его потомками.

В 1825 году эффектный ансамбль первых построек Сан-Суси дополнился еще одним дворцом, парк поблизости которого тоже является творением Ленне. До того занятый лишь облагораживанием земель, теперь мастер получил возможность попрактиковаться в освоении новой территории, благо ее размеры позволяли осуществить любые фантазии. В реальном воплощении проект представлял собой типичный, хотя и очень красивый пейзажный парк, какого в Сан-Суси еще не было. Широкие газоны наподобие восточных ковров, живописно разбросанные группы деревьев и отдельно стоящие растения, органично сочетаясь, составляли единый пейзаж. Запущенная незадолго до того насосная станция на реке Хафель давала возможность сохранять зелень, наполнять водой каналы и фонтаны даже в пору засухи, что в Германии случалось нечасто.

Домик с драконами на Драконовой горе

Трудно назвать хотя бы одно сооружение Сан-Суси, не нуждавшееся в воде. Если не принимать во внимание бордюрную растительность, таковым являлся ипподром, заложенный Ленне в 1836 году. При кайзерах он представлял собой ровное поле, удобное для выездки и скачек. Однако, после того как дворец утратил царственных владельцев, даже

такой чисто рациональный комплекс обрел музейный характер и соответствующие атрибуты, например, памятники кайзеровской эпохи. Земли к западу от ипподрома также начал осваивать Ленне. Именно здесь появился первый загон для фазанов, позже преобразившийся в современный фазанник со зданием в духе итальянских вилл.

На месте Сицилианского сада раньше находились оранжереи и теплицы для овощей, построенные одновременно со Старым дворцом. После вмешательства Ленне участок приобрел округлую форму, которую определили полуциркульные крытые галереи. По обе стороны от них были устроены плоские газоны, обрамленные дорожками и цветниками.

Центр парка отмечают такие эффектные произведения паркового искусства, как постамент с грифами и ваза с барельефом. Стоящая рядом пластическая группа из цинка наполнена античными образами, среди которых особое внимание привлекает пастух, борющийся с пантерой. Рядом с бронзовыми скульптурами перед стенкой короли кормили животных. В центре балюстрады установлены статуи няяд и смотрящих друг на друга львов. Как и цинковые скульптуры, они являются копиями с античных оригиналов, представляя творчество отменного ваятеля Франца, служившего в Сан-Суси при двух королях: Фридрихе-Вильгельме IV и кайзере Вильгельме I.

Сицилианский сад

Разнообразная растительность Сицилианского сада могла бы составить неплохое ботаническое собрание. Пышные агавы, финиковые, итальянские и веерные пальмы создавали впечатление средиземноморского побережья, правда, только летом, ведь зимой их уносили в Оранжерею. Зеленое убранство Северного сада, заложенного одновременно с Сицилианским в 1857 году, радовало взор круглый год, ведь в нем росли деревья северных широт – сосны, тисы, голубые ели. Скульптуры здесь было мало, и та согласовывалась с образной основой сурового места. Так, бронзовая фигура воина с мечом наводила на мысль о средневековой Германии. Напоминанием о первых германских императорах служили мраморные саркофаги, выполненные по образцу гробниц имперского Рима.

Если южная роскошь виделась истинному немцу интересной, но чуждой экзотикой, то скромное обаяние Северного сада действовало на его чувствительную душу как бальзам.

Грот с выступом с колоннами и балконом являлся упрощенным вариантом здания казино, которое собирались здесь возвести при прокладке Триумфальной аллеи. Однако дальше планов дело не продвинулось, и короли, гуляя по пустынным дорожкам парка, окидывали взглядом не величественные здания, а зелень, которой, в отличие от архитектуры, здесь имелось с избытком.

Во всех творениях Ленне заметно пристрастие к единству, что касается не только стиля и форм, но и духовной сути его отнюдь не бездушных произведений. Этим ни Сицилианский сад, ни Северный не отличались от ранних построек, то есть прекрасно вписывались в одухотворенную атмосферу дворцового комплекса. Облагородив собой ранее неухоженные участки, образно представив классицизм и рьяного сторонника этого стиля Петера Йозефа Ленне, они ознаменовали собой завершение пейзажного парка.

Шарлоттенхоф

Третий дворец Сан-Суси занимал большой участок в южной части парка, раскинувшийся от главных зданий до Бельведера. Его королевское название – Шарлоттенхоф (нем. Charlottenhof) не относится ни к одной из прусских принцесс, поскольку произошло от имени последней владелицы, Шарлотты фон Гентцков. Вид на него открывался с конца дуговой дорожки, которая завершалась там, где раньше стоял фахверковый дом, чей владелец жил в Потсдаме, а комнаты сдавал внаем архитекторам Бюрингу и Гонтарду. В 1825 году дом купил Фридрих-Вильгельм III, намереваясь переделать средневековую постройку для кронпринца, будущего короля Фридриха-Вильгельма IV. Наследник занимался перепланировкой лично, подобно своему великому деду составляя планы, делая наброски фасадов, двора и внутренних помещений.

Дворец Шарлоттенхоф

Шарлоттенхоф расположился на прежней площади и сохранил скромный вид одноэтажного помещичьего дома. Крайне простое оформление главного входа перекликалось со сдержанностью дорического портика, открывавшего путь во внутренний двор. Веселый садик дворца заставлял вспомнить о греческом перистиле, которому полагались яркие цветы, крошечный источник и столь же скромной величины беседка, отнесенная в угол, чтобы не затмевать красоту дворцового парка.

Простое, выдержанное в классическом стиле убранство дворца вполне согласовывалось с его внешним видом. Интерьеры, мебель и остальное убранство, как и здание в целом, создавались по планам архитектора Карла Фридриха Шинкеля. Вестибюль и зал, выходящий в сад, занимали центр здания и своей банальной планировкой напоминали прежний дом. В вестибюле две боковые лестницы вели к возвышению, с которого можно было войти в зал и расположенные по обе стороны от него комнаты.

Для спальни наследник прусского престола выбрал небольшую комнату в полукруглом выступе, с окном, откуда открывался лучший в доме вид на парк. Пройдя через небольшую приемную, принц оказывался в кабинете, куда определил коллекцию собственных картин. Работы итальянских мастеров Возрождения и раннего барокко по его желанию развешивались ровными рядами на фоне зеленых стен, разделенных золочеными полосами. Роскошный стул с высокой спинкой – единственная вещь, выбивающаяся из кабинетной строгости комнаты. Выполненное из стали, в некоторых частях покрытая серебром, эта вещь прибыла в Германию из России и являлась работой тульских мастеров.

Соседняя гостиная сегодня декорирована обоями светло-голубой окраски и убрана мебелью с обычной для своего времени зеленоватой обивкой. Сюжеты гобеленов на сиденьях и спинках повторяются в незатейливых итальянских и швейцарских пейзажах, вывешенных на стенах просто для создания уюта. Следующий зал король намеревался использовать в качестве столовой, но, видимо, передумал, поэтому пышный стол-сервант уже тогда был музейным экспонатом. Тем не менее главной ценностью этой комнаты является не мебель, а цветные гравюры. Развешенные в два ряда, они выполнены начинающим гравером Вольпато с оригиналов известного художника Людовико Тезио. Тот в свою очередь испытал воздействие творчества Рафаэля, использовал мотивы, запечатленные прославленным живописцем в лоджиях Ватикана, как известно, носивших его имя.

Огромное количество гравюр, собранное владельцами Шарлоттенхофа, потребовало устройства своеобразного музея, коим стал Гравюрный кабинет. Более 40 печатных оттисков на меди, выполненных по мотивам произведений живописцев итальянского Ренессанса и европейского барокко, украшают стены и даже потолок этого небольшого помещения.

Современные посетители дворца, минуя красный угловой кабинет, думают, что попадут в гостиную, а оказываются в... походной палатке. Подобное впечатление создают обои с бело-голубыми полосами, шатровый потолок и кровать, подобная ложу, на котором принц Вильгельм отдыхал в перерывах между боями. Собственно, вначале кроватей было две; их форма и расположение вдоль стен настолько соответствовали военным вкусам, что даже такие мирные люди, как Александр фон Гумбольдт, обитая в этой комнате, ощущали причастность к походному быту.

По контрасту с жестким натурализмом шатровой спальни рядом зодчий расположил покои придворных дам – виртуозно декорированное помещение, наполненное духом немецкого романтизма. Изящная мебель, легкие шторы, светлые обои и особенно секретер, выполненный по эскизам Шинкеля, не оставляют сомнения в том, что здесь собиралось утонченное женское общество. Помимо убранства, характерную атмосферу создают полотна со сказочно красивыми пейзажами старой Германии.

Шатровый кабинет во дворце Шарлоттенхоф, выполненный по образцу походной палатки Фридриха-Вильгельма IV

Пергола в парке Шарлоттенхоф

Вид из широких окон прелестной дамской комнаты дает возможность сравнить живописные фантазии с реальностью. В планировке территории вокруг дворца сказалось влияние итальянского взгляда на богатое поместье. В 1835 году к востоку от парадного входа появился розарий с беседкой, а с обратной стороны раскинулась Роща поэтов, окаймленная изгородью из кустарника и деревьев с толстыми стволами и густыми, тщательно постриженными кронами. Виновниками торжества в этой части парка стали Данте, Петрарка, Гёте, Шиллер, Виланд, Тассо, Гердер и Ариосто, увековеченные в бюстах, созданных мастерским резцом Г. Блезера. Архитектурным центром литературного сквера послужил чугунный фонтан со статуей Нептуна.

Статуи двух подростков из скульптурной группы «Ильдефон», по некоторым толкованиям изображают сон и смерть. Как и многие другие пластические образы Сан-Суси, сама композиция представляет собой копию, в данном случае произведения второй половины I века до н. э., над которой немецкий мастер трудился в Мадриде, точнее, в зале музея Прадо. Две мраморных емкости на концах дорожек носят патетичные названия «Ваза Медичи» и «Ваза Боргезе». Первая отличается рельефным рисунком, изображающим жертвоприношение Ифигении, тогда как вторая оформлена сценой шествия поклонников Вакха. Обе посуды скопированы с античных оригиналов, и поныне хранящихся во дворце Уффици и Лувре.

Кайзеровские купальни

По прошествии времени уже никто не сомневался, что для Сан-Суси лучшими оказались идеи Ленне. Всем последующим архитекторам, работавшим в Сан-Суси, приходилось оглядываться на его замыслы. Впрочем, во второй половине XIX века облик дворцового ансамбля формировался и другими зодчими, в основном представителями архитектурной школы Шинкеля, увековечившими себя в ренессансных линиях Римских купален, молочной фермы и фазанника. Построенные в манере итальянских вилл, все эти

постройки еще не противоречили античной строгости дворца Шарлоттенхоф, чего нельзя сказать об Оранжерее и тем более о Храме мира – работе склонных к подражанию учеников Шинкеля, попытавшихся воссоздать романский стиль. В противоположность изящной классике Храма дружбы, он походил на средневековую крепость не столько формами, сколько деталями, например зубчатыми башенками и подъемными мостами.

Дом садовника с аркадой в архитектурном комплексе Римских купален

Комплекс «античных» зданий на берегу небольшого, заросшего деревьями озера получил название «Римские купальни» только по виду, а в действительности являлся усадьбой королевского садовника. Первый его проект одновременно с эскизами дворца Шарлоттенхоф был представлен королю в 1826 году. Строительство началось лишь три года спустя, когда освободился от других работ зодчий Перзиус. Он начал с дома садовника, через несколько месяцев приступил к похожему на греческий храм павильону, а еще позже выстроил переход, соединивший хозяйственные строения с жилыми.

Озеро перед Римскими купальнями

Далее усадьба дополнилась двумя оригинальными беседками в саду. Торжественность этих строений, своим видом напоминавших балдахины, подчеркивалась не столько формой, сколько пластическим оформлением – бронзовыми бюстами Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. На противоположной стороне комплекса самым заметным сооружением стала терраса, подобная открытым аркадам римских вилл. В планах короля, конечно, не предусматривались банные удовольствия в доме садовника. Комплекс на берегу озера получил название не по назначению, а из-за того, что слишком походил на жилище богатого римлянина, в котором непременно устраивались бани.

Сегодня в Римских купальнях проводятся выставки, посвященные местному ландшафту. Считается, что чарующая красота парков Сан-Суси достойна кисти живописца или хотя бы внимания хорошего фотографа. С аркады открывается превосходный вид на Шарлоттенхоф и колонну с бронзовой статуей Германии, установленной на ближайшем острове. Отсюда видна тенистая дорожка, ведущая к молочной ферме и фазаннику, где некогда содержались домашние и экзотические птицы, по приказу короля доставленные из дальних стран и различных районов Пруссии.

Облик законченной к 1860 году Оранжереи, приближаясь к образцам искусства Рима и Флоренции, является материальным воплощением тоски короля по Италии. Конструкцию здания с двумя башнями, как и отделку фасадов, разрабатывал сам король, тогда как архитекторы, руководствуясь набросками Фридриха-Вильгельма IV, выполняли

преимущественно технические работы. В отчетах авторами Оранжереи называются ученики Шинкеля, молодые зодчие Хессе и Штюлер, а поводом к созданию – подобающее оформление Триумфальной аллеи.

Огромные окна двух 100-метровых залов пропускали свет, достаточный для тропических растений, которые здесь не росли постоянно, а лишь сохранялись в холодное время года. Архитектурный ансамбль завершали боковые флигели с воротами, украшенными полукруглой аркой.

Среди многочисленных комнат центрального корпуса имелись покои для гостей. Самые роскошные из них в свое время занимала чета Романовых – император Николай I со своей супругой, сестрой королевы, которая здесь была просто Шарлоттой. Апартаменты царя состояли из комнаты с убранством цвета слоновой кости, гостиной в стиле буль и зеленой спальни. Для двух комнат царицы приобретались вещи лазурных и малахитовых оттенков. В целом отделка интерьеров Оранжереи оставляет впечатление того, что декораторы, вдохновляясь искусством эпохи регенства и рококо, не сумели постичь суть старинных стилей.

Примерно с 1814 года у владельцев Сан-Суси возникла мысль использовать Оранжерею в качестве художественного музея. Вскоре после разгрома наполеоновской армии в Париже состоялась выставка полотен, привезенных французами из покоренных стран. Светское общество изумило богатство итальянской части экспозиции, особенно картины Рафаэля, до того большей частью недоступные широкой публике из-за их размещения в Ватикане. Не имея возможности купить бесценную живопись, Фридрих-Вильгельм III отправил в Лувр группу художников для копирования всех приглянувшихся произведений.

Следующий кайзер, Фридрих-Вильгельм IV, значительно расширил собрание, тотчас выделив для картин отдельный зал в Оранжерее. Сегодня в зале Рафаэля представлено 47 копий с работ итальянских мастеров. За все время существования музея из нескольких обширных теплиц по прямому назначению использовалась лишь одна, с западной стороны здания. С недавнего времени в восточном зале располагается архив Потсдама.

К 1860 году строительные работы в Сан-Суси были полностью завершены. Вскоре после окончания Первой мировой войны королевские парки Германии перешли в собственность государства. Вновь пришедшей в упадок собственностью монархов управляло столичное ведомство, которое тогда возглавлял Эрнст Галль. По капризу этого господина из парка исчезли не просто отдельные строения, а целые ансамбли: директор приказал уничтожить цветник перед виноградником и верхнюю террасу перед дворцом, назвав их «наслоениями кайзеровской эпохи». После разгрома фашистов бывшими королевскими владениями управлял ученый, профессор берлинского университета Вилли Курт, и бережное отношение ко всему, что связано с прошлым, стало правилом, которое дирекция музейного комплекса с тех пор не нарушала.

Сегодняшний Сан-Суси – не только самый известный дворец Потсдама, но и национальная святыня. Грандиозный по размерам, неповторимый в своей изысканной красоте, он сохранился почти в прежнем виде и, в отличие от своих берлинских собратьев, мало пострадал от бомбардировок. После окончания войны здесь уже никто не жил, зато роскошные апартаменты мог увидеть любой желающий, ведь после реконструкции во дворце начал действовать музей. Огромный парк стал зоной отдыха, где люди получили возможность развлекаться так же изысканно, как в свое время это делали прусские короли.

Танки в Мраморном дворце

Несмотря на конкретное название, Мраморный дворец сложен из обожженного кирпича, и лишь некоторые его детали, например пилястры, обрамление оконных рам и сероватые полосы на фасаде, выполнены из благородного камня, причем не привозного, а германского, добытого в карьерах Силезии. Мысль о возведении второго дворца в Потсдаме высказал

Фридрих-Вильгельм II, однако работы оказались не столь простыми, как представлялось в планах и, начатые в 1787 году, с большим трудом были закончены через полвека, уже после смерти императора.

В относительно спокойный промежуток времени между окончанием Семилетней войны и вторжением Наполеона небольшие германские города почти не затрагивало влияние внешнего мира. К Потсдаму это утверждение можно применить с оговоркой, ведь его население, хотя и истинные немцы – покорные, сплоченные, отвергавшие чуждые веяния, невольно перенимало берлинский космополитизм. Пожалуй, нигде кроме Пруссии не употреблялось так часто и в таком возвышенном тоне понятие «немецкий» (нем. deutscher). «О, мой немецкий лес!» – восклицали поэты, причислявшие к национальным достоинствам песни, дома, собак, лошадей, девушек. Лучшим в мире считалось даже немецкое вино! Такие же хвалы звучали по поводу человеческих качеств: аккуратности, доблести, преданности, веселости. Своеобразный немецкий юмор обычно характеризовался как «непостижимая для других народов сладость духа, порожденная преодолением превратностей судьбы». Отдельные авторы отмечали не совсем позитивную суть немецкой веселости, именуя эту черту остроумием, которое не бодрит, а ранит, в то же время искупая тысячи грехов. Постоянно сталкиваясь с берлинцами на улицах, в казармах и особенно на строительстве дворцов, жители Потсдама не теряли своей провинциальности, подражая соседям разве что в грубых шутках. Город же, напротив, постепенно сравнивался с Берлином, обретая все больше и больше иностранных, прежде всего французских элементов.

Судя по документам, проект декоративного оформления Мраморного дворца на берегу озера Хайлигер создал живописец Бернгард Роде, а воплощению не совсем серьезных планов способствовали мастера Экштайн, Шуман, братья Волер. Исполненные ими барельефы над окнами верхнего этажа содержали тонкий юмор: показав такие взрослые занятия, как рыболовство, земледелие, садоводство и виноделие, художники сделали аллегорическими героями детей, вложив в их слабые ручки соответствующие орудия труда.

Незадолго до окончания строительства оказалось, что комнат во дворце хватает лишь для владельцев, поэтому прислугу решено было разместить в двух одноэтажных флигелях. Рядом с одним из них располагалась античного вида кухня, откуда повара проходили в главное здание по скрытой в земле галерее. Подобно многим парковым сооружениям, кухня Мраморного дворца имела вид, не отвечавший назначению. Архитектор Гонтард уподобил ее римскому храму Марса, сделав здание таким же низким, массивным, лишенным обычного для XVIII века множества окон.

Казалось, злой рок препятствовал завершению дворца. При отделке фасада не хватило мрамора и, видимо, не нашлось денег на его закупку. Недовольный долгой стройкой, думая о скорейшем ее завершении, король распорядился снести колоннаду в Козьем парке, чтобы употребить творение Кнобельсдорфа для оформления флигелей. Отдельные части, в частности уцелевшие колонны, мастера приспособили в качестве обрамления входа.

Тем не менее усилия Фридриха-Вильгельма II оказались напрасными, во всяком случае, для него самого. Мраморный дворец упрямо не поддавался строителям, и королю не довелось пожить в его прекрасных апартаментах. В последние месяцы жизни он наблюдал отделочные работы, такую же картину видел его преемник, а готовые интерьеры сумел оценить лишь Фридрих-Вильгельм IV. В 1845 году зодчие Перзиус и Хессе доложили о завершении отделки, стиль которой определяло местное искусство.

Планировка комнат главного корпуса предусматривала сложное освещение. Днем солнечные лучи струились из окон лестничного пролета, по традиции располагавшегося посреди здания. По вечерам слуги зажигали свечи на лестнице и в вестибюле – самом обширном помещении дворца. Немного меньшая площадь в проекте отводилась так называемому залу с гrotтами на первом этаже. Занимая практически весь нижний уровень дворца, он выходил окнами на озеро. На втором этаже находился музыкальный салон, а остальные, боковые комнаты служили спальнями и рабочими кабинетами.

Незадолго до торжественного открытия дворца местный художник Осовский

преподнес королю свои работы, созданные по мотивам живописи Карла Вильгельма Кольбе. Изображенные на картинах сцены из «Песни о нибелунгах» как нельзя лучше гармонировали с классичностью главных залов, составляя неповторимую композицию с имевшимися в них пейзажами.

С 1961 года в залах дворца на озере Хайлигер расположились экспонаты Потсдамского музея армии. Немцев трудно удивить выставками, но эта экспозиция отличалась от других тем, что наводила на размышления о прошлом и будущем Германии. Сотрудники музея попытались раскрыть столь неоднозначное понятие, как «немецкое оружие», под которым чаще понимается вооружение вермахта. Однако военная история страны включала в себя не только войны или захватнические кампании нацистов. Германцы проявили себя во многих, и не всегда негативных явлениях, относящихся к армейской жизни. Они могли поделиться уже не секретными сведениями об организации прусских войск, рассказать о крестьянских восстаниях или освободительных войнах, где достойный внимания героизм демонстрировали как правители, так и рядовые солдаты.

Дом для Цецилии

Иностранные туристы чаще воспринимают Потсдам как место проведения знаменитой Потсдамской конференции. Эпохальная встреча действительно проходила здесь в 1945 году, но далеко не все знают, что главы самых мощных государств планеты заседали в скромном фахверковом строении под названием «Цецилиенхоф» (нем. Cecilienhof), которое имеет статус дворца только из-за славного прошлого. Двухэтажное, по средневековой традиции покрашенное в белый цвет здание строилось без участия заказчика по чертежам и под личным контролем архитектора Шульце-Наумбурга. Возводя его, зодчий не знал, что строит последнее королевское жилище в Германии. В 1917 году кронпринц Вильгельм привел сюда свою невесту Цецилию и торжественно представил резиденцию, вскоре получившую нежное девичье имя.

Фонтан во дворце Цецилиенхоф

Облик зала, где Трумэн, Эттли и Сталин решали судьбу проигравшей войну державы, остался неизменным. Музей Потсдамской конференции занимает лишь небольшую часть дворца; остальные помещения занимает высококлассный отель, куда входит и дворцовый

парк с клумбой в форме пятиконечной звезды перед главным входом.

Очаровательные сады вокруг Цецилиенхофа являются логичным завершением Нового парка – второго после Сан-Суси зеленого массива в Потсдаме. Раскинувшийся к западу от озера Хайлигер, он существовал в качестве городского виноградарского хозяйства примерно с середины XVIII века. Прусские короли приобретали эти земли по частям; первый участок купец Пуншель неохотно и, видимо, дорого продал Фридриху-Вильгельму II, которому, помимо земли, пришлось купить и простой крестьянский домик.

Кабинет во дворце Цецилиенхоф

При планировке архитектор Айзербек Младший держал в мыслях подобный ансамбль в Вёрлице, создав по его образцу «сентиментальный сад в сентиментальном ландшафте». На тщательно выровненной поверхности было посажено около 13 тысяч деревьев лиственных (ломбардский тополь, верба, платан) и хвойных пород (кедр, веймутова сосна, лиственница, красная ель). На месте ветхой избушки появился Мраморный дворец, а всего через несколько десятилетий архитектурный ансамбль дополнился другими, не менее эффектными зданиями. Проекты большинства зданий Нового сада разрабатывал Карл Готхард Лангханс. Фантазия зодчего не ограничивалась модным тогда классицизмом, благо прусские короли не возражали против зданий, стилизованных под готические храмы или дома, похожие на египетские, китайские и мавританские жилые постройки.

На отдельных участках старые дома сохранялись; здесь их красили в разные цвета и давали соответствующие названия, например «Красный», «Белый», «Зеленый». Новые земли покупались практически ежегодно, и зодчий с успехом пользовался возможностью создать единый комплекс там, где рельеф не противоречил оформительским замыслам. В 1817 году в Новый сад прибыл Ленне, который, по своему обыкновению, начал с того, что убрал все лишнее. К таковым были отнесены некоторые дорожки и высокие деревья у аллей, заслонявшие вид на озеро: картины природы стоили того, чтобы просматриваться из парка. Помимо прочих улучшений, знаменитый зодчий разбил клумбы с яркими цветами, еще более оживившими зелень обширных газонов.

Вплоть до закладки дворца Цецилиенхоф парк оставался таким, каким хотели его видеть Айзербек и Ленне. «Перед нами блестящий пример использования английской садово-парковой архитектуры на европейском континенте», – отзывался о Новом саде Потсдама герр Пёнзген, автор книги «Мраморный дворец».

В настоящее время в Новом саду имеется множество пешеходных дорожек и одна асфальтированная дорога, предназначенная для автомобилей. Невдалеке от главного входа стоит дом привратника, справа и слева от него возвышаются башни. Отсюда начинается широкая аллея, обсаженная дубами там, где раньше росли тополя.

Слева от основной аллеи располагается ряд так называемых голландских домиков, вначале состоявший из павильонов с квартирами придворной челяди, конюшен, каретных сараев. Сложенные из красного кирпича, представляющие единый стиль, когда-то они являлись продолжением Голландского квартала, позже став символом некорольевского Потсдама – просто красивого города с мирными и гостеприимными жителями.

Созерцательные замки Бабельсберга

В романтические времена Гёте спрятанный глубоко в лесах замок Глинике (нем. Glienicke) не имел постоянного хозяина. Изредка посещавшие это восхитительное место короли либо важные сановники наслаждались покоем в старинном доме, который вначале привлекал разве что крепкими стенами. В 1822 году крепость перешла во владение к принцу Карлу и с тех пор использовалась в качестве летней королевской резиденции. Наследнику прусского престола не нравился ее суровый германский облик, что вскоре исправил Шинкель, перестроивший часть комплекса в итальянском вкусе.

На первом этаже замка по традиции располагались парадные покои, а выше – спальни для гостей, ведь именно отсюда можно было любоваться великолепными картинами природы: сказочной красоты лесом, полями, спокойными водами Хафеля. Для украшения внутреннего Монастырского двора Карл распорядился купить фрагменты построек разрушенного картезианского монастыря с острова Чертоза вблизи Венеции. Южную, нежилую часть парка оживил охотничий домик, где принц держал лошадей и собак. Теперь в одном из замковых зданий находится казино; в главном корпусе регулярно проходят музыкальные вечера, впрочем, летом публика перемещается в парк, устраиваясь в дворцовой оранжерее, где старинные инструменты звучат лучше, чем в специальном помещении дома.

Мост в Глинике

Внушительную часть площадки перед главным входом некогда занимал Львиный фонтан, подобный Золотому фонтану на римской вилле Медичи. Окружавшие внутренний

двор стены украшала «античная» скульптура. Через ворота Йоганнитертор по ровным, посыпанным песком дорожкам можно было пройти в сад, к двум павильонам, получившим странные имена: Маленькое любопытство и Большое любопытство. Первый представлял собой чайный домик, второй имел форму ротонды с колоннами и капителями коринфского ордера. Белоснежная средиземноморская архитектура в окружении северной зелени выглядела эффектно сама по себе и к тому же, находясь на возвышенности, располагала к созерцанию, чем, видимо и занимались те, кто в старину посещал эти строения.

Охотничий дворец располагался в холмистой местности вблизи двух озер, соленого Глинике и пресноводного Тифернзее, где еще в XVIII веке заботами курфюрста Фридриха-Вильгельма появился зоологический сад, впоследствии превращенный в лесничество. Через столетие, устраивая на его основе парк Бабельсберг (нем. Babelsberg), архитектор Ленне видел цель не только в создании комфортных условий для охоты, но и в сохранении прекрасного вида на Потсдам и живописные окрестности. Такую же задачу решали последующие создатели ансамбля, например Иоганн Штракс, уподобивший «средневековую» башню Флатовтурм такому же строению во Франкфурте-на-Майне. Правда, последняя служила не для созерцания окрестностей, а защищала город от нападения врага. Башня в Бабельсберге получила название от села Флатов, где строители добывали камень для «средневековых» сооружений парка. Она была так высока, что виднелась даже из Потсдама и, подобно древней твердыне, возвышалась в центре водоема, соединяясь с сушей подъемным мостом. Окружавшее постройку рукотворное озеро здесь устраивалось не для обороны, а для снабжения парка водой. На сегодняшний день во Флатовтурм, отреставрированной и приспособленной для осмотра туристами, представлено собрание королевских безделушек, красивых, дорогостоящих и, может быть, памятных бывшим владельцам замка: пепельниц, подков, фарфоровых собачек, светильников, дверных ручек, скамеечек для ног.

Вид на Бабельсберг

Огромный парк Бабельсберг предназначался для охотничьих забав принца Вильгельма. Стронник строгости во всем, будущий прусский император хотел иметь настоящий

английский сад. Сегодня в планировке зеленой зоны, как и в архитектуре дворца, прослеживается влияние тюдоровского стиля. Однако сеть аллей и узких, похожих на звериные тропы дорожек, свободная посадка деревьев, довольно низкие, приземистые формы зданий возникли после затянувшегося спора, который Ленне, к счастью, проиграл. После него устройством парка занимался князь Пюклер-Мускау, знающий себе цену специалист, и, судя по успеху своих «Заметок о садово-парковой архитектуре», большой знаток в области того, что сегодня называется ландшафтным дизайном.

Совместными усилиями монарха и зодчего-аристократа парк был сильно расширен и, может быть, приобрел английский характер, хотя позже такие детали, как длинные газоны, обсаженные рядами деревьев, открывающих далекую перспективу, позволяли считать его местным образцом французского сада. Названия и вид многочисленных парковых построек, относящихся к творчеству Пюклер-Мускау, ярко свидетельствуют о пристрастиях заказчика: массивная «Скамья полководца», величественная Колонна победы.

Для дальнейшей планировки большое значение имело строительство гидротехнических сооружений. Паровая машина, установленная в насосной станции на соленом озере, перекачивала воду из реки в два бассейна, отнесенные немного выше дворца. Оттуда живительная влага стекала в озера, обеспечивая работу фонтанов, а также использовалась в дворцовом быту и для полива. Струи большого фонтана «Гейзер» в высоту достигали 40 м. Колоссальный по тем временам источник располагался прямо перед ступенями дворца, который, в свою очередь, стоял почти на берегу Хафель.

Большой дворец – одно из двух основных зданий Бабельсберга – на протяжении полувека служил летней резиденцией Вильгельма I. Законченный в 1833 году, он возник в воображении принцессы Августы, грезившей неоготическими формами. Воплощение идеи взял на себя Шинкель, которому было легче работать с модным тогда стилем, поскольку архитектор бывал в Англии и видел подобные постройки в реальности. Всего через год после торжественной закладки состоялось не менее помпезное открытие восточного крыла, куда, кроме внутренних комнат дворца, вошла и парковая беседка.

Самой значительной частью ансамбля посчиталась восьмиугольная столовая, или чайный салон, как назвала это помещение принцесса. По плану второй половине надлежало примкнуть к основному зданию с запада и отойти назад на глубину еще одного восьмиугольного зала. Только такая композиция могла бы лучше всего вписаться в окружающий ландшафт. Однако в ходе работ между заказчицей и архитектором возникли разногласия, Августа настояла на своем, и танцевальная зала, по форме уподобленная чайному салону, появилась в качестве надстройки над ним, на втором этаже. Исполняя королевскую волю, зодчий Перзиус, руководивший строительством до 1845 года, был последним, кто пытался соблюсти пропорции между обеими частями здания. После его смерти первоначальная идея уже никого не интересовала, тем более что в моду вошла эклектика, которой мастера вдохновлялись при оформлении замковых интерьеров. Неслучайно в настоящее время многочисленные помещения заставлены разнотильной мебелью и памятными вещами.

Из окон спальных комнат Большого дворца открывается великолепный вид на реку и мост Глинике, тогда как из окон Малого можно увидеть лишь озеро Тифензее. Во втором по величине и значению здании Бабельсберга некогда жили придворные дамы.

Расположенный недалеко «матросский дом» является и жилым, и хозяйственным строением. Построенный, как и Малый дворец, по проекту архитектора Гебхардта, он предназначался для проживания и работы тех, кто обслуживал королевские яхты и гондолы.

Двухэтажная Судебная беседка вначале стояла в Берлине. С XIII века являясь отдельной частью старой ратуши, она оказалась лишней при новой, была поспешно снесена и через несколько лет установлена в потсдамском парке; работами по переносу и установке руководил архитектор Штрак. На его плане новая беседка походила на прежнюю лишь в целом, и кроме того, строители неудачно соединили исконный материал с современным. Впрочем, для этой постройки присутствие различных эпох стало характерной чертой, ведь ее

этажи возводились с разрывом в два столетия.

Крестовый свод нижнего зала, некогда прикрытого только с одной стороны, по-прежнему имел единственную опору. Установленная посредине помещения колонна была украшена рельефными сценами, сюжетом которых послужили рассуждения о глупости. На подпорке скульпторы изобразили каак – сидящую птицу с человеческим ликом, мерзкой ухмылкой и ослиными ушами. Таким символом в средневековой Германии обозначали позор, брань, насмешки, выпадавшие на долю осужденных. Трудно сказать, какие чувства испытывал император, отдыхая среди таких картин, но берлинцы переносили их спокойно и даже весело. Раньше на первом этаже беседки проходили заседания суда, и, приговорив какого-нибудь бедолагу к сожжению на костре, судьи поднимались наверх, чтобы обсудить будущие дела за кружкой пива и сытной закуской. В берлинские времена верхний зал беседки являлся местом, где советники собирались не только для совещаний, но и на пиры, свадебные, дружеские или неофициальные приемы в честь приезжей знати.

По аналогии с беседкой, сегодняшней Бабельсберг разделяется на две совершенно непохожих части: исторический парк с дворцами и вполне современный кинопарк, который иногда называют потсдамским Голливудом. Первая киностудия открылась здесь в 1912 году. В конце Первой мировой войны, когда германские власти поняли, что армия терпит поражения из-за слабой пропаганды, появилась новая киностудия – UFA. Вскоре она стала самой крупной в Европе фабрикой кино, ведь ее сотрудники предлагали соотечественникам и отправляли за рубеж до 100 фильмов в год. После Второй мировой войны вместо нее появилась DEFA, чья продукция уже не пользовалась таким успехом. В последнее десятилетие, после объединения страны, кинофабрика перестала существовать в прежнем качестве, а в Бабельсберге теперь действует тематический парк отдыха, отдаленно напоминающий Диснейленд.

Вид с холма Пфингстберг

Архитектурный центр Потсдама вплоть до конца Второй мировой войны составляли здания вокруг старой рыночной площади. Городской замок, ратуша, церковь Святого Николая доминировали над жилищами бюргеров так же явно, как постройки Сан-Суси над современной застройкой города. Именно такой – своеобразной, колоритной, по-немецки уютной – выглядит рыночная площадь Альтермаркт на картинах художников XVIII века, ныне выставленных в галерее Нового дворца.

Ворота Науэнер в Потсдаме

Вокруг храма со временем сформировался современный городской центр с бетонно-стеклянными зданиями банков, жилых домов, с библиотекой, устроенной по последнему слову техники, и Учительским институтом, на первом этаже которого размещаются торговые залы. Тем не менее атмосфера старой Германии в городе сохранилась. Незримое присутствие курфюрстов, королей, принцев и принцесс в окружении «голубых мундиров» ощущается на улицах, площадях и, конечно, в парках, устроенных по-военному четко, правильно, в полном соответствии с канонами садового искусства.

Дорога от столицы до Потсдама занимает не более получаса; сюда доходят линии метро, довольно быстро можно добраться на пароме или электропоезде от Шарлоттенбурга. На беглый осмотр здешних достопримечательностей требуется хотя бы день, но в таком случае следует отказаться от общественного транспорта и, за неимением собственного автомобиля, взять напрокат велосипед. Обойти Потсдам пешком невозможно, правда, если не ограничивать экскурсию историческим центром, или Старым городом, как принято называть районы, возникшие до XX века.

Любители пеших прогулок ориентируются в Потсдаме по церквям или воротам. Из последних особенный интерес вызывают Науэнер – похожий на римскую триумфальную арку проход для войск, победивших в Семилетней войне. Построенные в 1755 году архитектором Бюрингом, эти ворота стали первым на европейском континенте примером пришедшего из Англии неоготического стиля. Они возводились одновременно с Городским дворцом, спустя столетие были переделаны, к счастью сохранив прежнюю форму.

Власти Потсдама довольно поздно осознали, что город на земле Бранденбург

немыслим без одноименных ворот. Мысли об этом высказывались на собраниях городского совета, пока не дошли до короля, выделившего средства вместе с пожеланием сделать главные ворота в Потсдаме такими, каких не было даже в Берлине. Монументальная арка по римскому образцу возводилась в два этапа. В 1733 году архитектор Гонтард возвел и оформил вход со стороны города, а с 1770 года зодчий Унгер приступил к отделке обратной стороны ворот. Во внешней части боковые проходы разделялись коринфскими колоннами, установленными попарно на высоких постаментах. Центральный пролет украшали статуи трубящих гонцов, на аттике красовались изваяния Марса и Геркулеса, рядом с которыми автор поместил щит с гербом.

В самом конце века справа от Бранденбургских ворот появились эффектные здания кордегардии и арсенала. Изначально площадь перед аркой походила на небольшой парк или большой цветник с газонами, фонтаном, живыми изгородями из местного и экзотического кустарника. Расположенная здесь же казарма из красного кирпича с зубцами на крыше своим суровым видом напоминала о Средневековье, хотя была построена в эпоху модерн.

Бранденбургские ворота в Потсдаме

Бельдевер на холме Пфингстберг

Благодаря Фридриху-Вильгельму IV приезжие могли обозревать Потсдам с головокружительной высоты холма Пфингстберг, где король начал строительство Бельведера. Вид с его башен действительно открывался великолепный: старинные здания исторического центра, каменные мостовые, ровные ряды казарм, веселые пейзажи парков и суровая таинственность лесов, плотным кольцом окружающих Посадам. После войны лучшая смотровая площадка города посещалась редко, и заброшенная беседка начала постепенно разрушаться. В 1989 году сооружение было частично восстановлено; в первый год нового тысячелетия гости поднялись по длинной лестнице, чтобы, пройдя во внутренний двор, попасть в одну из башен и провести некоторое время наедине с красотами местной природы. Полностью завершить реконструкцию удалось только через несколько лет.

В годы правления Фридриха-Вильгельма IV, после завершения берлинской кольцевой железной дороги, в Потсдаме появился Главный вокзал. Так получилось, что он расположился в лесном районе, заняв часть территории охотничьей пустоши, примыкающей к пригородам Бранденбурга. Власти города решили использовать этот участок по прямому назначению и устроили здесь охотничий парк. Архитектор Ленне, который занимался его организацией, сохранил имевшиеся просеки, добавив к ним новые дорожки, обсаженные привезенными из других районов липами, каштанами, буковыми деревьями, кустами акации. Приглашенные садоводы заменили некоторые старые деревья такими же молодыми. В естественный загон были запущены олени и косули. Среди немногочисленных строений парка самым привлекательным для гостей стал так называемый баварский домик вблизи холма Шеферайберг. Не менее интересные дома лесничих созданы Перзиусом в стиле, объединившем в себе мотивы итальянских загородных вилл и средневековых замков Германии.

С 1842 года город пользовался системой гидротехнических сооружений парка Сан-Суси. Ее началом послужило своеобразное творение зодчего Перзиуса: источник в виде мечети, увенчанный дымовой трубой, походившей на минарет. Почти до конца века мощная для того времени паровая машина перекачивала воду из Хафель в бассейн на холме Руиненберг, откуда вода поступала в фонтаны. Сама система и все старинные устройства вместе с машинным залом сегодня уже не действуют, но бережно сохраняются за красивой чугунной решеткой как памятник архитектуры прошлого. Кстати, ограда выполнена по образцу решетки кафедрального собора в испанской Кордове.

Прославляя малые источники, жители Потсдама проклинали большой, а именно реку Хафель, переправа через которую представляла немало трудностей. Паром отнимал у населения время и деньги до 1823 года, когда власти, наконец, объявили о том, что в городе скоро появится полноценный мост. Для его строительства потребовалось углубить оставшийся со средневековых времен ров на острове Фройндшафтсинзель. Возведение нового моста началось с установки девяти чугунных опор, а после укладки покрытия строители приступили к монтажу разводного механизма, необходимого для пропуска судов.

В конце столетия даже такое высокотехническое сооружение не решало транспортной проблемы, поэтому рядом с ним появился еще один, пятый и предпоследний в истории Потсдама мост Лангебрюке. Он пересекал один из выступов «острова дружбы» Фройндшафтсинзель, который возник в результате наноса песка короткой речкой Нуте и в свое время был искусственно увеличен. К XIX веку превратившись в городской район, остров получил название ресторана, тогда считавшегося его единственной достопримечательностью. После восстановительных работ по окончании Второй мировой войны это почтенное заведение уступило первенство ботаническому саду.

Идея закладки декоративного и одновременно учебно-научного парка принадлежала местному биологу Карлу Фёрстеру, чей памятник был установлен на острове в 1974 году в честь столетия со дня рождения замечательного ученого, почетного гражданина Потсдама и просто человека, так много сделавшего для благоустройства родного города. Весьма оригинальный монумент представляет собой не скульптурный портрет профессора, а образ того, чему он посвятил свою жизнь: динамичная композиция, символизирующая богатство флоры, выкована из тонких листов нержавеющей стали.

Сегодня сотрудники ботанического сада Фройндшафтсинзель предлагают гостям посмотреть коллекцию, составленную из 1,3 тысячи видов растений. Гуляя по извилистым дорожкам, отдыхая у фонтанов, гости восхищаются ирисовыми лилиями (250 видов), с удивлением узнают о разнообразии сортов болотных и водяных растений. С течением времени парк наполнился скульптурой, среди которой особое внимание привлекают статуи «Влюбленные под зонтиком» работы фон Войского, «Пловчиха» Кремера, «Молодая лиса и медведь» Хороты, «Пингвины» Клакова. Жители ближайших кварталов ходят в ботанический сад по узкому пешеходному мостику.

В результате последней реконструкции Фройндшафтсинзель существенно изменился, сохранив водную осевую линию и плантацию дикорастущих кустарниковых растений. Новая дорожка вдоль канала ведет к розарию с читальным комплексом и далее к небольшому выставочному павильону. Домик для садовников превращен в грузинскую чайную. После переделки сильно расширенное старое кафе принимает до 200 гостей в зале и почти столько же на открытой террасе. В парке нашлось место уличным светильникам с моста Брайтебрюке, который в старину соединял берега городского канала. Сделанные в 1765 году братьями Ренц, старинные лампы гармонично вписались в композицию, куда, кроме них, вошел решетчатый парапет того же происхождения.

Если юго-западная часть острова является зоной науки, то противоположная сторона прекрасно подходит для активного отдыха. Для детей здесь установлены скульптуры для игр; игрушечный корабль используется в качестве кукольного театра. Рядом располагается площадка, где взрослые могут поиграть в настольный теннис, гольф, бадминтон, шахматы. В парке выдают напрокат спортивные снаряды, шезлонги, а взяв лодку на местной станции, можно прокатиться по тихим водам реки. Вечерами народ собирается в Зеленом театре, где спектакли, концерты или иные мероприятия проводятся почти каждый день.

Правители Бранденбургской марки, Пруссии и Германского рейха

1150–1170 – Альбрехт I Асканий (Медведь), первый маркграф Бранденбургский, основатель Берлина.

1170–1184 – Оттон I Асканий.
1184–1205 – Оттон II Асканий.
1205–1220 – Альбрехт II Асканий.
1220–1266 – Иоганн I Асканий.
1220–1267 – Оттон III Асканий.
1281–1308 – Оттон IV Асканий.
1308–1319 – Вальдемар Асканий.
Период раздробленных княжеств
1323–1373 – Виттельсбахи.
1373–1411 – Люксембурги.
1411–1440 – Фридрих Гогенцоллерн, бургграф Нюрнбергский, наследственный маркграф, с 1411 года наместник Германской марки, с 1414 – имперский курфюрст.
1440–1470 – Фридрих II Гогенцоллерн (Железный Зуб), имперский курфюрст.
1470–1786 – Альбрехт III Гогенцоллерн (Ахиллес), имперский курфюрст.
1486–1499 – Иоганн Гогенцоллерн (Цицерон), имперский курфюрст.
1499–1535 – Иоахим I Гогенцоллерн, имперский курфюрст. Альбрехт Гогенцоллерн (1490–1568), бранденбургский принц, правитель Восточной Пруссии, гроссмейстер Тевтонского ордена.
1535–1571 – Иоахим II Гогенцоллерн (Гектор), имперский курфюрст.
1571–1598 – Иоганн-Георг Гогенцоллерн, имперский курфюрст.
1598–1608 – Иоганн-Фридрих Гогенцоллерн, имперский курфюрст.
1608–1619 – Иоганн-Сигизмунд Гогенцоллерн, с 1608 года имперский курфюрст, с 1618 – великий курфюрст, правитель объединенного государства Бранденбург-Пруссия.
1619–1640 – Георг-Вильгельм Гогенцоллерн, великий курфюрст.
1640–1688 – Фридрих-Вильгельм Гогенцоллерн, великий курфюрст.
1688–1713 – Фридрих III Гогенцоллерн, с 1688 года великий курфюрст, с 1701 – король Пруссии Фридрих I. София-Шарлотта (1658–1705), жена Фридриха I.
1713–1740 – Фридрих-Вильгельм I Гогенцоллерн, король Пруссии.
1740–1786 – Фридрих II Гогенцоллерн (Великий), король Пруссии. Елизавета-Кристина, жена Фридриха II.
1786–1797 – Фридрих-Вильгельм II Гогенцоллерн, король Пруссии. Луиза, жена Фридриха-Вильгельма II.
1797–1840 – Фридрих-Вильгельм III Гогенцоллерн, король Пруссии.
1840–1861 – Фридрих-Вильгельм IV Гогенцоллерн, король Пруссии.
1861–1888 – Вильгельм I Гогенцоллерн, с 1861 года король Пруссии, с 1871 года кайзер Германии.
1888 – Фридрих III Гогенцоллерн, кайзер Германии.
1888–1918 – Вильгельм II Гогенцоллерн, кайзер Германии.

Хронология строительства отдельных сооружений Сан-Суси

Сад Марли – создан во времена Фридриха-Вильгельма I, приблизительно в 1680-х годах.

Виноградник – заложен в 1745 году.

Старый дворец – 1745–1747 годы.

Портал с обелиском – 1747 год.

Новые палаты – 1747 год.

Скальные ворота – в 1748 году построены из дерева, в 1749 году – из камня.

Ротонда со сценами похищения – 1750 год.

Ротонда муз – 1752 год.

Козий парк – заложен в 1746 году.

Грот Нептуна – 1751–1757 годы.

Китайский чайный домик – 1754–1757 годы.

Картинная галерея – теплица строилась в 1755–1763 годах, собственно галерея была завершена к 1766 году.

Новый дворец – 1763–1775 годы.

Античный храм – 1768 год.

Дворцовый театр – 1768 год.

Храм дружбы – создан в 1768 году в память сестры Фридриха Великого Вильгельмины, умершей в 1757 году.

Службы – 1766–1769 годы.

Домик с драконами – 1770 год.

Бельведер – 1770–1772 годы.

Шарлоттенхоф – в 1826–1828 годах строился дворец, в 1852 к нему был присоединен парк.

Римские купальни – 1829–1835 годы.

Ипподром – заложен в 1836 году.

Храм мира – 1845–1848 годы.

Сицилианский сад – заложен в 1857 году.

Северный сад – заложен в 1857 году.

Оранжерея – 1851–1860 годы.

Иллюстрации с цветной вкладки

«Сказочный» ландшафт земли Брандербург

Здания в историческом центре Берлина

Берлин. Вид с высотного здания на Александерплац

Берлин. Памятник гугенотам перед Французским собором

Берлин. Брандербургские ворота

Берлин. Квадрига на Брандербургских воротах

Берлин. Красная ратуша и фонтан «Нептун»

Берлин. Замковый мост и Арсенал на Унтер-ден-Линден

Берлин. Дворец Шарлоттенбург

Берлин. Возрожденный Рейхстаг

Потсдам. Сан-Суси. Старый дворец

Потсдам. Сан-Суси. Застекленные веранды виноградника

Потсдам. Сан-Суси. Пейзажный парк

Потсдам. Сан-Суси. Скульптура Большого фонтана

Потсдам. Сан-Суси. Музыкальный салон в Старом дворце

Потсдам. Сан-Суси. Апартаменты Фридриха II

Потсдам. Сан-Суси. Китайский чайный домик

Потсдам. Сан-Суси. Дворцовый парк

Потсдам. Сан-Суси. Театр в Новом дворце

Потсдам. Сан-Суси. Римские купальни

Потсдам. Цецилиенхоф. Вход во двор

Потсдам. Цецилиенхоф. Зал Потсдамского соглашения

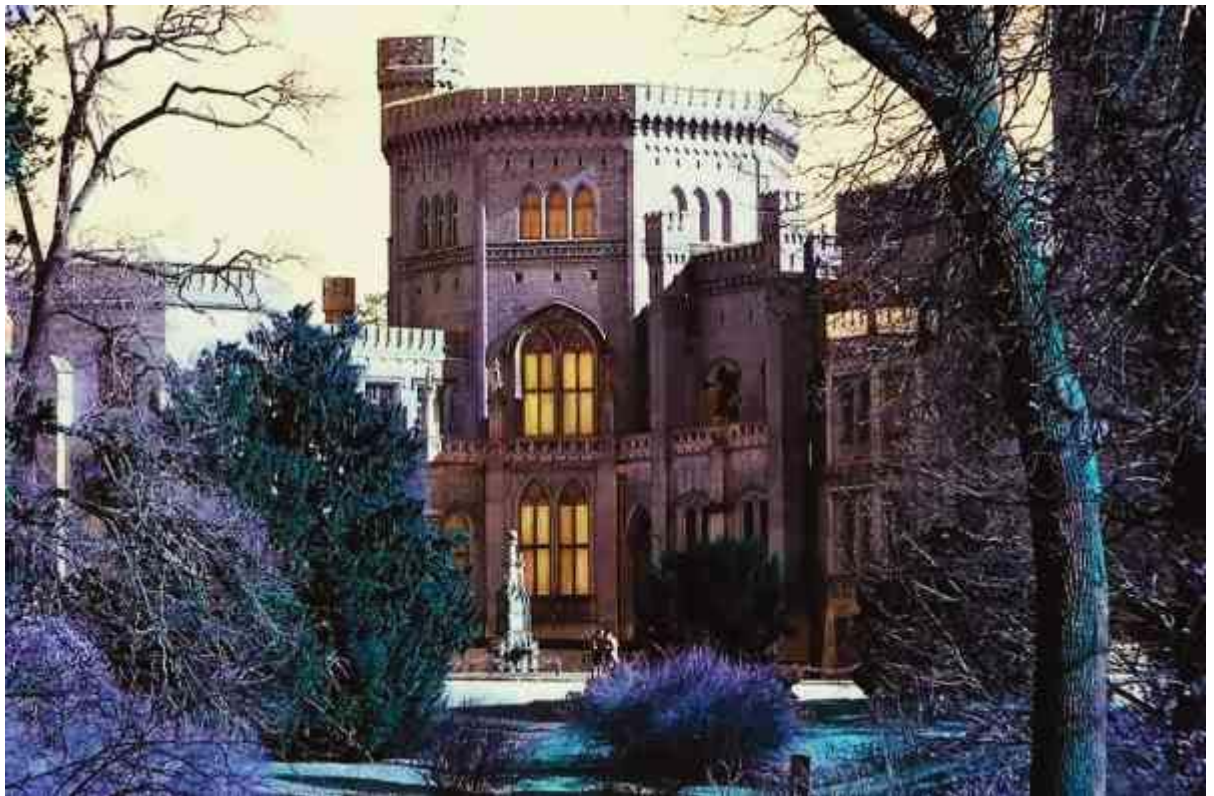

Потсдам. Цецилиенхоф. Белая гостиная

Потсдам. Мраморный дворец

Потсдам. Королевский дворец в замке Бабельсберг